

АКАДЕМИЯ
НАУК СССР
∨
ИНСТИТУТ
МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
имени
А. М. ГОРЬКОГО
∨
АКАДЕМИЯ
НАУК
УЗБЕКСКОЙ
ССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО • НАУКА •

РУСТАМХОН

ЎЗБЕК
ДОСТОНИ

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1972

РУСТАМХАН

УЗБЕКСКИЙ
ГЕРОИКО-РОМАНИЧЕСКИЙ
• ЭПОС

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1972

Главный редактор серии
«ЭПОС НАРОДОВ СССР»
А. А. ПЕТРОСЯН

Составитель тома
автор исследования и комментариев
Н. В. КИДАЙШ-ПОКРОВСКАЯ

Ответственный редактор
А. С. МИРБАДАЛЕВА

Перевод
Н. В. КИДАЙШ-ПОКРОВСКОЙ и А. С. МИРБАДАЛЕВОЙ

Узбекский текст записал и подготовил к печати

Х. Т. ЗАРИФОВ

Р 89 Рустамхан. Узбекский героико-романический эпос. М. Главная редакция восточной литературы издательства «Наука». 1972.

331 с. («Эпос народов СССР»).

Эпос «Рустамхан» — книга из серии «Эпос народов СССР» — является первой научной публикацией узбекской героико-романической народной поэмы.

Русский читатель сможет получить полное представление о характере и стилистической системе этого жанра узбекского фольклора, так как перевод передает все своеобразие публикуемого в этой же книге подлинника. Издание сопровождается исследованием и комментариями.

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР совместно с институтами языка и литературы академий наук союзных республик предпринял научную публикацию эпических произведений устной поэзии народов СССР: русского, украинского, белорусского, узбекского, казахского, грузинского, азербайджанского, латышского, киргизского, таджикского, армянского, туркменского, эстонского, абхазского, башкирского, бурятского, каракалпакского, карельского, осетинского, татарского, якутского, адыгского, алтайского, хакасского и других. Научный характер публикаций определяет некоторые особенности книг, составляющих серию: перевод эпических текстов выполнен с максимально достигнутой адекватностью. Переводчики всякий раз стремились отразить поэтические особенности эпоса, сохранить систему образных средств, плавность и напевность речи в русском звучании. Насколько удалось это в каждом конкретном случае — рассудит читатель.

Каждая книга серии будет включать обязательные разделы: краткое исследование, посвященное исторической оценке и художественной характеристике издаваемого памятника; текст эпоса на языке оригинала и его перевод (если имеются научные публикации эпоса, будут даны лишь фрагменты на языке оригинала и полностью перевод); комментарии, примечания, словарь, содержащий термины, имена, географические названия, непонятные русскому читателю; сведения о сказителях, от которых записан текст эпоса.

Вышли в свет тома серии: «Хурлукга и Хемра. Саят и Хемра. Туркменский романический эпос», «Украинские народные думы».

О ДАСТАНЕ «РУСТАМХАН»

Эпическое сказание «Рустамхан» счигается одним из ярких образов узбекской народной поэзии. Оно занимает центральное место в цикле дастанов о богатыре Рустаме. Весь цикл объединяет пять поэм. Две из них — «Мурадхан» и «Султанхан» — посвящены деду и отцу Рустама, а три остальные — «Рустамхан», «Офтоб-пери» (или «Офтобой») и «Ранение Рустама» — рассказывают о подвигах самого богатыря. Из всего цикла записаны и изданы на узбекском языке два дастана: «Рустамхан» и «Мурадхан».

Дастан в широком значении — это произведение эпического жанра в литературах и фольклоре Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Азии. В персидской, таджикской, узбекской, азербайджанской классических литературах (X—XV вв.) дастанами именовались самостоятельные героические и романические поэмы или же главы из больших эпических сказаний (например, из «Шах-наме» Фирдоуси). Дастанами называют и фантастические повести (типа «Сейф ал-Мулук»), которые создавались вплоть до XIX в.

В отличие от персидских и таджикских дастанов, имеющих либо только поэтическую, либо только прозаическую форму, дастаны тюркоязычных народов сочетают стихи и прозу. При исполнении стихи поются под аккомпанемент струнных инструментов — дутара, домбры, кобуза.

Дастаны восходят к книжным или фольклорным источникам. Большинство произведений, созданных когда-то отдельными сказителями, со временем приобрели все черты устного бытования. Современные исполнители — ашуги, бахши, шаиры сохраняют неизменным традиционный характер этого жанра (героика, гипербола, идеализация героев, любовно-приключенческие и сказочно-фантастические сюжеты, а также однотипные зачины, концовки, эпические клише). Дастан отличается от других фольклорных жанров большим объемом, композиционной сложностью, многообразием жанров, органически входящих в его художест-

венную структуру (эпический сказ, предания, сказки, песни, пословицы, поговорки и т. п.).

У ряда тюркоязычных народов — туркмен, узбеков, каракалпаков — дастаны создаются и исполняются народными певцами и поныне¹.

Имя героя узбекского дастана «Рустамхан» тождественно имени эпического богатыря Рустама, известного многим народам Ближнего и Среднего Востока. Эпические народные сказания о Рустаме (Рустеме, Ростоме) издавна бытовали в Персии, по всей Средней Азии и в значительной части Афганистана. Они были популярны в Турции, Грузии, Армении. У народов Средней Азии имя Рустам стало нарицательным для выражения богатырской храбрости и доблести. В языке этих народов существует своеобразное определение: *Рустамвор* (тадж.), *Рустамдай* (узб.) 'по-рустамовски', что означает «героически».

Исследователи связывают это имя с именем богатыря Рустама Дастана (Рустема, сына Заля), известного еще по древним согдийским фрагментам и сказаниям народностей, обитавших на территории современных Ирана и Таджикистана. Как отмечает И. С. Брагинский, «многие мотивы и идеи этого древнейшего устного творчества нашли свое отражение в Авесте, разрабатывались впоследствии в письменной литературе среднеазиатских народов, в средневековом таджикском фольклоре и замечательно воплотились в „Шах-наме“ Фирдоуси»².

Рустам издавна был идеалом храбрости и силы также и в сказаниях кавказских народов. Об этом сообщает В. Ф. Миллер: «При изображении совершенств какого-нибудь сказочного царевича рассказчик говорит о нем, что он храбр, как Рустеми-Зал»³.

Как отмечал А. Н. Самойлович, имя Рустеми-Заля в качестве «украшающего эпитета» встречается и в классической литературе тюркских народов Средней Азии. Например, в произведении Алишера Навои «Состязание двух языков» султан Хусейн Байкара сравнивается с богатырем Рустемом. Такое же сравнение встречается и в стихотворной хронике начала XVI века «Шейбани-наме» тимуридского поэта из Хорезма Мухаммеда Салиха, так же как и у многих других авторов вплоть до XIX в.⁴

Среди узбеков⁵, чья древняя культура формировалась в тесном

¹ Подробней об узбекских дастанах и их исполнителях см.: В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, М., 1947, стр. 23—58.

² И. Брагинский, Из истории таджикской народной поэзии, М., 1956, стр. 85.

³ В. Ф. Миллер, Отголоски иранских сказаний на Кавказе, — «Этнографическое обозрение», кн. II, М., 1889, стр. 1.

⁴ А. Н. Самойлович, Иранский эпос в тюркских литературах, — сб. «Фердави. си. 934—1934», Л., 1934, стр. 169.

⁵ В XIX — начале XX в. узбеки представляли собой оседлое — сельское и городское — население и полукочевые племена. Оседлых узбеков в Ташкентском оазисе,

взаимодействии с культурой соседних племен и особенно ираноязычных предков современных таджиков, живших длительное время на смежной или одной и той же с ними территории, также бытовали сказания о богатыре Рустеме-Зале (Рустаме Дастане). В более позднюю эпоху — в период развитого феодализма (XVI—XVII вв.) — в числе книг, переводимых с персидского языка, были и переводы из «Шах-наме». Это был один из важных источников проникновения отдельных сказаний о Рустеме также и в сказительскую среду. В XIX в. начали записывать народные поэмы, которые публиковались литографическим способом в Ташкенте и Казани. Среди подобных изданий большую популярность имела народная книга «Рустам Дастан», к которой восходит героическое сказание «Рустам сын Заля». Все это могло способствовать созданию и распространению новых версий «Рустемияны», бытовавших среди узбеков в форме устных поэтических и прозаических сказаний, легенд и сказок.

Однако узбекский народный дастан «Рустамхан» не имеет прямой генетической связи со сказаниями о Рустеме-Зале (Рустаме Дастане). Главный герой узбекской поэмы лишь отдельными чертами напоминает прославленного эпического богатыря. Более всего это проявляется в описании его храбрости и непобедимости, его богатырского клича, в рассказе о его победе над дивами и драконом. Сюжет дастана также воскасал лишь отдельные мотивы, в которых сказалось влияние древних традиций, сложившихся вокруг эпоса «Шах-наме». Таковы, например: встреча отца с сыном, которого отец не узнает; богатырский поединок отца и сына (вариант Маллабая Хашимова); встреча Рустама с чудесной птицей Симург; борьба Рустама с дивами (вариант Маллабая Хашимова).

По своему содержанию и художественной форме дастан «Рустам-

Ферганской долине и Хорезме именовали сартами. Они сформировались в результате длительного смешения ираноязычных, тюркских, отчасти монгольских этнических элементов. Этот процесс, начавшийся в конце первого тысячелетия до н. э., продолжался вплоть до XVI в., а в дальнейшем в менее интенсивной форме — до начала XX в. Полукочевые узбеки делились на обособленные родо-племенные группы: кунграт, мангыт, союз племен марка, кытай, найман, канглы (всего насчитывалось около 50 племенных названий). Многие эти племена происходили из степных дешти-кыпчакских узбеков и в XIX в. сохраняли лишь внешнюю форму родо-племенной организации, так как по существу являлись объединениями более позднего происхождения — эпохи средневековья. Их общественные отношения были патриархально-феодальными. Отдельные группы племен расселялись среди оседлого, земледельческого населения, что способствовало усилению территориальной, языковой, культурной и экономической консолидации узбекской народности. Узбекская народность окончательно сформировалась в нацию с образованием в 1924 г. Узбекской Советской Социалистической Республики (см.: К. Шаниязов, Этнический состав узбеков и консолидация их в социалистическую нацию, — VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1964).

хан» — оригинальное, самобытное произведение узбекского народа. В нем повествуется, порою с сильной романтической приподнятостью, о судьбе изгнанницы — царицы Хураим, любимой жены Султанхана, правителя страны Акташ, оклеветанной двумя его другими женами. Ее спасает от казни сын — юный богатырь Рустам. Затем он убивает дракона и избавляет царевну Офтобой и народ ее страны от гибели, преодолевает козни злой старухи колдуньи и возвращается вместе с матерью в родной Акташ. Клеветники же несут справедливое наказание.

Если согласиться с мнением исследователей о том, что романические сказания, сменившие старый героический эпос, особенно интенсивно создавались в эпоху узбекских ханств в XVI—XVIII вв.⁶, то можно предположить, что и дастан «Рустамхан» мог сложиться в окончательной своей редакции не ранее XVI—XVII вв. В пользу этого свидетельствует и сам характер содержания произведения. В нем сказочная фантастика сочетается с изображением реалий, характерных для жизненного уклада развитого феодального общества, что специфично для позднего романического эпоса. Более точных данных о времени возникновения дастана привести невозможно, поскольку отсутствуют источники, которые прямо или косвенно свидетельствовали бы о месте и времени его создания.

Мы предполагаем, что местом возникновения дастана можно считать территорию нынешней Самаркандской области. Именно здесь эпос получил наибольшее распространение. Подтверждает наше предположение и узкая географическая локализация событий в самом эпосе: Акташ — родина богатыря, где долгое время правил его отец падишах Султанхан; озеро Чархин — обиталище дракона, возле которого богатырь борется с чудовищем. Названия этих мест соответствуют названию реальных географических пунктов. В Самаркандской области имеется несколько небольших городов и селений, именуемых Акташ или Чархин.

Дастан «Рустамхан» был записан в 1937 г. известным узбекским фольклористом Х. Т. Зарифовым от народного сказителя Фазыла Юлдаш-оглы (1872—1955) — выдающегося представителя так называемой булунгурской школы⁷. Запись хранится в рукописном фонде сектора фольклора Института языка и литературы им А. С. Пушкина Академии

⁶ В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, стр. 346.

⁷ Узбекские сказители (шаиры, или бахши), подобно казахским или киргизским акынам, проходили своего рода школу обучения сказительскому мастерству. Ученики шаиров наряду с усвоенным мелодий песен — классических и народных — усваивали систему традиционных образов фольклорных произведений и особенности поэтического стиля.

Фазыл Юлдаш-оглы. Самарканд, 40-е годы. Фото Х. Т. Зарифова
(Архив Института языка и литературы им. А. С. Пушкина
АН Узб. ССР)

наук Узбекской ССР, под номером 112. Х. Т. Зарифов был связан с поэтом долготелной творческой дружбой (с 1925 г.) и постоянно поддерживал с ним контакт. Каждый раз, приезжая в город, Фазыл останавливался в доме Х. Т. Зарифова вначале в Самарканде, потом в Ташкенте, где и было записано много песен и дастанов в исполнении этого замечательного народного певца.

Запись дастана «Рустамхан» производилась под диктовку сказителя без всякого изменения фраз и слов, включая и произношение.

Уроженец кишлака Лойка Булунгурского района Самаркандской области Фазыл Юлдаш-оглы происходил из семьи бедного дехканина, был батраком и всю жизнь оставался неграмотным. Еще в юности он проявил способности к пению. Научившись у пастухов играть на домбре и петь народные песни, Фазыл привлек к себе внимание сказителей — братьев Юлдаша, Кулдаша и Суяра, которые были его односельчанами. В течение нескольких лет Фазыл обучался у одного из них — Юлдаш-шаира, который в свою очередь обучился сказительскому искусству у Юлдаш-бульбуля — ученика сказителя Мухаммед-шаира, жившего во второй половине XVIII в. Юлдаш-шаир, как сообщил нам Х. Т. Зарифов, усыновил Фазыла, а потом отдал за него свою дочь. Юлдаш-шаир передал Фазылу большинство дастанов своего репертуара и к двадцати годам тот стал исполнять их самостоятельно. Постепенно он приобрел широкую известность в народе.

Интересен эпизод, рассказанный Х. Т. Зарифову певцом в момент записи поэмы «Рустамхан». Однажды Фазыл исполнял дастан о Рустеме-Зале в присутствии казиза — духовного судьи своего района (вилайета) по имени Сафар-кази. Герой дастана не понравился казизу-мусульманину. Через некоторое время Фазылу опять пришлось выступать в присутствии того же судьи, но на этот раз с исполнением дастана «Рустамхан». Казий сразу же остановил певца и спросил: «Это тот же Рустам?» Фазыл ответил, что поет о другом Рустаме. «Когда же он жил? До пророка Мухаммеда или после?» — спросил казий. Певец ответил, что герой жил после пророка и что он мусульманин. Только после этого казий разрешил исполнять поэму.

После Октябрьской революции Фазыл продолжал жить в родном кишлаке, работал в колхозе и постоянно выступал в окрестных селах и районах как народный певец-импровизатор. Часто восторженные слушатели не отпускали Фазыла, и тогда он пел полный цикл сказаний о Рустаме, который состоял из пяти самостоятельных поэм. Такое исполнение, требовавшее большого мастерства, занимало не менее пяти ночей подряд. С вечера и до рассвета Фазыл сказывал и пел в сопровождении своей домбры. Исполняя старые дастаны и народные песни, он сочинял много новых поэм, песен и поэтических посвящений — «терма», в которых живо откликался на революционные события, касался

многих актуальных тем, связанных с народной жизнью эпохи социализма. В конце своей жизни Фазыл приезжал в Ташкент, Самарканд и другие города республики, чтобы демонстрировать свое искусство. Он был окружен почетом и любовью народа, имел ряд правительственных наград.

Из традиционного эпоса Фазыл Юлдаш-оглы знал более сорока дастанов. Из них было записано 28, а издано 12 дастанов (некоторые переиздавались неоднократно). Среди них замечательные эпические поэмы «Алпамыш», «Ядгар», «Ширин и Шакар», «Балогардон», «Интизар», «Мурадхан», романические дастаны из цикла «Гороглы», поэмы «Тулган-ой», «Фархад и Ширин», «Очилдав», авторская поэма «Витязь в тигровой шкуре», созданная по мотивам одноименного произведения Шота Руставели, и др.⁸

В 1939 г. впервые публикуются отдельные отрывки дастана «Рустамхан» по варианту Фазыла Юлдаш-оглы в хрестоматии Х. Т. Зарифова «Узбекский фольклор»⁹. Несколько позже, в 1942 г., была осуществлена публикация полного текста этого варианта лишь с небольшими сокращениями внутри стихотворных частей (подготовка издания Зафара Диёра)¹⁰. В сокращенном виде он был издан в 1950 г. (подготовка и предисловие Зайтуны Каримовой)¹¹ и затем вновь переиздан в 1955 г.¹² Обширные отрывки дастана опубликованы в книге «Избранные произведения» Фазыла Юлдаш-оглы¹³, а также в книге «Узбекские народные дастаны», вышедшей в издании Академии наук Узбекской ССР¹⁴. С незначительными сокращениями дастан опубликован в 1965 г. в многотомном издании Академии наук Узбекской ССР¹⁵.

В фольклорном архиве ИЯЛИ им. А. С. Пушкина хранятся также записи дастана, сделанные от менее известных сказителей. Записи произведены в 1935 г. Буюком Каримовым от Маллабая Хашимова (Касансайский район Наманганской области)¹⁶ и в 1940 г.—Бейкулом Шерба-

⁸ Более подробно о Фазыле и его репертуаре см.: В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, стр. 48—51.

⁹ *Özbek folklori. Pedagogik institutlar ucun xrestomatija. Kitab 1, turuci N. Zarif, Taşkent, 1939, str. 166—180.*

¹⁰ Фозил Йўлдош ўғли, Рустамхон, босмога тайёрловчи Зафар Диёр, Тошкент, 1942.

¹¹ Фозил Йўлдош ўғли, Рустамхон, нашрга тайёрловчи З. Каримова, Тошкент, 1950.

¹² Фозил Йўлдош ўғли, Рустам. Достон, нашрга тайёрловчилар З. Каримова ва Х. Расул, Тошкент, 1955.

¹³ Фозил Йўлдош ўғли, Танланган асарлар, нашрга тайёрловчи Ҳоли Зариф, Тошкент, 1949, стр. 286—292.

¹⁴ «Ўзбек халқ достонлари», т. 1, Тошкент, 1958, стр. 199—201.

¹⁵ «Ўзбек халқ ижоди, достонлар. Муродхон. Рустамхон», Тошкент, 1965.

¹⁶ «Rustamxan» dastani. Kasansaj rajon. Kasan posolkasida turuci Mallavaj Naşimov baxşi aqzidan jazib alindi. Jazib aluci Bujuk Karim, 1935, инвент. № 594.

Ведущие фольклористы Узбекистана Х. Т. Зарифов (справа) и М. И. Афзалов (крайний слева) прослушивают перед записью эпоса сказителя Таш-Шаира Чаршамбаева, Шахрисябз, 1959 г.

таевым от Мелаша Эрматова (Заминский район Самаркандской области)¹⁷. В 1962 г. сотрудниками сектора фольклора Института языка и литературы АН Узбекской ССР была осуществлена запись дастана на магнитофонную ленту от Алим-шаира Хаккул-оглы в Иштиханском районе Самаркандской области (расшифрована Турой Мирзаевым в 1965 г.¹⁸). Все эти записи не издавались.

Вариант Фазыла Юлдаш-оглы и по форме и по содержанию представляет собой наиболее совершенное произведение из всех существующих записей дастана. Поэтому именно данный вариант взят в основу настоящего издания.

¹⁷ Uluq šair Mejlaš Ermatov ajtuci, jazuci Šerbotajov Beyqul, «Rustam» dastan, 1940, инв. № 802.

¹⁸ «Рустамхон» достони. Айтувчи Алим Хаккулов. 1962, инв. № 1552.

Поэма до сих пор бытует в исполнении современных народных сказителей: Ярлакаба Бекназарова (Заминский р-н Самаркандской обл.), Эгамберды Алламурад-оглы (Хатирчинский р-н Самаркандской обл.), Абдимумин-бахши (Гулистанский р-н Ташкентской обл.), Эшбая Самон-оглы (Иштиханский р-н Самаркандской обл.), сказителей Сабирова (Беговат Ташкентской обл.) и Худжамова Чари (Букинский р-н Ташкентской обл.). Записи от этих сказителей не производились.

ОСОБЕННОСТИ СОДЕРЖАНИЯ

Дастан «Рустамхан» относится к героико-романическому жанру. Это означает, что в нем сочетаются героические и романтические элементы, причем романтическая линия занимает второстепенное положение¹⁹.

По своему содержанию дастан отличается от многих романтических поэм — как узбеков, так и других народов Ближнего и Среднего Востока, где повествуется о возвышенной любви героя к неземной красавице-пери, которую он видит впервые во сне или узнает о ней со слов других. В таких поэмах все подвиги и приключения героя связаны с поисками или похищением возлюбленной (например, в народной версии «Фархад и Ширин», «Лейли и Меджнун», «Тахир и Зухра», «Сейпультемлик», «Приключения царевича Санаубара», «Хурлукга и Хемра»).

В дастане же «Рустамхан» на первый план выступает рассказ о подвигах Рустама во имя создания семьи, что является традиционной темой героического эпоса. Правда, в отличие от многих богатырей героического эпоса Рустам не стремится к централизации своей власти, к объединению разрозненных племен, не отражает набеги иноземных врагов. Характер его борьбы определен ролью спасителя своей семьи, защитника преследуемых или безвинно страдающих. Именно этот пафос присущ подвигам богатырей героического эпоса многих среднеазиатских и алтайских народов, где «защита обиженных, без вины преследуемых является одной из обязательных функций героя»²⁰.

Исследователями отмечено, что в основу дастана легло несколько сюжетов, известных сказочной традиции многих народов мира. Первый сюжет возводится к «Сказке о царе Салтане», поэтически обработанной А. С. Пушкиным²¹.

¹⁹ Определяя жанровую специфику цикла сказаний о Рустаме, В. М. Жирмунский и Х. Т. Зарифов относят дастан «Рустамхан» то к любовно-романическому эпосу типа народных романов, то к жанру героико-романическому. Вызвано это, очевидно, тем, что дастаны этого цикла объединяют и героическую, и романтическую тематику (см.: В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, стр. 136, 150).

²⁰ И. В. Пухов, Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо (машинопись), стр. 615.

²¹ В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, стр. 161.

Заметим, однако, что у народов Ближнего и Среднего Востока сюжет этого типа сохраняет следующие постоянные мотивы. У падишаха много жен, но он бездетен. Чтобы не остаться без наследника, падишах решает взять новую жену. Однажды падишах, находясь вдали от дома на охоте, случайно подслушивает разговор трех бедных сестер. Старшая сестра говорит, что если станет царицей, то наварит плова и накормит весь народ или же приготовит еду для многих людей из одного яйца. Средняя сестра дает обет соткать ковер величиной во всю землю, а младшая — родить богатыря (либо златокудых мальчика и девочку). Падишах женится на трех сестрах. Старшая сестра становится поварихой, средняя — ткачихой. У младшей жены в отсутствие падишаха рождаются сын и дочь. Сестры-соперницы, стремясь погубить царицу, подговаривают злую старуху положить в колыбель двух щенков, а детей приказывают отнести в степь и убить. Вернувшись с охоты падишаху они сообщают, что младшая сестра родила щенков, и в доказательство показывают колыбель. Разгневанный падишах велит казнить жену (в иных вариантах — заточить в подземелье). Слуга, которому было приказано убить детей, из жалости не убивает их, а бросает в степи, где их находит бедный старик. Спустя много лет падишах случайно встречает юношу на охоте и приглашает его в гости к себе во дворец. Жены, опознав в нем царевича, вновь посылают злую старуху убить детей. Старуха отыскивает дом, где живут брат с сестрой. Она учит девушку, как заставить брата раздобыть чудесные предметы. Юноша трижды выполняет желания сестры, преодолевая смертельную опасность в борьбе с чудовищами, дивами, колдуньями и пери в заколдованном царстве. В конце концов падишах снова встречается с детьми и узнает всю правду. Клеветников казнят (реже — милуют), а семья вновь соединяется и обретает счастье²².

Известный тюрколог профессор Н. К. Дмитриев, определяя типологию сюжета «Сказки о царе Салтане», указывает прямой вариант пушкинской версии в турецкой народной сказке «Дильрукеш» с ее характерными мотивами: три девицы; падишах, подслушивающий под окном; младшая становится женой падишаха и родит ему двоих детей; бабка, призванная старшими сестрами, подкладывает щенят, а детей бросает у реки; падишах приговаривает оклеветанную жену к казни. При этом Н. К. Дмитриев обращает внимание на то, что вторая поло-

²² См., например: «Хасан и Зухра», «Воспирохун», «Блестящая глиняная чашка», «Золотая косичка» (см.: «Узбекские народные сказки» в двух томах, пер. с узб. и редакция М. И. Шеввердина, сост. М. И. Афзалов, Х. Расулев, З. Хусайнова, т. 1, Ташкент, 1963, стр. 161, 302, 465); «Говорящие попугаи» (см.: «Таджикские сказки», под ред. Б. Г. Гафурова и А. М. Мирзоева, М., 1961); монгольская «Сказка о Буджин-Дава-Хане» (см. «Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А. П. Беннигсен», СПб., 1912).

вина пушкинской сказки представляет собой близкий вариант другой турецкой сказки — «Сказки о плешаке». Он отмечает также, что мотивы «Сказки о Салтане» встречаются и в литературной обработке, например произведенной в XIX в. писателем Мехмедом Тевфиком. Первая часть его книги «Год в Стамбуле», озаглавленная «Тандыр башы», чуть ли не дословно соответствует пушкинской версии²³.

Сюжет дастана «Рустамхан» не полностью сохраняет данную сказочную версию. В нем опущена вся вторая часть сказочного сюжета (о плавании изгнанников в бочке, о чудесном острове царевича и его приключениях вплоть до встречи с отцом-падишахом). Помимо этого, отсутствуют и многие мотивы, характерные для данного сюжета тюркских народных сказок: встреча падишаха с тремя сестрами во время охоты и их обеты; рождение у младшей сестры двоих детей и подмена их щенками; усыновление детей бедным стариком; приключения царевича в заколдованном царстве в поисках чудесных предметов.

Что касается мотива клеветы, то, хотя, как и в сказке, безвинная младшая сестра изгоняется и спасенная сыном после долгих лет скитаний снова обретает семью, мотив этот в дастане носит иной характер, чем в сказке. Он имеет общие черты с аналогичным эпическим сюжетом, например в древних сказаниях тюркских народов, вошедших в цикл «Деде-Коркут». Здесь жертвой является сын (а не жена хана), на которого из зависти клеветуют его джигиты. Поверив клевете, хан приговаривает юношу к казни. Его спасает мать, которая долго разыскивает и находит тяжелораненого сына в ущелье. Спасенный (так же как и Хураим в дастане) отказывается вернуться к жестокому хану... Его (как и мать Рустама) сажают на коня и увозят далеко от владений хана²⁴.

Эпизод со слугой, который защищал ханский дом, также имеет ряд параллелей. Пастух Салор-Казана, оставшись один в орде во время похода хана, видит «черный зловеющий сон», предвещающий приход врага. Он закрывает ворота ограды, в трех местах насыпает камни, вооружается пращей. Когда подъехали к ограде гяуры, он грозит убить каждого, кто войдет²⁵. В дастане прислужница Химча также разгадывает сон царицы, предвещающий приход врагов-палачей. Она закрывает все ворота крепости, берет ружье, становится на страже у главных ворот и грозит подъехавшим к крепости палачам убить всех, если они

²³ Н. К. Дмитриев, Турецкие сказки, — в кн.: «Турецкие народные сказки», пер. Н. А. Цветинович-Грюнберг, под ред. Н. К. Дмитриева, 2-е изд., М., 1967, стр. 19.

²⁴ В. Бартольд, Китаби-Коркуд. II. Рассказ о Богач-Джане, сыне Дерсе-хана, — «Записки Восточного отдела Русского Археологического общества», т. XI, СПб., 1879—1898, стр. 175—194.

²⁵ В. Бартольд, Китаби-Коркуд. III. Рассказ о разграблении дома Салор-Казана, — там же, т. XII, 1899, стр. 037—058.

проникнут в крепость. Сходно в обоих памятниках изображается и трагический финал: враг врывается в укрепление и побеждает благодаря численному превосходству.

Все эти повторяющиеся детали определяют характер эпического сюжета, отличного от сказочного. В последнем, как справедливо считает Н. К. Дмитриев, «мотив зависти к счастливой роженице, жене падишаха, со стороны сестер или старшей жены встречается постоянно вместе с мотивом „подкладывания“ роженице щенят»²⁶.

Это, как и отсутствие в дастане второй части сюжета сказки о царе Салтане, позволяет предположить, что он восходит не к сказочной, а к эпической традиции.

В основную канву повествования поэмы включаются еще два сюжета — рассказ о бое богатыря с драконом и о его женитьбе на спасенной царевне, — которые исследователи связывают с популярным у многих народов мира сказочным сюжетом о герое, побеждающем дракона и добывающем невесту (тип № 300)²⁷. Сюжет об ослеплении и последующем чудесном исцелении героя исследователи объясняют заимствованием из сказок тюркских народов Средней Азии²⁸. Оба сюжета будут подробно рассмотрены нами при анализе содержания.

Характерная особенность сюжета дастана (в вариантах всех сказителей) состоит в том, что он заключает в себе большое количество разнообразных эпизодов и мотивов, составляющих целостное художественное единство. Сюжетная линия в вариантах всех сказителей совпадает. Однако отдельные эпизоды и мотивы варьируются, причем иногда весьма значительно²⁹.

Во всех вариантах главным героем является богатырь Рустам, подвиги и деяния которого определяют все содержание произведения.

Сюжет дастана условно делится на три большие части.

Первая часть. Предыстория рождения богатыря (завязка); рассказ о детстве и воспитании героя; первый богатырский подвиг — битва Рустама с палачами и спасение матери (кульминация).

Рассказ о первом богатырском подвиге Рустама, спасающего свою мать от палачей, — один из самых ярких и волнующих эпизодов поэмы.

²⁶ Н. К. Дмитриев, Турецкие народные сказки, стр. 19.

²⁷ В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, стр. 162

²⁸ Там же, стр. 163.

²⁹ Например, эпизод рождения богатыря в варианте Фазыла Юлдаш-оглы сохраняет традиционную эпическую форму: богатырь рождается по молитве престарелого бездетного отца; одновременно с ним рождается его будущий богатырский конь. В вариантах других сказителей эпизод этот значительно отклоняется от формы эпического зачина, утрачивая основные свои компоненты. Все изменения, наблюдаемые в эпизодах разных вариантов, подробно показаны в «Приложениях».

В данном эпизоде использованы два фольклорных сюжета. Это упомянутый выше сюжет о царице, оклеветанной своими соперницами. Однако он не исчерпывается целиком в этой части повествования, так как служит канвой для всей фабулы. Далее развитие кульминации действия (спасение героем своей матери) приостанавливается, и повествование включает дополнительный сюжет, встречающийся в романических узбекских дастанах,— рассказ о спасении невинно осужденного перед самой казнью. Такое сочетание двух сюжетов в одном эпизоде дало возможность сказителям не только обогатить его содержание, но усилить драматизм повествования и одновременно оттенить героику самого подвига богатыря-освободителя.

Героическое содержание эпизода, повествующего о боевом поединке богатыря с полчищами палачей, обуславливает то, что характеристика Рустама целиком выдерживается в стиле, присущем героическому эпосу среднеазиатских народов. Подобно многим богатырям Рустам рождается в один день со своим конем. Он быстро растет и мужает. Уже в четырнадцать лет он совершает свой первый подвиг: убивает ста шестьдесят палачей и освобождает мать.

До подвига Рустам изображается типичным юным царевичем, отрочески незрелым, нерешительным, изнеженным. Он сетует и плачет, узнав о том, что палачи увели его мать, собирается бежать за ней. Но как только Рустам садится на своего коня, надевает доспехи, опоясывается острым мечом, он становится сильным, непобедимым богатырем. В этом, безусловно, можно усмотреть отголосок мотива «наезживания богатырем коня» как элемента древнего героического эпоса.

Статным молодцем, храбрецом и силачом, способным «истереть в порошок гору», предстает Рустам в свои четырнадцать лет перед Султанханом, который встречает его в пути. Султанхан, обращаясь к юноше, сравнивает его с прославленным богатырем Рустамом Дастаном.

Чертами, характерными для богатыря героико-эпических сказаний многих народов Средней Азии, наделяет Рустама его мать Хурайм: «Рустам-силач» (*зўрабор*), «Рустам-дракон» (*аждаҳор*). Она предупреждает палачей:

Едет сын мой Рустам-силач,
Имя его Рустам, подобен дракону он —
Как только фыркнет, не сможет равняться [с ним] враг. (абз. 61)

Многие сцены, изображающие первый подвиг Рустама, целиком восходят к аналогичным сценам героического эпоса. Они составляют основу повествовательной канвы данного эпизода. Это — сборы Рустама в поход; подготовка его прислужницей Химчой к дальней дороге,

ее напутствие; седлание коня; битва Рустама с полчищами врагов. Вот как, например, рисуется картина битвы Рустама с палачами:

Словно лев, наскочил он на палачей.

Выхватил он свой меч,
Головы срубил палачам.

Как молния, палачей он разил.
Бился на поле сражения Рустам,
Сколько голов он срубил!

В день сражения всех смерти предал,
В его руках исфаганский меч...

Скольких врагов он истребил! (абз. 66)

Богатырские черты Рустама оттеняются и оценкой его действий сказителем, и самими персонажами дастана. Это выражено неоднократно повторениями стереотипных восклицаний типа: «отвагу проявил Рустам», «Рустам преисполнился большой отвагой», «едет он отважно».

Обычно и сам герой перед битвой (так же как в аналогичной ситуации и его дружинники или враждебные ему богатыри) восклицает: «Если будет битва, встану, не отверну лица» или «Выйду [на битву], не отверну лица, сражусь». Чувство страха в бою незнакомо настоящему герою — вот смысл, который передан этой стабильной в эпосе фразой. Именно так выражает и Рустам свою храбрость перед битвой³⁰.

В рассказе о первом богатырском подвиге тесно сплетены сказочные, героико-эпические мотивы, а также элементы исторического предания и легенды.

К сказочным относятся мотивы о чудесных животных-помощниках, которые встречаются и в героическом эпосе. Две борзые собаки Рустама понимают человеческую речь, всюду сопровождают богатыря и выручают его из беды³¹. Другой мотив — о трех дорогах, на которые неужи-

³⁰ Ср., например, со словами возлюбленной богатыря Ядгара, которая перед битвой с врагами восклицает: «Не отверну лица от поля брани!» (Фозил Йўлдош ғли, Едгср, Тошкент, 1956, стр. 67); с призывами к богатырям его соратников или возлюбленной перед битвой. «Не отверни лица от этой битвы» в поэме «Алпамыш» (Фозил Йўлдош ғли, Алпомиш. Достон, Хамид Олимжон қайта ишлаб нашрга гайёрлаган, III нашры, Тошкент, 1958, стр. 51; далее — ФИА), а также в романической поэме «Интизар» [Фозил Йўлдош ғли, Интизор, (Достон), Тошкент, 1964, стр. 83].

³¹ Ср. то же самое, например, в алтайском эпосе «Алтай Буучай» (см.: Н. У. Улагашев, Алтай-Буучай. Ойротский народный эпос, Новосибирск, 1941); в огузском эпосе «Деде-Коркут» — «Рассказ о Богач-джане, сыне Дерсе-хана (ЗВОРАО, т. XI, стр. 178); в сказках: «Ялмауз» (см. «Уйгурские сказки», сост. М. Н. Кабиров, Алма-Ата, 1963), «Алмауз Кампир» (см.: «Узбекские народные сказки», т. I, сост. М. И. Афзалов, Ташкент, 1963); «Ростом с пядь» (см.: «Таджикские сказки», под ред. Б. Г. Гафурова и А. М. Мирзоева, М., 1961).

данно делится путь, лежащий перед героем,— широко известен в сказках тюркских народов, так же как и в сказках многих народов мира³².

Интересно отметить, что в варианте сказителя Хашимова герсические мотивы окрашивают не только повествование о подвиге богатыря Рустама, но и рассказ о защите Хураим ее сорока прислужницами. Перед приходом палачей в Акташ девушки отказываются покинуть свою царицу и, рискуя жизнью, вступают в неравный бой с палачами. Многие погибают в этом бою. Особенное мужество проявляет Химча. Раненая, она все же находит в себе силы добраться до Рустама и сообщает ему о случившемся. Такое изображение воинского подвига женщин перекликается с мотивами, например, каракалпакского героического эпоса «Кырк-кыз» («Сорок девушек»), где рассказывается о подвигах юной Гулаим — дочери правителя крепости Саркоп — и ее сорока девушек. Гулаим, правя крепостью в местности Мевали, полученной в дар от отца, во всем советуется с девушками и особенно с самой мудрой из них — красавицей Сарвиназ. Образ Сарвиназ — простой, умной и преданной девушки-воина — во многом напоминает образ Химчи в «Рустамхане».

Этот мотив в поэме имеет ярко выраженную демократическую тенденцию. Образы девушек из народа — простых прислужниц доброй царицы — в эпическом произведении наделены героическими чертами. В их характеристиках нет и следа типических черт женщины феодального Востока, превращенной мусульманским законодательством в бесправное и забитое существо. В образах свободолюбивых, мужественных девушек, бесстрашно сражающихся с сильным врагом, выразилось представление о женщине, характерное для эпоса многих тюрко-монгольских народов³³. Несомненно, это отголоски быта кочевых племен далекого домусульманского времени, когда женщина была равноправным членом племени и даже наравне с мужчинами участвовала в битвах³⁴.

³² См.: Н. П. Остроумов, Сказки сартов в русском изложении, 2-е изд., № 4, Ташкент, 1906, стр. 9.

³³ В частности, см.: узбекские дастаны «Ойсулув», «Ядгар».

В алтайском героическом эпосе, где в большей степени сохранены древние элементы, рассказывается о храбрых воительницах: о богатыре-девушке Алтын-Тууды в сказании «Алтын-Тууды» (см.: «Алтайский героический эпос», пер. А. Смердова, Новосибирск, 1950); о девушке Байым-Сур в сказании «Козын Эржеш» (см.: Н. У. Улагашев, Алтай-Бучай, Ойротский народный эпос); о девушке Алтын Туудай в сказании «Ескюс-Уул» (там же); о девушке Баян в сказании «Кезюйке» (там же).

³⁴ В. В. Бартольд отмечал деятельную роль женщины в жизни домусульманских арабов и особенно среднеазиатских кочевников, ссылаясь на древние источники: орхонские надписи VIII в., народную «Книгу о Коркуде», где «женщина в народном или, по крайней мере, в богатырском быту, занимала место рядом с мужчиной, даже в военных делах» [В. В. Бартольд, Первоначальный ислам и женщина, — Сочинения, т. VI, 1966, стр. 649].

Мотивы исторического предания и легенды вплетаются в повествование в той части, где говорится о месте предстоящего подвига богатыря.

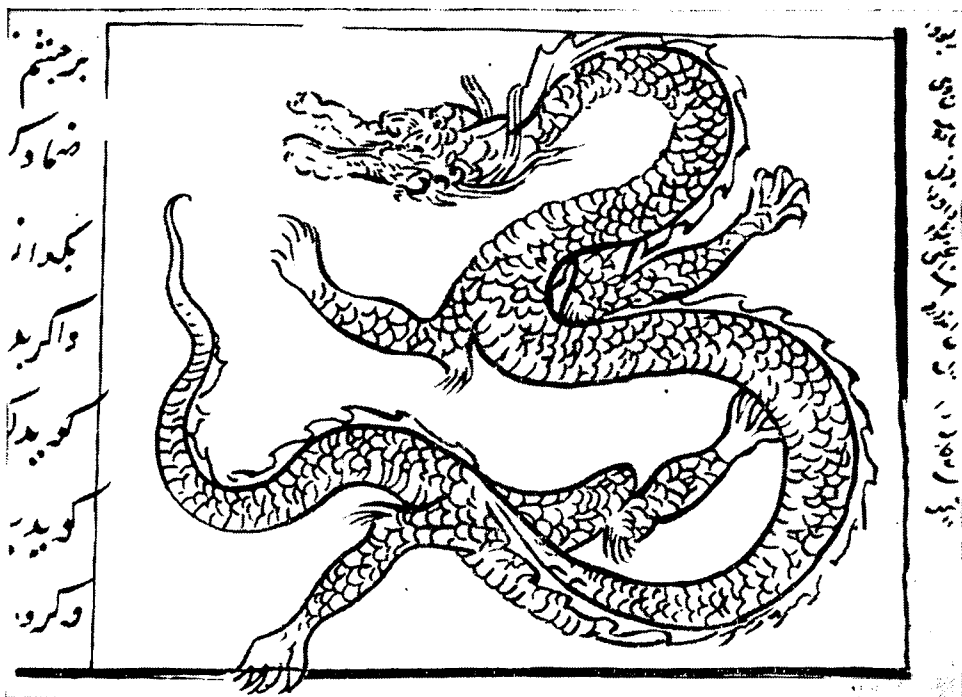
Характер исторического предания имеет рассказ о пустынной местности Чортут, куда палачи уводят Хураим на казнь. Сказитель как бы повторяет услышанную в народе историю о далеком событии: «...В том месте некогда стоял большой город с минаретами и порталами, который был разрушен арабами. Здесь было большое сражение, в арыках текла кровь, подобно воде»³⁵. Однако тенденция исторической достоверности в предании уступает место легендарным и фантастическим мотивам, поскольку далее рассказывается, что в этой местности стоит виселица Мансура. Согласно легенде, на этой виселице был казнен мученик за веру Мансур и на ней издавна падишахи вешают невиновных. Виселица понимает человеческую речь и по просьбе Хураим поднимается выше, чтобы палачи не смогли закинуть на нее веревку для казни.

В эпизоде о первом подвиге Рустама героико-эпические и сказочно-фантастические мотивы нередко сочетаются с изображением бытовых реалий, характерных для феодальной действительности. Так, воспроизводятся подробности жизни при дворе падишаха Султанхана. Столица феодальной вотчины — Акташ, типичный укрепленный город восточного средневековья: крепость и охраняемые ворота, главная улица и центральная площадь, «царская дорога», по которой въезжает в главные ворота крепости падишах. Здесь же перечислены дворцовые помещения и царские службы: приемная, казна, гарем, конюшни, псарни и т. п.

Довольно реалистически изображаются взаимоотношения падишаха Акташа с владельцами подчиненных ему соседних уделов — ханами Ургенча, Хорезма, Хивы, которые периодически платят падишаху дань. Подобные взаимоотношения были особенно характерны для периода развитого феодального строя, в частности для эпохи Тимуридов в Мавераннахре.

Реалистично описаны не только нравы и обычаи феодального двора, сцена совета Султанхана с судьями, которые передают, согласно законам шариата, трон его младшей жене, ожидающей рождения наследника, но и подчиненные Султанхана и взаимоотношения между ними. В одном случае это подневольные исполнители приговоров жестокого падишаха — палачи. Одни из них слепо выполняют приказ повелителя, другие осуждают его приговор о казни жены. Большинство палачей присоединяются к мнению умного и справедливого Мирзаба-

³⁵ Ср. с описанием в исторических источниках арабского нашествия на Мавераннахр в VIII в., население которого вело борьбу при участии тюрков, живших на этих землях (см.: «История Узбекской ССР», под ред. С. П. Толстова, Р. Н. Набиева, т. 1, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 137).

Дракон в среднеазиатской иконографии. Миниатюра из естественнонаучного атласа «Ихтиярати-Бади'й» (Фонды Института востоковедения АН Узб. ССР)

ши, не соглашающегося с жестоким палачом Чонтаком, который торопится свершить казнь. Здесь народные суждения отражены в словах Мирзабаши, который говорит о тяжелых страданиях простых людей под властью падишахов. В другом случае — это придворные, воины и слуги Султанхана, тоже выражающие свое отношение к происходящему. Так, например, один умный везир советует падишаху вернуть неузнанного им сына и признать, что он совершает несправедливость по отношению к жене. Некоторые воины соглашаются с ним. Однако придворные обвиняют везира в глупости и уговаривают Султанхана не следовать его совету и не менять своего решения.

Вторая часть. Новый подвиг Рустама — его битва с драконом и женитьба на спасенной царевне. Богато насыщенная героическими, романтическими и сказочными ситуациями, эта часть — самая большая по объему. Как и первая, она представляет собой законченный отрывок

дракона; о самозванце, присваивающем богатырский подвиг; о женитьбе героя на спасенной девушке³⁷.

Сюжет о богатыре-змееборце часто встречается и в эпосе, и в сказках многих народов Ближнего и Среднего Востока. По своей природе это мифический сюжет, отразивший борьбу человека с противостоящими ему злыми стихиями. Змей олицетворяет стихии огня и воды. «Змееборство — один из самых распространенных сюжетов мирового фольклора»³⁸ и является одним из древнейших.

Борьба богатыря с драконом встречается еще в Авесте — древнем памятнике племен и народностей иранской языковой группы, населявших территорию Средней Азии в первом тысячелетии до нашей эры. В яштах (гимнах) Авесты, относящихся к первой половине первого тысячелетия до н. э., воспеваются герои дахов — народов, населявших район нижнего бассейна Сыр-Дарьи, и в частности мифический богатырь Киршасп, палицей поражающий дракона³⁹.

Сюжет о змееборце известен также по эпическим сказаниям тюркских племен, заселявших территорию Хивы, Ургенча, Мавераннахра. Как отмечает А. Н. Кононов, эти сказания сложились в основных своих линиях задолго до принятия здесь ислама (до VIII в.)⁴⁰.

Хивинский хан, воин и историк Абу-л-Гази Бохадур-хан в своем сочинении «Родословная туркмен» (1660 г.), широко привлекая древние эпические сказания тюрков, связанные с именем легендарного патриарха огузов деда Коркута, приводит песню (тартым), в которой Коркутата восхваляет некоего Салор-Казана-алпа. Среди подвигов Салор-Казана, изображаемого могучим богатырем (алпом), воспевается и его победа над змеем:

С синего неба спустился живой змий,
Стал пожирать каждого, {кого} увидит.
Салор-Казан, не давая пощады, отрубил ему голову,
Видел ли кто {таких} богатырей, беков, как Казан?⁴¹

³⁷ В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, стр. 163. Аналогичный сюжет с теми же мотивами встречается в узбекских сказках; ср., например, сказки: «Килич-батыр», «Царевич-богатырь и меч-кладенец» (Н. Остроумов, Сказки сартов в русском изложении, изд. 2, № 4, Ташкент, 1906).

³⁸ В. Я. Пропп, Русский героический эпос, Л., 1955, стр. 173. Пропп, полемизируя с представителями разных направлений и особенно исторической школы, считает, что в русском героическом эпосе змееборство — дохристианский мотив глубокой древности (там же, стр. 173—174, 186).

³⁹ «История Узбекской ССР», под ред. С. П. Толстова, Р. Н. Набиева, т. 1, кн. 1, Ташкент, 1955, стр. 51.

⁴⁰ А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского, М.—Л., 1958, Введение, стр. 22.

⁴¹ Орывок из песни приводится в переводе А. Н. Кононова (там же, стр. 71).

Описание поединка богатыря с драконом в эпических сказаниях напоминает изображение подобной битвы и в сюжетах древнего изобразительного искусства. Богатырь, пронзающий змея,—таков статичный образ, запечатленный в изобразительном искусстве народов Востока — в произведениях глиптики, торевтики, в фреске, гравюре⁴².

В дастане сюжет о змеборце имеет не мифологическое, а более позднее оформление. Об этом свидетельствует двойственное восприятие образа дракона: он и мифическое огнедышащее существо и «враг», от которого больше всего страдает обездоленный народ. В подобном восприятии образа чудовища отражены историко-социальные отношения уже классового общества. О позднем оформлении данного сюжета свидетельствует и то, что он содержит мотив о мнимом победителе — сопернике богатыря, который не зафиксирован в древней мифологии.

В этом смысле известный интерес представляют наблюдения В. Я. Проппа над «жизнью» эпического сюжета о змеборце в русском героическом эпосе. В цикле древних былин, включивших в свой состав сюжеты, восходящие к X—XI вв., В. Я. Пропп выделяет обязательные повторяющиеся детали, по которым они отличаются от аналогичных сюжетов сказки. Он указывает, что богатырь всегда перед отъездом прощается с матерью; он не ставит своей целью отыскать чудовище, а встречает его случайно; встреча с огнедышащим змеем происходит у пещеры вблизи реки (обычно змей связан с водной стихией); в эпосе в отличие от сказки или легенды и духовного стиха змей трактуется как враг родной земли; бой богатыря со змеем обычно очень короток; убив чудовище, богатырь разрубает его на мелкие части; герой считает себя освободителем; иногда богатырь женится на спасенной девушке⁴³.

Аналогичные детали присущи и сюжету о богатыре-змеборце в дастане: перед отъездом Рустам прощается с матерью; богатырь не думает заранее о встрече с драконом; встреча с огнедышащим змеем происходит случайно; бой с чудовищем совершается у пещеры вблизи озера; бой короток — убив змея, богатырь разрубает его на сорок одну часть; о змее говорится как о враге покоренной им страны; Рустам женится на спасенной девушке; народ чтит его как освободителя.

Данный сюжет в дастане сохраняет и еще одну существенную деталь, присущую героическому эпосу и богатырской сказке среднеазиатских народов: герой срезает с кожи убитого дракона (иногда дикого зверя или другого сильного животного) узкую полоску, что служит впо-

⁴² Богатырь-герой в виде змеборца, поражающего копьем многоголового змея, изображался на многих сасанидских резных камнях и на блюдах в Иране и Согде, в частности на фреске, найденной в Пянджикенте (В. Г. Луконин, Сасанидские геммы, — Исследование в кн.: А. Я. Борисов, В. Г. Луконин, Сасанидские геммы, Л., 1963, стр. 37—38).

⁴³ В. Я. Пропп, Русский героический эпос, стр. 179—181, 185, 194.

следствии доказательством его подвига⁴⁴. Именно так поступает Рустам с убитым драконом. Срезанную с его кожи узкую полоску он бросает к ногам Офтобой, чтобы убедить ее в своей победе.

Возможно, что в дастане этот древний эпический сюжет контаминирован со сказочным в той части, где вводится повествование о мнимом победителе — сопернике богатыря⁴⁵. Мотив о мнимом победителе, пытающемся присвоить подвиг богатыря, получил различную интерпретацию в разных записях дастана.

В вариантах Фазыла Юлдаш-оглы и Алим Хаккул-оглы эта роль отведена своеобразному персонажу — «старосте бедняков» Тогаю. Не менее колоритна в этой роли и фигура бедняка Артык Палвана, игрока в азартные игры, в варианте Маллабая Хашимова. Но оригинальнее всего проявилась тенденция к обязательному сохранению традиционного самозванца у сказителя Мелаша Эрматова. Здесь эта роль отдана самому богатырю, который после своего подвига принимает облик нищего плешивца-каля. Это еще больше подчеркивает комизм ситуации: герой как бы оспаривает победу у самого себя, выступая неузнанным в традиционных состязаниях (скачке, стрельбе в цель) с другими претендентами на руку спасенной царевны. В конце концов все узнают в нем истинного победителя дракона — богатыря Рустама. Первым догадывается об этом старый синчи⁴⁶.

В узбекских сказках, как в сказках и эпосе других тюркских и алтайских народов, зачастую нищий плешивец-каль совершает подвиги,

⁴⁴ См., например, в огузском героическом эпосе: битва Кан-Туралли с могучим верблюдом, «главой зверей», на ристалище во время брачных состязаний завершается тем, что богатырь, убив животное, «вырезал с его спины два ремня, бросил их перед тагавором». Это служит в дальнейшем доказательством его подвига, так же как и ранее снятая кожа с убитого им быка (см.: «Книга моего дела Коркута. Огузский героический эпос», пер. акад. В. В. Бартольда. Издание подготовили В. М. Жирмунский, А. Н. Кононов, М.—Л., 1962, стр. 69, далее — КОГЭ). См. также в богатырской сказке «Рожденный дивом»: герой, победив дива, вырезал из его кожи пояс и надел его; так же поступает герой с убитым драконом в сказке «Блестящая глиняная чашка» (см.: «Узбекские народные сказки», т. 1, стр. 48, 470) и в сказке «Царевич-богатырь и меч-кладенец» (см.: Н. Остроумов, Сказки сартов в русском изложении, стр. 24). Ср. в узбекских богатырских сказках «Три богатыря», «Рустамзод и Шерзод», где герои срезают полоску с кожи убитого зверя или чудовища: Тонгуч-батыр, убив льва, Органча-батыр, победив царя змеей Аждар-Султана, Шерзод, убив и разрубив на куски вначале льва, затем дракона («Узбекские народные сказки», т. 1); или в таджикской сказке «Семиглавый див» (см.: «Таджикские сказки», стр. 75); в уйгурской богатырской сказке «Туглук-Батыр» (см. «Уйгурские сказки», стр. 89).

⁴⁵ В пользу этого свидетельствует и отсутствие мотива о сопернике в аналогичном сюжете узбекских эпических поэм «Кунтугмыш» (герой убивает дракона, преградившего людям путь к колодезю), «Ширин и Шакар» (Шакар убивает у озера Чибит дракона, который завладел прекрасной пери Гульгун и ее царством).

⁴⁶ Синчи (коных) — традиционный персонаж в эпосе многих народов Средней Азии. Обычно он обладает необыкновенным даром распознавать настоящего богатырского тулпара — крылатого коня.

равные богатырским. Например, в узбекской сказке «Воспирохун» плешивый, получив коня и оружие падишаха, побеждает войско противника не столько силой, сколько хитростью и ловкостью⁴⁷. В алтайских и сойотских сказках вид плешивца Бузыкай-Таракая или Тас-Таракая принимает герой, когда ему необходимо скрыть, что он настоящий богатырь⁴⁸. Превращение богатыря в плешивца Тас-Таракая, а его коня — в захудалую клячу наиболее характерно для алтайского эпоса, где в этом облике герой побеждает на состязаниях за невесту⁴⁹.

Во всех записях дастана образу самозванца при его различной интерпретации сопутствует одна и та же социальная характеристика. Это демократический персонаж, очерченный создателями эпоса с явной симпатией. Ведь только он один — простой бедняк, а не кто-нибудь из знатных и богатых отважился поехать к дракону. И, может быть, именно эта глубокая симпатия к «низкому» бедняку явилась причиной временного превращения богатыря Рустама в популярный фольклорный персонаж — нищего калы. Здесь как бы проявилась одинаковая любовь создателей эпоса и к своему герою-богатырю и к ловкому, остроумному народному любимцу калю.

Возможно, что данный мотив поэмы — древний и контаминирован с другим, более поздним. Например, в древнем якутском эпосе, сформировавшемся в эпоху родового строя, богатырь принимает облик плешивого калы часто для маскировки перед своей схваткой с противником. Симпатия же к маленькому человеку, нищему и презренному, — выражение народных взглядов более поздней, уже классово-эпохи.

Особой социальной заостренностью отличается образ самозванца — «старосты бедняков» Тогай в варианте Фазыла Юлдаш-оглы. Тогай узнает о том, что падишах разыскивает человека, добровольно желающего выехать на битву с драконом, и обещает в награду престол и свою дочь. Однако решение идти к дракону и убить его он мотивирует не только стремлением получить за это богатое вознаграждение, но и тем, что хочет спасти от дракона свой народ и особенно бедняков, всегда больше всех страдающих от разных бед.

Наглядно выявляется социальная характеристика Тогай и там, где повествуется о благополучном завершении им дела, которое «даже падишахи не могут сделать». Когда в награду за то, что он первый привез в Буджил радостную весть (Офтобой жива, а дракон убит), Тогай получил от Хисровшаха крепость и сделался беком, он не возгордился,

⁴⁷ См.: «Узбекские народные сказки», т. 1, стр. 161.

⁴⁸ Н. Я. Никифоров, Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г. Н. Потанина, — «Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», т. XXXVIII, Томск, 1915, стр. 282—283.

⁴⁹ См., например: сказание «Алып Манаш» («Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос», стр. 118).

остался прежним добрым простым человеком. Тогай сохранил дружбу с бедняками. Как и обещал, он дал им высокие должности, собрав всех в своей «Крепости нищих», и стал управлять народом, «не причиняя гнета и насилия». А когда некоторые сановники падишаха посмеивались над тем, что он назначил своих чиновников и военачальников не из числа знатных и богатых, а из разных «бог весть каких скверных людей», Тогай отвечал: «Нам не нужны такие, кто истязает народ, кичась своим величием... А они, побывав нищими, умеют считать даже лучше вас! Зато никого не станут мучить и устрашать» (абз. 119). В образе мудрого «старосты бедняков» Тогай, возвысившегося до положения знатного правителя, но сердцем навсегда оставшегося с бедняками, отразилась социальная мечта народных низов феодальной эпохи о добром, демократическом правителе.

Во второй части варианта Фазыла Юлдаш-оглы особенно четко вырисовывается двуплановость фона описываемых событий: герои живут и действуют то в обстановке волшебного мира, то как бы в условиях реальной жизни, получившей своеобразное отражение в фольклорном произведении.

Стремясь придать своему рассказу «правдоподобность», сказитель делает акцент на жизненности характера запросов героев: Рустам отправляется на поиски города, чтобы купить там соль и мыло, так как от пищи без соли у них с матерью начинают отекают веки, а одежда их загрязнилась. Некоторые реалии встречаются и в описаниях окружающей природы на пути героя в город. Он видит зеленые склоны горы, пасущиеся на лугах стада, а вдалеке — одинокую юрту. Та же тенденция проявляется в описании города Буджила, его людей, одетых в синие траурные одежды⁵⁰; в рассказе о встрече героя с привратником; в изображении городского базара с бакалейными лавками и торговыми рядами, где Офтобой в сопровождении прислужниц долго разыскивает Рустама, а также поездки Хисровшаха с женой и прислужницами на разукрашенных царских возках за Офтобой, которая связанная сидела в юрте и после гибели дракона.

Вместе с тем герои часто попадают в сказочный мир, полный фантастических красот и чудес. Высокая гора Бахра, с вершины которой Рустам видит восход двух солнц (одно настоящее, другое — отражение золотого арыка у замка Акрабат, воздвигнутого влюбленными дивами для Офтоб-пери); стальной замок с золотыми и рубиновыми дверями и воротами, окруженный садом с роскошными террасами и пятьюстами

⁵⁰ Это отражает реальный обычай: в древнее время на Востоке синий цвет обозначал траур. См., например, в огузском героическом эпосе: сестры Бейрека, уверенные в его гибели, надели черные и синие одежды; в другом случае — в словах плененного Уруз-бека: «Пусть моя мать ради меня наденет синюю одежду» (КОГЭ, стр. 48, 56).

бассейнами,— таков мир, где живет Рустам вместе с матерью после ее спасения. В это безлюдное место попадают герои в поисках пристанища, и сразу их поражает увиденное: в саду возле большой супы разбросаны одеяла, приготовлены вина и различные яства, спелые яблоки падают к ногам⁵¹. Рустам обращается к птицам, щебечущим на деревьях и в кустах роз, с вопросом, кто же хозяин всего богатства⁵². И, не получив ответа, он решает поселиться в замке, несмотря на боязнь матери остаться в этих удивительных и диких безлюдных местах. Здесь Рустам живет до своего подвига — битвы с драконом — и возвращается сюда вместе с женой после свершения подвига⁵³.

Все эти подробности в изображении сказочного мира, сочетающиеся с описанием быта феодальных резиденций падишахов, типичны для романического эпоса многих народов Средней Азии и Ближнего Востока.

В зависимости от окружающей обстановки и тех поступков, которые совершает герой, образ его получает разную трактовку. Это наиболее последовательно выявляется в варианте Фазыла Юлдашоглы. Так, Рустам уже по дороге в фантастический чудесный мир, где обитает дракон, наделяется необыкновенной силой и всеми характерными чертами богатыря героического эпоса. Его езда изображается в виде богатырской скачки.

Встретив по пути Офтобой, предназначенную в жертву дракону, Рустам говорит девушке о своей силе и непобедимости:

Не думай, что я намного дракона слабей.

Дракон, о котором ты сказала,— это всего-навсего змей.
Какая же может быть сила у одной змей?

Покажу дракону, на что способен я! (абз. 85)

Гиперболические черты подлинного богатыря сохраняет Рустам и в битве с фантастическим чудовищем, где подчеркивается, что дракон сразу же, как только узнал Рустама по его кличу, в страхе пригнул голову к земле.

⁵¹ Подобное описание чудесных садов характерно для узбекских романических дастанов (см., например, Фозил Йўлдош-ўғли, Малика Айёр, Тошкент, 1955; Эргаш Жуманбулбул ўғли, Равшан, Достон, Тошкент, 1954).

⁵² Ср. с аналогичной ситуацией в узбекской романической поэме «Приключения царевича Санаубара» (Н. П. Остроумов, Приключения царевича Санаубара, «Отд. оттиск из Записок Русского географического общества по отделу этнографии», т. XXXIV, СПб., 1909).

⁵³ Сказочная фантастика особенно широко представлена в варианте Мелаша Эрматова. Рустам изображается как типичный герой волшебной сказки не только в битве с драконом, но и в последующих его чудесных приключениях (об этом см. подробно в «Приложениях»).

Однако, возвращаясь в обстановку как бы реального мира, герой приобретает обычный, человеческий облик. Причем такая трансформация богатырского образа совершается без какой-либо предварительной подготовки слушателя. На родине Офтобой в городе Буджиле Рустам ничем не выделяется среди обычных юношей. Он выдает себя за проезжего перекупщика лошадей и никем не uznанный живет несколько дней в караван-сарае. В обстановке «земного» мира, на своей родине в Акташе, Рустам представлен юнцом, не знающим ни своих сил, ни жизни. Таков он, когда обучается у муллы, таким он остается вплоть до первого своего подвига. Настоящим героем-богатырем выступает Рустам только по дороге в сказочный мир, где обитает дракон, и в момент битвы с палачами в далекой полулегендарной-полуфантастической местности.

Если сказочно-гиперболические либо человеческие черты Рустам приобретает в зависимости от характера описываемых событий, то героические черты обязательно сохраняются всегда. В связи с этим интересна такая деталь: в конце поэмы, когда Рустам возвращается в условия жизни феодального дворца, он отказывается от трона отца по той причине, что мыслит себя только богатырем. Рустам говорит: «Я богатырь. Мне по душе совершать богатырские дела». Так заканчивается дастан в варианте Фазыла Юлдаш-оглы, где стремление сохранить героический характер образа прослеживается наиболее четко и последовательно.

В варианте Фазыла та же закономерность проявляется и в трактовке образа Офтобой — любящей жены и подруги Рустама. В обстановке дворцовой жизни она сохраняет реальные человеческие черты изнеженной царевны. Вместе с тем образ приобретает явную героическую приподнятость (что характерно для эпической героини), особенно в тех эпизодах, где судьба Офтобой непосредственно сталкивается с судьбой богатыря. Так, уже при первой встрече с Рустамом связанная и ожидающая смерти от дракона девушка просит Рустама скорее уйти и спастись самому. Офтобой проявляет мужество, которого нельзя было ожидать от юной царевны. В трудные минуты она всегда храбра, отличается стойкостью и решительностью. Офтобой отыскивает слепого, беспомощного Рустама, благодаря своему уму и наблюдательности она излечивает его от слепоты.

О героической приподнятости образа Офтобой свидетельствует и то, что нигде на протяжении всего повествования она не выступает в виде неземной красавицы-пери, которая в романическом эпосе зачастую становится женой богатыря. И, может быть, героические действия возлюбленной богатыря вызывают своеобразную интерпретацию в раскрытии любовной темы. Любовь Офтобой и Рустама нигде не изображается преувеличенно чувственной, порою доходящей до экстаза, что

так типично для народного романа. Рустам не лишается сознания при виде неземной красоты девушки, не теряет разума от любви, как, например, герой романических дастанов — Равшан или обезумевший от страсти Меджнун. Любовь Рустама и Офтобой решена в плане глубокого человеческого чувства, что характерно для героического эпоса.

На трансформации двух главных образов, непосредственно зависящей от тех действий, которые совершает герой в определенных условиях и обстановке, можно проследить, как в каждом конкретном случае «побеждает» то древняя героическая, то поздняя романическая традиция, как уживаются эти две линии в рамках переходного эпического жанра — героико-романического дастана.

Повествование второй части заканчивается рассказом о женитьбе Рустама на спасенной царевне.

В варианте Фазыла Юлдаш-оглы эпизод женитьбы героя сохраняет мотивы, часто встречающиеся и в романическом эпосе и в сказке. Оставив спасенную царевну по ее просьбе, Рустам следует своим путем. Девушка обещает сама разыскать его. Через некоторое время по приказу ее отца-падишаха во дворце собираются все джигиты страны. Но Рустама нет среди них. Падишах повелевает созвать всех до одного мужчин, не оставив ни богача, ни бедняка. Наконец, слуги разыскивают и приводят Рустама, который один не явился на зов падишаха. Офтобой сразу же узнает Рустама среди многих и в знак того, что выбрала его в мужья, бросает ему яблоко⁵⁴. После свадьбы Рустама и Офтобой ее отец Хисровшах — правитель Буджила — передает свой престол богатырю-освободителю.

Особенно большое стремление к введению в повествование сказочно-фантастических сюжетов и мотивов проявляется у сказителя Мелаша Эрматова. Здесь Рустам в своих приключениях после свадьбы выступает в облике типичного героя волшебной сказки, а его деяния приобретают чудесный и замечательный характер⁵⁵.

Третья часть. В последней части дастана повествуется о событиях, которые следуют после женитьбы героя. Во всех вариантах сюжет, как и во второй части, раскрывается без существенных изменений. Сохраняются все эпизоды, составляющие его основу, изменяются лишь некоторые детали при изложении событий и описании персонажей.

Сюжетный контур третьей части варианта Фазыла Юлдаш-оглы таков: злая старуха отправляется на поиски Хураим и Рустама; прибыв

⁵⁴ Яблоко — символ любви. У узбеков издавна существовал обычай народных гуляний, где собирались юноши вместе с девушками, которые приходили без паранджи, с открытым лицом. Именно здесь джигит бросал яблоко своей возлюбленной. Этот обычай нашел отражение в эпических и сказочных мотивах.

⁵⁵ См. об этом подробно в «Приложениях».

в замок в отсутствие Рустама, она связывает Хураим и бросает ее в подземелье; старухе, с помощью обмана, удается связать и ослепить вернувшегося в Акрабат Рустама; слепой Рустам долго странствует и поселяется в могиле на заброшенном кладбище; две борзые помогают Офтобой найти Рустама, и она излечивает его от слепоты; Рустам вместе с женой возвращается в замок Акрабат и отыскивает в подземелье полуживую мать; все трое остаются жить в Акрабате; Султанхан, тоскуя по жене и сыну, бросает престол и, примкнув к сорока каландарам, долго странствует в поисках родных; однажды каландары приходят в Акрабат; Султанхан, прощенный женой, увозит ее и сына в Акташ; семья вновь соединяется, а жен-клеветниц казнят.

Если в двух предыдущих частях, где рассказывалось о подвигах богатыря, на первый план выступает героинка (особенно в варианте Фазыла Юлдаш-оглы), то в содержании этой последней части дастана наиболее четко выражена романическая линия, о чем свидетельствует сочетание любовной романтики и сказочной фантастики — характерного признака романического эпоса.

Сказочный характер сохраняют мотивы в рассказе о старухе колдунье. Старуха гадает на сорока бобовых зернах, делает деревянного коня с бумажными крыльями, со стальным винтом и летит на нем в сторону чудесной горы Бахры. Она опускается на землю, повернув левое ухо коня⁵⁶. Старуха обладает волшебным даром превращения. Она пользуется этим подобно ведьме или колдунье в волшебных сказках многих народов, когда чувствует свое бессилие и пытается победить хитростью. Так, заперев Хураим в подземелье, она принимает ее облик, чтобы потом обмануть Рустама и попытаться убить его.

Сказочный мотив полностью сохраняется в изображении сцены встречи старухи с дивом, которого она пытается уговорить убить связанного Рустама. Здесь целиком сохранена и традиционная для сказки форма троекратного условия. Див трижды просит старуху, принявшую облик красавицы, вытащить его из подземелья. Сначала он обещает за это стать ее любимым дружком, затем — родным братом, но получает помощь только тогда, когда обещает стать ее мужем.

Своеобразную трактовку претерпел общий для сказки и эпоса традиционный мотив встречи героя с дивом. В мифах, а позднее в волшебных сказках народов Ближнего и Среднего Востока дивы в большинстве случаев относятся враждебно к человеку. В дастане же див не причиняет зла Рустаму, а выступает в роли его союзника: убивает старуху и отпускает Рустама. В свою очередь он просит героя оказать

⁵⁶ Ср. в узбекской сказке «Клыч-батыр»: хитрая старуха сделала из щепок коня. Повернешь его правое ухо — взлетит в небо, повернешь левое ухо — опустится на землю (см.: «Узбекские народные сказки», т. 1, стр. 225).

услугу: приехать в страну Ирамбаг и победить враждебных ему семейных могучих братьев-дивов, которые отняли у него возлюбленную пери. Такой поступок дива объясняется не тем, что он проявляет доброту к человеку. Он пугается твердого взгляда связанного Рустама и, чувствуя его непобедимость, убегает, не веря старухе, что это ее сын. Ей приходится вначале ослепить Рустама, чтобы снова заставить дива приблизиться к нему. Очевидно, в этом можно усмотреть деформацию мотива древних сказаний и легенд о богатыре Рустаме Дастане, который изображался как победитель над дивами, устрашитель дивов. Здесь герой дастана как бы сопоставлен по своей силе с прославленным богатырем: див распознает в нем своего победителя по одному его взгляду⁵⁷.

Во всех вариантах ослепление Рустама связано со вторичным появлением коварной старухи мастан, вновь подосланной старшими женами Султанхана.

События, предшествующие ослеплению Рустама, как и само ослепление, в разных вариантах изображаются по-разному. При этом всюду героя ослепляет злая старуха. Она берет горсть земли и бросает в глаза Рустаму. Он мгновенно слепнет. Только в варианте Маллабая Хашимова ослепление изображается иначе: старуха незаметно раскаляет на костре кусок железа и прижигает глаза спящему Рустаму.

Эпизоду исцеления героя от слепоты предшествует рассказ о его скитаниях.

В варианте сказителя Фазыла Юлдаш-оглы важную роль в спасении Рустама играют две его быстрые собаки. Они всюду сопровождают беспомощного хозяина, приводят его к открытой могиле на заброшенном кладбище, где он поселяется, и ежедневно приносят хлеб, добывая его на базаре в Буджиле⁵⁸. Затем собаки приводят к нему Офтобой.

У Фазыла Юлдаш-оглы наряду со сказочно-фантастическим изображением наблюдается стремление придать некоторую «правдоподобность» рассказу об этом событии. Известны случаи, когда преследуемый или гонимый скрывался, живя в открытой могиле. Н. П. Остроумов приводит в своих «Этнографических материалах» любопытный рассказ младшего сына Худоярхана о событии, случившемся с ним во время правления в Маргелане и Коканде Пулатхана, который задался целью

⁵⁷ Тот же мотив встречается, например, в романической поэме «Юнус-пери», записанной от узбекского сказителя Пулкан-шаира. Богатырь Гороглы бросает свирепый взгляд на дивов, наводя страх на их полчища.

⁵⁸ Такое же изображение роли быстрых собак имеется и в записи, произведенной от Алим Хаккул-оглы. Он был грамотным сказителем и, очевидно, заимствовал трактовку данного эпизода у Фазыла, так как читал его вариант после публикации.

Аналогично изображается роль верной собаки в таджикской сказке «Рбстом-спядь»: собака спасает царевича от голода, таская лепешки в городе у одной женщины, затем отыскивает и приносит его глаза, выколотые отцом, старцу, который излечивает героя от слепоты (см.: «Таджикские сказки», стр. 194).

уничтожить всех наследников и родственников Худоярхана. Сын Худоярхана рассказывает, что, спасаясь от преследования, он вместе с матерью и своей сестрой жил некоторое время в могиле. «Посоветовавшись с сестрой, мать моя вместе с нею пошла на кладбище, взяв с собой меня, и спряталась там в пустой могиле... По вечерам чтец Корана, живший рядом, потихоньку приходил на кладбище и приносил нам разных остатков от своего обеда. Так мы прожили на кладбище, в пустой могиле, десять дней»⁵⁹.

Эпизод исцеления героя в варианте Фазыла Юлдаш-оглы очень эмоционален и лиричен. Рустам долго жалуется Офтобой на свою печальную судьбу. Офтобой кладет его голову к себе на колени, расспрашивает его о самочувствии. Рустам уговаривает Офтобой забыть его, вернуться в Буджил и выйти замуж за другого богатыря. Но Офтобой отказывается. На рассвете она выходит в степь и долго молится богу, вымаливая зрение Рустаму. Затем она возвращается к могиле, гладит рукой глаза Рустама, и он прозревает.

Так же исцеление героя изображается и в эпосе, и в сказках. Иногда оно происходит благодаря молитве, но чаще героя излечивают при помощи магического средства или же путем простого прикосновения рукой к его глазам⁶⁰.

Заключительному эпизоду дастана, в котором рассказывается о воссоединении семьи и возвращении героев на родину, предшествует рассказ о вторичном спасении Рустамом матери. Во всех вариантах (кроме варианта Мелаша Эрматова) в спасении Хураим принимает участие и жена Рустама. Офтобой решает ехать с Рустамом во дворец Акрабат, где оставалась Хураим с борзыми. Она первая замечает, что собаки рвутся и царапают одну из дверей замка. Вместе с Рустамом Офтобой открывает одну за другой двери, и в сороковой комнате они находят полуживую Хураим. Офтобой долго приводит ее в чувство. Эта сцена, так же как и рассказ об исцелении Рустама, особенно лирична в варианте Фазыла Юлдаш-оглы.

⁵⁹ Н. П. Остроумов, Сарты. Этнографические материалы, вып. III, «Воспоминания Ибн-Ямин-Бека Худояр-Ханова», Ташкент, 1895, стр. 166.

⁶⁰ Например, в дастане «Юсуф и Ахмед» герой возвращает зрение жене и матери, которые ослепли от слез в разлуке с ним, потеряв их глаза священной землей, полученной от старца Бобо-Камбара; в сказке «Орзиджан и Камбарджан» сын излечивает ослепшую мать, потеряв ее глаза куском оленьего мха (см.: «Узбекские народные сказки», т. 1, стр. 153); в сказке «Царевна Хазар-Гейсу» дочь исцеляет ослепшую в разлуке с нею мать прикосновением к ее глазам рукой (см.: Н. П. Остроумов, Сказки сартов в русском изложении, стр. 41). Ср. с аналогичным изображением исцеления в героическом эпосе «Китаби Коркуд»; к раненому Богач-Джану является Хызр (легендарный пророк, почитаемый мусульманами, обычно в образе старца-подвижника) на сером коне. Чтобы исцелить раненого, он трижды проводит рукой по его ране (см.: В. Бартольд, Китаби Коркуд. II. Рассказ о Богач-Джане, сыне Дерсе-хана,—ЗВОРАО, т. XI, стр. 183).

Заключительный эпизод о возвращении героев на родину представляет собой самый большой отрывок третьей части дастана. За исключением варианта Мелаша Эрматова, который не сохраняет целостного сюжетного контура (вводятся отдельные, не связанные между собой сказочные сюжеты, где Рустам в своих приключениях выступает как типичный герой волшебных сказок), во всех остальных записях данный эпизод имеет стройную композицию с завязкой, развитием действия, кульминацией и развязкой.

Завязкой служит рассказ о том, что однажды до Султанхана доходит слух, что его сын и жена живы. Султанхан бросает престол и уходит скитаться по свету в поисках сына. В одном из городов он примыкает к сорока дервишам-каландарам и становится их предводителем. Далее следует подробный рассказ о скитаниях Султанхана и о том, как однажды он находит в далеком замке Акрабат своих близких. Кульминация во всех вариантах разная, но всюду она сводится к конфликту между отцом и сыном. Конфликт разрешается счастливой развязкой: Султанхан прощен и увозит сына с женой и невесткой в родной Акташ.

В варианте Фазыла Юлдаш-оглы в завязке использован мотив, характерный для романического эпоса: герой отправляется в обличье странствующего дервиша на поиски возлюбленной. В сказке этот мотив встречается редко и приобретает фантастическую окраску⁶¹.

Финал развязки напоминает концовку сказок многих среднеазиатских народов. Султанхан, узнав, что Хураим оклеветали его старшие жены, приказывает привязать их к хвостам двух диких кобылиц. Затем палачи гонят лошадей в заросли колючего кустарника. В сказках так обычно казнят клеветников — обеих жен хана, оклеветавших его младшую жену (реже — двух сыновей), вместе со злой старухой привязывают к хвостам лошадей, которых прогоняют через степь, поросшую густыми колючками⁶². Очевидно, здесь нашел отражение древний обычай. Такой обычай тюркских племен описан у Абу-л-Гази в его «Родословной туркмен»: по приказу Богра-хана его жену-клеветницу привязывают к хвостам пяти диких кобылиц за шею, обе ноги и обе руки и концом копыа колют кобылицам задние ноги. На бегу они разрывают женщину на части⁶³.

⁶¹ Ср., например, сказку «Воспирохун»: Плешивый идет на поиски похищенной жены, старуха колдунья плонула ему в рот, он превратился в дервиша (см.: «Узбекские народные сказки», т. I, стр. 172).

⁶² Ср. узбекские сказки «Золотая косичка», «Воспирохун» (там же, т. I, стр. 182, 186, т. II, стр. 57), таджикскую сказку «Сандаловое дерево» (см.: «Таджикские сказки», стр. 67), турешскую сказку «Три померанца» (см.: «Турецкие народные сказки», стр. 125).

⁶³ А. Н. Кононов, Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского, стр. 64.

Мы не уделяем специального внимания истории сюжета этой поэмы. Нет источников, которые прямо или косвенно проливали бы свет на историю его возникновения. Поэтому ограничимся лишь предположением, что данный сюжет генегически не связан со сказкой, а восходит к общему «прасюжету», широко бытовавшему на древнем Востоке. В дальнейшем, в процессе своего развития, он мог служить источником и для сказок, и для легенд, и для эпоса, приобретая у разных народов традиционную форму тех жанров, которые складывались на конкретной национально-исторической почве.

Сюжет об оклеветанном изгнаннике, который после долгих скитаний и бед вновь обретает семью и родину, был известен и в Индии. Там около IV в. до н. э. бытовала легенда о Раме, дошедшая до нас в многочисленных рамаянах и воплотившаяся в героический эпос. Любопытно, что в основных его мотивах обнаруживаются типологически сходные черты и с мотивами, лежащими в основе поэмы «Рустамхан». Индийский эпос повествует о царе Авадхе, у которого было много жен. Но был он бездетен, и некому было передать власть и государство. В старости у царя от разных жен рождаются четыре сына. Старший сын Рама из-за дворцовой интриги (жены — соперницы его матери наговаривают на него царю) был изгнан в дикие леса. Прощаясь с отцом, он говорит, что вернется через четырнадцать лет в одежде отшельника. Жена Рамы — верная Сита не оставляет его во всех невзгодах. Есть у Рамы и преданный друг, благодаря мудрости которого он отыскивает свою похищенную супругу. После множества приключений и мытарств Рама возвращается вместе с женой в родной Авадх, где становится царем.

Органическое сочетание традиционных героико-эпических, сказочных и романтических сюжетов и мотивов в дастане «Рустамхан» способствует раскрытию основной идеи произведения — борьбе и победе героя над силами зла, восстановлению справедливости. Эта идея прослеживается на протяжении всего повествования. Вначале в рассказе о спасении Рустамом матери — невинной жертвы жестокого хана, затем в повествовании о его победе над драконом. Та же идея выражена и в рассказе о других подвигах героя — вторичном спасении матери и победе над злой старухой мастан.

Эта основная идея произведения отражает народное представление о торжестве справедливости. Ведь ослепленный Рустам снова прозревает; легендарная виселица Мансура в момент казни невинной Хураим поднимается выше, и палачи не могут закинуть на нее веревку. В другом случае Красный див, олицетворяющий злую силу, вместо того чтобы убить Рустама, становится другом «земного» богатыря и освобождает

его. Выражению той же идеи соответствует и счастливая концовка — жестокий Султанхан раскаивается в совершенной им несправедливости, герои обретают счастье, а причинившие зло несут заслуженную кару.

Идея победы добра над злом пронизывает все содержание дастана. По своей сущности она глубоко народна, так как содержится во всех без исключения народных эпосах — как древних богатырских, так и поздних романтических. Идея эта присуща и другим жанрам фольклора, особенно сказке.

Народность дастана проявляется также в прославлении высоких моральных качеств человека: он должен быть гуманным, справедливым, добрым, смелым, мужественным, должен рисковать жизнью во имя спасения слабых и обездоленных. Этими качествами прежде всего наделяется главный герой — богатырь. В его образе олицетворяются народные представления о нравственной силе и красоте человека.

Народность проявляется и в социальной заостренности многих событий и в характеристике ряда образов, особенно демократических персонажей, таких, как верная прислужница Химча, смелый и справедливый староста бедняцкой общины Тогай, простые девушки — прислужницы царицы Хураим и царевны Офтобой, старик привратник и др.

В дастане раскрываются темы, которые можно считать «постоянными» для эпического жанра, особенно для героического эпоса. Прежде всего, это тема любви к родной земле. Рустам, как и герои других эпических поэм, стремится на родину. Его не останавливает ни прекрасная царевна, ни трон, полученный в награду за подвиг от ее отца. Рустам вместе с женой и матерью возвращается в родной Акташ⁶⁴.

Столь же характерна для народной эпопеи тема верной дружбы, которая служит подспорьем для героя в тяжелые для него дни. Нередко верным другом героя оказывается его старшая сестра, или слуга, либо пастух. В дастане это — прислужница Химча, девушка из народа, которая становится наставницей юного богатыря и играет существенную роль в спасении от смерти его матери. Вместе с тем она участвует и в управлении государством как помощница правительницы Акташа — царицы Хураим.

Традиционна в дастане и тема семьи, утвердившаяся еще в древнем героическом эпосе как результат отражения прочных родо-племенных связей. Рустам — защитник своей семьи, он любящий преданный сын, во всем исполняющий волю матери. Хураим — нежная мать, бесконечно любящая своего сына, его добрая советчица и наставница. Во имя сохранения семьи Рустам даже прощает отца.

Тема преданной и глубокой любви героя и его возлюбленной, ко-

⁶⁴ В дастане тема возвращения героя усилена выражением в ней демократической тенденции. Султанхан сам сознается и раскаивается в совершенном проступке и обещает никогда не допускать несправедливости в своей стране.

торым не страшны лишения и беды, также характерна для народной эпоеи. В дастане Рустам и его верная жена Офтобой преодолевают с честью все испытания судьбы. Любовь, выдерживающая испытание, вознаграждается полным счастьем.

ХАРАКТЕРИСТИКА ОБРАЗОВ

Содержание дастана раскрывается в действиях и поступках героев. В свою очередь характер этих действий последовательно оттеняет черты самих героев — героические, лирические или сказочные.

Как мы уже отмечали выше, общие черты роднят Рустама с богатырями Алпамышем, Ядгаром, Мурадханом, Кунтугмышем, Хасаном, Авазом, Равшаном и другими героями узбекского эпоса.

Эти общие черты определяются прежде всего функциональной нагрузкой образа эпического богатыря — идеального воина, необычайно сильного, храброго и стойкого, всегда побеждающего врагов. Рустам, как и все эпические герои, борется и побеждает силы зла, восстанавливает справедливость. Воплощением злых сил являются в одном случае мифические и сказочные существа: чудовищный дракон, дивы, старуха колдунья, в другом — реальные противники (палачи).

Образ Рустама наделяется и обычными человеческими чертами. Подобно многим богатырям он изображается юным царевичем, сыном правителя сказочной страны. В такой социальной характеристике богатыря отражена своеобразная народная мечта — вера в «доброе царя».

Как отметил Х. Т. Зарифов, «в узбекском народном эпосе, как и в эпосе других народов, положительного героя и его противника в подавляющем большинстве случаев по его происхождению связывают с аристократическим сословием; он обязательно оказывается шахом, ханом, беком. В тех случаях, когда герой вышел из среды трудового народа, он становится шахом. Это — общая черта узбекских дастанов и многих традиционных сказок... То, что герой дастана обычно — сын царя, шаха, в условиях феодализма было вполне естественно. В сознании народа наибольшие возможности действия, которые предоставлялись герою, неизбежно реализовались в понятии царственности»⁶⁵.

Богатырские подвиги Рустама определяют основное содержание образа — героичность. В свою очередь это вызывает привлечение для характеристики героя целого комплекса художественно-образовательных средств, присущих древнему героико-богатырскому эпосу, которые впоследствии закрепились и в романическом эпосе тюркских народов. Этот традиционный комплекс складывался на протяжении длительного

⁶⁵ Х. Т. Зарифов, К изучению узбекского народного эпоса, — «Вопросы изучения эпоса народов СССР», М., 1958, стр. 110.

времени и отразил эстетические нормы и характер народного коллективного мышления разных эпох — от патриархально-родового общества до раннего и развитого феодализма.

Рустам, подобно другим богатырям героического и романического эпоса многих тюркских народов, наделяется эпитетами и сравнениями, уподобляющими его сильным хищным животным или птицам. Он назван соколом или кречетом, стремительным ястребом, львом, тигром, сильным кучкаром (бараном-вожаком) или верблюдом-самцом. От *нор* 'верблюд-самец' образован сложный эпитет *норкалла* (букв.: 'большая, как у верблюда, голова') в значении «крепкоголовый», т. е. сильный, мощный. Рустам наделен и ласковыми эпитетами, обычно применяемыми к богатырю. Мать называет его «мой ягненок», «мой верблюжонок» или «мой ягненок, [ставший сильным] как баран-вожак».

Подобное стоекое сохранение традиционных эпитетов отмечал Е. Э. Бертельс, который писал, что в произведениях тюркского фольклора на протяжении их длительного развития существует «крайняя архаичность и устойчивость отдельных элементов героического эпоса»⁶⁶.

В том же ряду словесно-изобразительных средств стоит образное выражение, близкое к сложному эпитету или сравнению, в котором сила и храбрость героя (особенно во время битвы или же гнева) сопоставляется с силой и храбростью хищных зверей. Всюду оно сохраняет свою статичную форму: «Рустам пришел, став львиносердым», букв.: «став с сердцем льва» (*шердай бўлиб келади*).

Выражение этого типа близко к другому аналогичному обороту, передающему храбрость и силу богатыря в момент битвы. Неоднократно говорится, что, сражаясь с палачами, Рустам «стал подобен льву» (*шердай бўлиб*). Образные выражения такого типа часто встречаются в узбекском героическом и героико-романическом эпосе: богатырь Алпамыш, «став подобным льву, выходит на врага» (*келаётир шердай бўлиб*)⁶⁷; воины Алпамыша стали в гневе «подобными льву» (*шердай бўлди мард йигитлар*)⁶⁸; Ядгар, «став подобным льву, опоясался перед боем» (*шердай бўлиб белин бойлади*)⁶⁹; Мурадхан, выйдя на битву, «стал подобным льву» (*шердай бўлиб боради*)⁷⁰.

Особое место занимает эпитет, сравнивающий богатыря с драконом, который восходит к древнему мифологическому образу. Мать Рустама предупреждает палачей о его силе: «сам он подобен дракону»

⁶⁶ Е. Э. Бертельс, К вопросу о традиции в героическом эпосе тюркских народов, — «Советское востоковедение», № IV, М.—Л., 1947, стр. 78.

⁶⁷ ФИА, стр. 163.

⁶⁸ Там же, стр. 185.

⁶⁹ Фозил Йўлдош ўғли, Едгор. Тошкент, 1941, стр. 38 (Далее — ФЙЕ).

⁷⁰ Фозил Йўлдош ўғли, Муродхон. Достон. Тошкент, 1957, стр. 41 (Далее — ФЙМ).

(*ўзи мисли аждаҳар*)⁷¹. И в героических, и в романических дастанах этот эпитет также выражает основное свойство богатыря — его необычайную силу, мощь.

Можно выделить еще одну группу эпитетов, передающих основные черты героя, — храбрость и силу. Рустам, как и герои-богатыри других дастанов, часто именуется: «храбрый, мужественный молодец» (*мард йигит*), «храбрый юноша» (*эр йигит*), «отважный», «герой» (*кахрамон*); «кесарь» (*қайсар*) в значении «предводитель», «властелин», «удалец»⁷².

Как и во всех эпических сказаниях, в дастане подробно описывается идеальная, мужественная красота Рустама. Слушатель узнает об этом со слов отца богатыря, или от его возлюбленной, или же от встреченных им в пути богатыря-чужеземца, доброй старухи, старика пастуха. При встрече с отцом богатырь остается неузнанным, так как родился и вырос в его отсутствие. Во время таких традиционных встреч герою обычно задается вопрос в форме развернутого поэтического обращения. В своей полной форме оно сохраняется и в дастане, в эпизоде встречи Рустама с отцом, который возвращается из четырнадцатилетнего похода. Неожиданно встретив в пути не узнанного им сына, Султанхан обращается к нему со словами:

Ты — цветок, распустившийся в свежем саду,
Ты — душа и сердце отца и матери своих.
Увидел тебя, и спрашиваю о твоей стране,
Из какого города, какого шаха ты сын?

Красоту твою уподоблю месяцу в небесах,
Брови твои с изогнутым луком сравню,
Своим станом ты с сизым ястребом схож,
С ястребиными когтями, чей ты сын?
Из какой жемчужины создан ты?
И такой вот джигит матерью рожден!
Из каких же мест ты взлетел?
Высокого полета, сын мой, откуда ты?

Ястребиные когти, тигриные лапы у тебя,
Когда выходишь на битву, сердце барса у тебя.
Дитя мое, на кесаря похожий, откуда ты?

В дальних дорогах взмылил своего коня...

⁷¹ Ср. с характеристикой богатыря Манаса в киргизском героико-богатырском эпосе «Манас»: «страшен, как дракон, когти тигра у него».

⁷² Тюркское *қайсар* образовано от «кесарь» (лат. *Caesar*) — титула римского (византийского) императора; проникло в тюркские языки через персидский (см.: В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, стр. 305).

Вижу — на твоём поясе острый меч,
Каждого приводит в растерянность твой грозный [вид].
Может, как у Рустама Дастана, сила твоя? (абз. 47)

Приподнятость стиля данного поэтического отрывка достигается сочетанием словесно-образительных средств, восходящих к двум разным художественным традициям. С одной стороны, это образные приемы, утвердившиеся в восточной общелитературной традиции эпохи феодализма в соответствии с нормой идеала прекрасного: распустившийся в саду цветок, драгоценная жемчужина, луна в небесах, брови — изогнутый лук. Все эти элементы характерны для стиля эпоса и классической литературы тюркских народов⁷³.

С другой стороны, это элементы стиля древнего тюркского героического эпоса — сравнения и эпитеты, сопоставляющие героя с сильными хищниками: он — сизый ястреб, с ястребиными когтями, с тигриными лапами, с сердцем барса⁷⁴.

Аналогичное обращение отца к сыну встречается в узбекском героическом эпосе «Алпамыш». Оно содержит те же традиционные образы и сравнения. Богатырь Алпамыш, встретив по пути на родину своего сына Ядгара, родившегося и выросшего за время его долгого пленения в далекой калмыцкой стране, обращается к нему с такими словами:

Ты — цветок, распустившийся весной в саду.
Ты — чье-то сердце, чья-то душа.
Дитя мое, преследующий тура, чей ты сын?
Красота твоя подобна месяцу в небесах,
Своим станом ты с сизым ястребом схож,
Брови твои с изогнутым луком сравню.
Похожий на байбачу⁷⁵, чей ты сын?
Из какой жемчужины создан ты?
Такой сын, как ты, матерью рожден!
Из каких мест ты взлетел?
Высокого полета, ягненок мой, чей ты сын?⁷⁶

В той же традиционной форме строятся вопросы встречных к не узанному ими юному богатырю и в романических поэмах, записанных со слов Фазыла Юлдаш-оглы. В дастане «Ширин и Шакар» так

⁷³ Этим термином мы всюду обозначаем литературу, начавшую свое существование в эпоху раннего феодализма в Средней и Малой Азии и в Поволжье, развитие которой определялось длительным периодом с XIII по XIX в. включительно.

⁷⁴ О древнем характере этих эпитетов и сравнений свидетельствует то, что они фиксируются в древних среднеазиатских памятниках. В частности, в «Кутадгу билик», тюркском памятнике XI в., говорится, что воин в битве должен иметь «сердце льва», «при нападении должен обладать лапой барса и, как верблужий жеребец, пусть будет злым и сердитым» (С. Е. Малов, Из третьей рукописи Кутадгу билик, — «Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук». Отд. оттиск, М., 1929, стр. 748).

⁷⁵ Б а й б а ч а — сын знатного бека.

⁷⁶ ФИА, стр. 260.

обращается к братьям-богатырям старик⁷⁷. В дастане «Интизар» — старик к Авазу⁷⁸. Красавица Гюлькиз с теми же словами обращается к Авазу в дастане «Малика-и Айяр»⁷⁹, а принявший облик странника-каландара Гороглы — к сыну Авазу в дастане «Зульфизар и Авазхан»⁸⁰. В поэме «Мурадхан» к богатырю в этой традиционной форме обращаются то войны, то красавица Окилахан, то старуха⁸¹.

Подобное обращение к герою, сохраняющееся в неизменной форме во многих эпических поэмах, записанных от Фазыла Юлдаш-оглы, представляет собой устойчивое эпическое клише.

Характеристика внешнего облика героя передается не только традиционными обращениями, этими постоянными эпическими клише. Она дополняется упоминанием отдельных деталей боевого снаряжения героя или его костюма. На протяжении всего повествования неоднократно упоминается, что на поясе или в руке героя — острый меч (*кескир пйлот*) или кинжал (*ханжар*). Причем всюду слово *қилич* 'меч' заменяется постоянными эпитетами, состоящими при этом слове: *пйлот* 'сталь', *исфихон* 'исфаганский'⁸², *олмос* 'алмаз' (т. е. острый), которые выступают в роли самостоятельных существительных в значении «острый меч».

Об оружии Рустама говорит то отец («вижу на твоём поясе острый меч»), то мать героя («на свою талию ты повесил меч»), то прислужница Химча («в твоей руке острый меч»), то сам Рустам («поблескивает на моем поясе острый меч»), точно так же, как, например, и герой дастана «Мурадхан» («на поясе острый меч, как алмаз»).

Острый меч на поясе героя или острый меч в руке богатыря фигурирует в героических сказаниях «Алпамыш», «Ядгар», «Ширин и Шакар» и во всех романических дастанах о сыновьях и внуках Гороглы: «Интизар», «Малика-и Айяр», «Зульфизар и Авазхан», «Балогардон».

Обе эти характерные детали, выраженные однотипными короткими фразами, обязательны при описании облика богатыря⁸³.

⁷⁷ «Ширин билан Шакар». Достон. Айтувчи Фозил Йўлдош ўғли, Тошкент, 1955, стр. 24 (Далее — ФИШШ).

⁷⁸ Фозил Йўлдош ўғли, Интизор (Достон). Тошкент, 1964, стр. 64. (Далее — ФИИ).

⁷⁹ Фозил Йўлдош ўғли. Малика Айёр. Тошкент, 1955, стр. 37 (Далее — ФИМА).

⁸⁰ Фозил Йўлдош ўғли. Зульфизор билан Авазхан, Тошкент, 1942, стр. 17 (Далее — ФИЗА).

⁸¹ ФИМ, стр. 5, 61, 78.

⁸² Город Исфаган — один из крупнейших городов Персии, славившийся в средние века производством оружия из стали.

⁸³ В дастане «Рустамхан» отсутствует упоминание еще двух важных деталей богатырской одежды. Обычно это «телпак» — теплая меховая шапка, нередко заменяющая богатырю шлем, и «совут» — кольчуга, наиболее существенная часть его богатырских доспехов.

О знатном происхождении богатыря свидетельствуют две характерные детали его одежды. Это золотой венец (*тилла тож*) и широкий золототканый пояс (*заррин пута*). Красавица, впервые встретившая богатыря, либо его отец, возвращающийся после долгого отсутствия, либо иноземный богатырь, увидев золотой венец на голове богатыря или расшитый золотом пояс на талии, сразу догадываются, что он знатного рода — сын хана или бека.

Богатыря Рустама дважды распознают по этим деталям костюма — вначале его отец Султанхан, а затем красавица Офтобой⁸⁴. Так же и богатырь героического эпоса «Алпамыш», чтобы сообщить о своем положении бека страны Конграт, произносит лишь одну фразу: «Я опоясан золототканым поясом»⁸⁵.

Золотой венец в убранстве правителя зафиксирован в исторических источниках еще до арабского завоевания Средней Азии. Китайский путешественник — буддийский монах Сюань Цзян, проехавший через Мавераннахр в 639 г., описывая быт жителей Канского царства в долине Зеравшана, сообщает, в частности, что владетель Канского царства «носит золотой венец с семью дорогими камнями, одевается в шелковые ткани и полотно»⁸⁶. Примерно к тому же периоду относится упоминание и о золототканых кушаках как деталях костюма правителей и их наследников. Средневековый историк Наршахи в своей «Истории Бухары (X в.)» пишет, что в Бухарском царстве незадолго до арабского завоевания (первая половина VIII в.) к царице — матери юного бухар-худата Тахшады по установленному ею правилу «на службу приходили от жителей селения около 200 юношей из числа дехкан⁸⁷ и царевичей, опоясанных золотыми кушаками, подвешенными через плечо саблями»⁸⁸. Интересный материал того же плана дают открытые советскими учеными в 1948—1951 гг. стенные росписи древнего Пянджикента⁸⁹, датируемые VII—VIII вв. Они в основном изображают пиршества и поединки феодальной знати — дехкан и их воинов, — а также

⁸⁴ В народной сказке шаха также нередко распознают лишь по этим двум деталям его костюма. См., например: узбекскую сказку «Хуснобод» («Узбекские народные сказки», т. I, стр. 204).

⁸⁵ ФИА, стр. 196.

⁸⁶ «История Узбекской ССР», Ташкент, 1955, стр. 126; см. также: Н. Я. Бичурин [Иакинф], Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III, СПб., 1851.

⁸⁷ Слово «дехкан» в Персии и Средней Азии обозначало крупного землевладельца. Дехканин обладал правами господина в отношении населения своего поместья.

⁸⁸ «История Узбекской ССР», стр. 179.

⁸⁹ Пянджикент — ныне районный центр Ленинабадской области Таджикской ССР, расположенный на левом берегу Зеравшана в 68 км от Самарканда. В VI—VIII вв. он имел непосредственные торговые и культурные связи со столицей Согда Самаркандом.

сюжеты героического эпоса. На северной стене здания, расположенного в юго-восточной части городища, хорошо сохранилось изображение семи сидящих под балдахином мужских фигур с золотыми чашами в руках. Все они в богатых кафтанах, а их талии перетянуты золотыми поясами. На голове сидящего на троне золотой венец, а у его ног изображена коленапреклоненная фигура, что свидетельствует о царственном сане этого персонажа⁹⁰. Итак, основные характеристики Рустама не отличаются от описания богатыря в героическом эпосе.

Рустам, как и все богатыри героических сказаний и богатырских сказок тюркских народов, неразрывно связан со своим боевым конем.

Однако изображение богатырского коня в дастане несколько отличается от аналогичных описаний в узбекском героическом эпосе. Например, в «Алпамыше», как и в героическом эпосе других тюркоязычных народов, большое место отводится рассказу о выборе, поимке и укрощении богатырем коня, который родился с ним в один день. Это является как бы обоюдным испытанием силы, выносливости коня и его хозяина — юного богатыря. В «Алпамыше» чудесные качества коня проявляются в описании волнующих сцен пайги (скачек) и в сценах битвы. Конь Алпамыша Байчибар умеет говорить, он предупреждает хозяина о грозящей опасности. У него есть крылья, и он способен летать, с необыкновенной быстротой преодолевая любые расстояния.

В дастане «Рустамхан» Рустам и его конь рождаются в один день, но далее нигде не рассказывается о поимке и укрощении богатырем коня. Отсутствует подробное описание седлания коня, где перечисляются все детали богатого конского снаряжения. Но описание коня выдержано в традициях узбекского героического эпоса. Прислужница Химча, снаряжая Рустама на его первый подвиг, приводит ему прекрасного скакуна-тулпара, оседланного и подготовленного для дальнего пути. Рустам подошел к коню и видит: «круп коня лоснится, грива поднялась над ушами, он подобен летящей птице, каждый глаз его словно футляр для пиалы⁹¹, резвится он, гарцует, косясь на звезды» (абз. 42).

Это описание состоит из целой цепи традиционных сравнений, выступающих в той же последовательности, что и вообще при описании богатырских коней узбекского эпоса. Так, в поэме «Алпамыш» рассказывается о том, как юный богатырь Алпамыш перед поездкой за своей невестой Барчин в далекую калмыцкую страну выбирает себе коня. В табуне отца он ловит на аркан жеребенка, в котором опытный пастух Култай сразу же признает настоящего богатырского тулпара.

⁹⁰ М. М. Дьяконов, Росписи Пянджикента и живопись Средней Азии, — сб. «Живопись древнего Пянджикента», М., 1954, стр. 119.

⁹¹ Т. е. большой и выпуклый.

Характеристика коня выступает здесь в той же традиционной форме. Посмотрел Култай и видит: «круп коня лоснится, грива поднялась над ушами, резвится он, гарцует, косясь на звезды»⁹². Почти дословно сохраняется это описание богатырских коней и в цикле «Гороглы» — в поэмах «Малика-и Айяр»⁹³, «Интizar»⁹⁴, «Зульфизар и Авазхан»⁹⁵, в дастанах «Балогардон»⁹⁶ и «Мурадхан»⁹⁷. И в героических и в романических поэмах такое описание дается в тех случаях, когда необходимо подчеркнуть, что богатырский конь превращается из жеребенка в настоящего боевого коня. А это совпадает обычно со зрелостью самого богатыря, готового к свершению первого подвига.

Повторение таких описаний создает так называемое эпическое клише.

В героическом эпосе употребляются и другие клише для описания коня. Это своеобразная похвала коню, которую произносит пастух, знаток коня — синчи, сестра или отец героя, это описание богатырской скачки или битвы. В дастане «Рустамхан» мы находим подобные описания, сохранившиеся как традиционные «общие места», в двух случаях: похвала коню перед выездом богатыря или изображение скачки.

Вот как, например, описывается скачка Рустама на коне по безводной пустыне, по степям и горам:

Хлещет он кнутом коня,
Словно проволока, врезается кнут,
Под ним гнедой конь —
Время от времени он втягивал живот,
В пути шею вытягивал он,
Погонял его [Рустам].

На подъемах сдерживал его,
Если случался обрыв, спускаться заставлял,
Если была река, перепрыгивать заставлял,
Вот так преодолевал свой путь Рустам.
Пустыни безводные покрыла пыль...

Под ним оседланный конь,
Подобно птице летел сказочный конь.

Скачет Рустам, погоняет [коня],
Самый лучший его оседланный конь...

Переваливает через седловины [гор]. (абз. 45)

⁹² ФИА, стр. 73.

⁹³ ФИМА, стр. 8.

⁹⁴ ФИИ, стр. 36.

⁹⁵ ФИЗА, стр. 27, 56.

⁹⁶ Фозил Йўлдош ўғли, Балогардон. Достон. 2-нашри, Тошкент, 1956. стр. 48 (Далее — ФИБ).

⁹⁷ ФИМ, стр. 28.

О стремлении выдержать характеристику коня в плане героико-богатырской традиции свидетельствует и сохранение полного ряда усгойчивых эпитетов, обычно употребляемых при описании богатырского коня. Как и все богатырские кони, конь Рустама называется «арабский конь» (*араби тулпар*); его резвость и быстрота выражены эпитетами: «конь-скакун» (*бедов от*), «скакун, бóрзый» (*тўбичоқ*) или «гнедой конь» (*жийрон от*). Употребляется в дастане и специфически фольклорный эпитет «пирок», что означает «летающий конь». Конь Рустама имеет ласковую кличку, как всякий эпический богатырский конь. Неоднократно он именуется «жонивор», «хайвон» — в значении «доброе животное», «животинушка», «скотинушка». Конь Рустама наделен также сложным эпитетом: «назаркарда хайвон» или «назари тулпор», т. е. выхолненный, ухоженный конь.

Подобное изображение коня в героико-романическом эпосе говорит о преемственности традиций героического эпоса. Ведь образ коня должен соответствовать образу самого богатыря, идеальные боевые качества которого не могли бы полностью проявиться без настоящего богатырского коня-тулпара — его боевого товарища.

Если образные приемы, при помощи которых раскрывается облик богатыря, восходят в основном к стилю героического эпоса, то в описании облика его возлюбленной — красавицы Офтобой преобладают изобразительные средства, присущие стилю узбекских романических поэм. Однако это не снижает героическую приподнятость образа, что выражено в самом характере поступков героини: став женой и подругой богатыря, Офтобой принимает непосредственное участие в его судьбе, делит с ним все трудности и беды и даже становится его спасительницей.

Внешний облик Офтобой воплощает в себе типичные черты, свойственные многим героиням народных сказаний и поэтических произведений классической литературы средневекового Востока. Обычно красота их «затмевает луну и солнце»; они — красавицы, «с лицом, подобным розе или цветку» (*гулюзли дилбар*); их черные локоны заплетены во множество косичек; они — луноликие красавицы, «с завитком у каждого виска» (*гажакдор*); стан их тонкий и стройный, подобный алифу или кипарису. Возлюбленный преклоняется перед красавицей, называя ее «мой кумир». Всякий увидавший «красавицу с обликом ангела, с лицом, как цветок», «с глазами-нарциссами» лишается чувств, теряет разум.

Е. Э. Бертельс, характеризуя стиль поэзии сасанидской Бухары в X в., отмечал, что для создания лирического образа возлюбленного употреблялись статичные сравнения и метафоры: стан прямой и стройный, поэтому он алиф; лицо, как солнце (*афтаб*) или как цветок (*гул*); главное место занимает традиционный локон (*зулф*). Самой распространен-

ной метафорой для обозначения возлюбленного являлось широко применяемое и позднейшей персидской лирикой слово «бут» (кумир). У Дакики наряду с ним появляется арабский эквивалент — «санам»⁹⁸.

А. М. Щербак, относя стиль уйгурского списка поэмы «Мухаббатнаме» Хорезми к общелитературной «книжно-языковой (поэтической) традиции, существовавшей в Мавераннахре и Хорезме в конце XIV — начале XV в.», в числе других формальных моментов фиксирует метафоры: «возлюбленная» (*дилбар*), «луноподобная», «красавица» (*ай*), «рот-роза» (*гул*)⁹⁹.

А. П. Баранников отмечает в индийском эпосе и классической поэзии употребление традиционных эпитетов и метафор, особенно при описании красавиц («луноликая», «лук — линия бровей»). Он объясняет это результатом тесного общения Индии с мусульманским Востоком, которое длилось более пяти столетий начиная с XI в.¹⁰⁰ По мнению А. П. Баранникова, «индо-мусульманская поэзия на языке урду живет поэтическими традициями и образами, взятыми ею из персидской поэзии. В образах этой поэзии являются соловей, нарцисс, тополь, кипарис и т. д., которых в Индии нет»¹⁰¹.

Традиционные сравнения, метафоры, эпитеты употребляются и в описании облика Офтобой: «кумир», «идол» (*санам*), «покорительница сердца» (*дилбар*) или «моя розоликая» (*гулюзлим*), «с локонами у висков» (*гажакдор*).

Эпитеты часто употребляются и самостоятельно, без определяемого слова (красавица, возлюбленная) или упоминания имени (кстати, героиня носит имя, типичное для героинь романических поэм, «Офтоб» — солнце). Это объясняется большой выразительностью и емкостью самих эпитетов. Герою достаточно, например, обратиться к возлюбленной с одним только словом *гулюзлим* или *гажакдор*, как уже возникает цельный образ красавицы: слушатель ясно представит себе юную изящную девушку с нежным лицом, с традиционной восточной прической. Образ этот почти зримый. Он как бы воспроизводит средневековую восточную миниатюру с тонким рисунком черноокой красавицы, носящей по одному завитку у каждого виска.

В зарисовке внешнего облика Офтобой, как и красавиц — возлюб-

⁹⁸ Е. Э. Бертельс, Персидская поэзия в Бухаре, X век, — «Труды Института востоковедения», X, М.—Л., 1935, стр. 51.

⁹⁹ А. М. Щербак, Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности, М., 1959, стр. 127.

¹⁰⁰ А. П. Баранников, Легенды о Кришне, т. 1. Лаллу Джи Лал. Прем Сагар, пер. с хинди, вступительная статья и примечания А. П. Баранникова, М.—Л., 1937, стр. 11, 58.

¹⁰¹ А. П. Баранников, Тулси Дас и его поэма, — в кн. «Тулси Дас. Рамаяна или Рамачаритаманаса», пер. с индийского (хинди), комментарии и вступительная статья академика А. П. Баранникова, М.—Л., 1948, стр. 59.

ленных богатырей в других узбекских дастанах, используется также развернутое поэтическое описание, состоящее из цепи традиционных метафор и сравнений:

Совершенство Офтобой,
Красота ее затмевает луну.
На ее голове трепещет на ветру
Повязанный дорогой платок.

Красота ее уподобилась полной луне,
Брови ее изогнуты, словно лук...

Как драгоценный жемчуг, зубы ее... (абз. 116)

Это описание облика Офтобой напоминает аналогичную поэтическую вариацию образа Барчин — возлюбленной богатыря Алпамыша из героического эпоса «Алпамыш»:

На ее голове трепещет дорогой платок,
Подобно луне сияет ее красота...
Имя ее Барчин, сама она — с локонами у висков ¹⁰².

В героическом эпосе подобное поэтическое описание всегда оттеняет лиризм женских образов, независимо от того, является ли юная красавица главной героиней или второстепенным персонажем. Вот, например, как изображаются в эпосе «Алпамыш» сорок девушек, подосланных колдуньей Сурхайил к дружинникам Алпамыша, чтобы с их помощью опьянить войско богатыря, а самого его взять в плен:

Еще свежа их красота,
На их голове дорогой платок,
Подобно луне сверкает их красота...
Красота их равна красоте пери, красоте гурии...
Зубы их подобны драгоценному жемчугу ¹⁰³.

Все перечисленные выше словесно-образительные средства, привлеченные для раскрытия внешнего облика богатыря и его возлюбленной в дастане «Рустамхан», одинаково характерны и для героического, и для романтического эпоса. Они не воссоздают индивидуализированного портрета героев. В этих статичных образах выражен идеал человеческой красоты, утвердившийся в общелитературной традиции под воздействием эстетических норм древних эпох и сохранившийся в стиле народного эпоса неизменным, так же как неизменными оставались художественные традиции, передаваемые сказителями от поколения к поколению.

¹⁰² ФИА, стр. 50, та же вариация на стр. 188.

¹⁰³ ФИА, стр. 83.

Очень интересен в дастане образ Тогая — «старосты бедняков» (*камбағал бобо*)¹⁰⁴ — соперника богатыря. Образ этого демократического персонажа — самый колоритный и своеобразный в произведении. Характеристика его двупланова и зависит от самих действий героя, которые и определяют описание внешнего облика Тогая двумя разными словесно-изобразительными приемами.

С одной стороны, образ Тогая содержит элементы типизации: сказитель отбирал и суммировал в образе своего героя черты обычного бедняка.

В этой характеристике Тогая преобладают черты живого человека с его слабостями, надеждами и радостями, неудачами и огорчениями. Идеализация образа не выходит за пределы симпатий к простому смертному — представителю низшей ступени общества: Тогай наделяется сметливостью, добротой, находчивостью, остроумием, честностью. При этом повествование приближено к форме рассказа. Вот как начинается этот рассказ:

«В те времена был такой обычай: одного человека назначали главным среди бедняков и называли его „старостой нищих“... Жил тогда один человек по имени Тогай. Бедняки провозгласили Тогая своим старостой. Он стал главным над нищими.

Тогай был такой человек: варил свеклу в бане на золе, ел ее вместе с друзьями, развлекая их своими разговорами. А если кто-то найдет пять тенги, он говорил: „Это — наше общее богатство“ — и делил эти деньги между всеми. Никто из сытых людей к ним не хаживал. И бедняки тоже, несмотря на такое свое положение, богатых людей, имеющих халат и коня, за людей не считали, не удостаивали своим вниманием.

Тогай делал всякую работу. Иногда разжигал в бане огонь и на это жил. Не зарился на чужое добро, никому не причинял вреда, дружил с теми, кто был бедным, угождал им. Он не сворачивал с пути праведного, кривым путем не шел, воровства не знал и в жизни не помышлял о преступлении. Не носил он нового халата, кроме старого — с сорока заплатами, другого не надевал, не только на коне, но даже и на ишаке не сидел, всю свою жизнь пешком проходил — вот какой был человек» (абз. 99).

Этот небольшой отрывок с достаточной ясностью показывает, что образ Тогая по сравнению с многими фольклорными образами демократических персонажей сказок или эпоса имеет тенденцию к индивидуализации. Возможно, что такая разработка образа традиционного самозванца целиком принадлежит Фазылу Юлдаш-оглы. Необыкновен-

¹⁰⁴ Как известно, в средневековье на Востоке существовали цеховые объединения бедняков во главе с цеховым управлением и выборным старостой.

ный талант к импровизации, мастерство Фазыла помогли предельно «оживить» полюбившийся образ, придать ему характер глубоко человеческий и правдоподобный. Тенденция эта особенно усиливается в рассказе о том, как Тогай на вечеринках с угощением (*ган*) или на особых вечеринках, устраиваемых по очереди членами кружка (*джура*), похвывается и веселит своих сотоварищей — нищих, игроков в азартные игры, любителей перепелиных боев.

Но там, где сказитель переходит к рассказу о подвиге Тогай, равном богатырскому, в его характеристике появляются традиционные черты облика богатыря героического эпоса. Уже при выезде на битву с драконом в Тогае вдруг обнаруживаются основные богатырские качества: необыкновенная храбрость, решительность, верность слову, да и по внешнему облику он становится похож на богатыря.

Собираясь на битву с драконом, Тогай снимает с себя халат с сорока заплатами, надевает дорожную одежду и доспехи, садится на прекрасного боевого коня-тулпара:

Тогай себя в новом облике бека увидел,
Надел со скрипом синие сапоги,
Тогай вот так осмотрел себя со всех сторон,
На голову шерстяную чалму повязал.
Все как положено сделал Тогай,
Талию свою опоясал златотканым кушаком...
На пояс свой он повесил острый меч. (абз. 102)

Положение знатного человека закрепляется за Тогаем окончательно после победы над драконом, когда он получает от падишаха законное вознаграждение: назначается беком укрепленного поселения.

Этим Тогай «породнен» с богатырем Рустамом, так как стоит теперь на высокой социальной ступени, став добрым правителем.

В дальнейшем в ходе рассказа о выезде на битву и о самой битве с драконом последовательно описываются все черты богатырского облика, которые теперь приобретает Тогай: на его поясе острый меч, в руке он держит «исфаганский меч», «под ним играет конь-тулпар», он «опоясан широким златотканым кушаком». В плане настоящей богатырской скачки изображается выезд Тогай. Разыскивая дракона, скачет он по безводным пустыням и возвышенностям:

Своей скотинушке он мучение причинил,
Сорок один раз кнутом ударил по ляжкам коня,
Вместе с конем так и взвился в небо [Тогай].
Быстро едет, радуется Тогай,
Как отблеск невидимой молнии, изогнулся он,
За переднюю луку седла ухватился рукой. (абз. 110)

Битва Тогая с драконом также изображается в виде короткого богатырского боя:

К дракону подъехал [Тогай],
От его величины растерялся Тогай,
Ударил дракона мечом по голове. (абз. 110)

Тогай наделяется и традиционными богатырскими эпитетами. Неоднократно он называется: «храбрец Тогай», «храбрый, удалой муж», «силач» (*зўрабор*). Подобно истинному богатырю Тогай возбужден перед битвой, что передано постоянным в таких случаях эпитетом «опьяненный» (*маст бўлиб*).

Характерно, что к Тогаю применяются не только эти постоянные эпитеты, но и поговорка, которая употреблена вначале по отношению к богатырю Рустаму: «Настоящий джигит от своего слова, как и тигр от следа [добычи], не отступает».

Подобную трансформацию образа, целиком зависящую от характера действий героя и окружающей его обстановки, мы наблюдали и в характеристике главного образа — богатыря Рустама.

Однако в обрисовке демократического персонажа «старосты бедняков» Тогая преобладают реалистические краски. Образ Тогая, рассказ о его делах и помыслах во многом определяют народность всего произведения. Своеобразие и самобытность этого образа ставит дастан «Рустамхан» в обособленное положение по отношению к другим традиционным дастанам, записанным от Фазыла Юлдаш-оглы.

Остальные образы главных персонажей: отца, матери Рустама, прислужницы Химчи, старухи Момагуль, дракона — не получили достаточно полного развития, хотя и они играют существенную роль в судьбе богатыря. Эти образы по своему происхождению делятся на две группы.

К первой группе принадлежат сказочно-мифологические персонажи, которые широко распространены в мифах, сказках и эпосе народов Ближнего и Среднего Востока. Это — чудовищный дракон и старуха колдунья (мастан), одинаково враждебные герою. Краткая характеристика обоих персонажей выдержана в пределах традиционных схем, известных эпосу и сказке.

Дракон (*аждаҳор*) описывается как огромный огнедышащий змей, который «втягивает все в свою пасть». Обитает он в горной пещере вблизи озера Чархин. Образ дракона сказочно гиперболичен: дракон заглатывает не только всадника вместе с конем, но способен также «за один вечер поглотить целый город».

Горы исчезают, когда он фыркает, втягивая воздух,
Оседланных лихих коней он давит, словно комаров...

Жилье, к которому подберется, с землей сравнивает [дракон],
За один вечер город заглатывает он... (абз 108)

В течение многих лет сражались с огромным чудовищем войска Хисровшаха, но целый арсенал, состоящий из многочисленных пушек, не смог превзойти силу дракона и уничтожить его.

Образ дракона наиболее полно раскрыт в эпизоде битвы богатыря с чудовищем. Когда Рустам приблизился к нему, то увидел: «дракон выползает из пещеры и глаза его горят, как пламя. Он фыркает и пышет огнем во все стороны». И далее:

Скачет дракон, втягивает все в свою пасть,
Ломаются с хрустом на озере камыши...

Заглатывает целиком воду из озера Чархин.
Когда дракон фыркает и пытит,
Вселенную окутывает темная пыль.
Приблизился бек Рустам, и видит он:
Горные камни летят,
В пасти дракона исчезают они. (абз. 86)

Злая, коварная старуха (*кампир-мастан*), противодействующая благородным устремлениям богатыря,— традиционный персонаж узбекского эпоса и народной сказки. Старуха Момагуль в дастане «Рустамхан» напоминает злую старуху в узбекских эпических поэмах «Алпамыш», «Ширин и Шакар», «Зульфизар и Авазхан», «Равшан» и колдунью узбекских сказок, например, в сказках «Рустам», «Эрназар и Кимоназар». Образ старухи колдуньи традиционен и для таджикского эпоса¹⁰⁵.

Согласно народным представлениям победить могучего богатыря, хотя бы и на короткое время, способен только враг, наделенный необыкновенными, сверхъестественными качествами. Поэтому в разработке образа старухи Момагуль на первый план выступают приемы сказочной фантастики. Всем своим обликом она близка к колдунье-ведьме волшебной сказки: «Лоб ее — как теша, глаза [сверкают] огнем, щеки запали и все в пятнах» (абз. 13). Живет Момагуль в пещере на окраине города, по ночам громко храпит, за один раз принимает четверть батмана насвая (жевательного табака). Она опасна для всех людей. А человек, замысливший злое дело, всегда прибегает к ее помощи.

Фантастичны многие дела старухи Момагуль, которые она совершает, «став на путь зла», чтобы погубить Рустама и его мать.

Так, подкупленная двумя старшими женами Султанхана, старуха делает себе деревянного коня и летит на нем разыскивать Султанхана, чтобы вручить ему письмо, содержащее клевету на царицу Хураим:

¹⁰⁵ См., например: рассказ о кознях злобного волшебника Мастона, превращающегося в хромую старуху, и о борьбе с нею богатыря Авазхана в эпосе «Гургули» («Антология таджикской поэзии», М., 1951, стр. 45—51).

Старуха села на деревянного коня,
Стальной его винт покрутила она.
Конь старухи [в небо]
Поднялся в тот же миг.
Старая плутовка летит,
С облаками сравнялась она,
В небе сверкает [ее конь],
Путь прокладывает, по небу летя. (абз. 22)

Злые старухи-мастан в эпосе и сказке всегда вредят людям подобно дивам. В дастане это Красный див (*Кизил-дев*). В узбекском фольклоре дивы изображаются страшными, огромными человекообразными существами, покрытыми шерстью. Они крылаты, с большими когтистыми лапами, с клыками и рогами. Дивы живут на горе Куй-Коф, где-то на краю света¹⁰⁶.

Старуха Момагуль, как и многие родственные ей персонажи из эпоса и волшебной сказки, может принимать любой облик. Она превращается то в Хураим, чтобы обмануть Рустама, то в красавицу «с маленьким красивым ротиком, с [гибкой] шеей, словно молодая лоза, с изогнутым [гибким] станом, с пышными бедрами», чтобы соблазнить Красного дива и уговорить его убить Рустама.

Ко второй группе образов относятся те персонажи, которые в эпосе узбеков и других народов Средней Азии обычно «состоят» при богатыре, определяя круг его семьи. Это — отец, мать богатыря и его верный слуга, часто заменяющий ему на время родителей (в дастане эта роль отведена прислужнице Химче).

Отец богатыря Султанхан — традиционный образ падишаха, каким он изображается в эпосе и сказках народов Востока. Обычно отец богатыря (как и его возлюбленной) — правитель какой-нибудь страны, падишах.

Образ Султанхана предельно обобщен. Он воспринимается как типичный феодальный владетель и ничем не отличается от падишаха Хисрова — отца Офтобой, правителя страны Буджил. Султанхан постоянно находится в окружении придворных и пышной свиты либо в сопровождении огромного войска. Живет он так же, как и Хисровшах, во дворце, окруженном крепостью. У него на службе — везиры, судьи-казни, военачальники, казначеи и другие сановники, а также глашатаи и палачи. К нему окружающие обращаются не иначе, как «О па-

¹⁰⁶ Происхождение этого образа исследователи относят к древнейшему слою иранской мифологии, восходящему к общему культурному наследию индоевропейских народов. Авеста и среднеперсидская литературная традиция сохраняют представление о дивах как о злых духах, враждебных человеку. В фольклор и письменную литературу тюркских народов этот образ проник вместе с мусульманством (см.: В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, стр. 380—381).

дишах мира сего!», а глашатаи всегда оповещают народ от «имени падишаха».

Величие Султанхана подчеркивается и его положением правителя государства Акташ, которому подвластны многие соседние феодальные владения. Подробно описываются торжественные проводы падишаха, его выезд из Акташа и то, как едет он в сопровождении свиты и войска по пути в страну Курудым. Порою в этом изображении столько правдоподобных деталей, что слушатель зримо и отчетливо видит и самого падишаха, и его приближенных, и подчиненных ему вассалов.

В образе Султанхана, как это свойственно изображению падишаха в народной сказке и в эпосе, отражены характерные черты, которые были присущи в действительности восточным феодальным правителям. Султанхан показан жестоким, деспотичным, своевольным.

Однако в этом традиционном образе заметна тенденция к его развитию, что проявляется в известной психологизации и описательности. В последней части дастана повествуется о том, что Султанхан в глубокой тоске по сыну раскаивается в свершенной жестокости, покидает престол и, примкнув к сорока дервишам-каландарам (мусульманским монахам), долго странствует в поисках сына¹⁰⁷.

В этой части повествования дается и краткое описание внешнего облика странника Султанхана. На нем нищенское одеяние, на его голове кулах — остроконечная шапка каландара, в руках — переметная сума, а в ней тыквянка, куда обычно каландары складывали подаяния. Такой зримый, но лишенный конкретных индивидуальных черт облик героя дополняется еще рядом деталей реалистического плана. Рассказывается, что однажды Султанхан приходит в те места, где живут жена и сын. Устав от долгого пути, он покупает на базаре серого осла и приезжает к замку Акрабат. У берега пруда каландар Султанхан привязал осла, «повесил на дерево тыквянку и очищенный кукурузный початок, выбил [из табакерки] гашиш и наслаждался им». Здесь даже сохранена и обязательная деталь костюма падишаха: каландар опоясан златотканым поясом, по которому Офтобой опознает в нем отца Рустама, догадываясь, что раскаившийся падишах покинул престол и стал каландаром.

Таковы те немногочисленные изобразительные средства, которые привлечены к раскрытию образа отца богатыря.

Образ матери богатыря Хураим — самый лиричный в дастане.

¹⁰⁷ Очевидно, в этом отчасти можно усмотреть влияние суфийской литературы, оказывавшей длительное воздействие на общелитературный процесс народов Востока. Фигура дервиша очень популярна в народной литературе. В узбекских романтических дастанах «дервишество — последнее прибежище для потерпевших крушение в жизни» (см.: В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, стр. 424—425).

Хураим изображается доброй, справедливой царицей, нежной и любящей матерью, все надежды и помыслы которой обращены к сыну.

Главные черты героини — это доброта, человечность, благородство, мудрость. Даже, когда ей грозит смерть, она, увидев вдали приближающегося сына, жалеет своих мучителей-палачей, предупреждает их о неминуемой гибели от Рустама. Никакие испытания судьбы, никакие страдания и разочарования не лишают ее гуманности и благородства, не ожесточают, не вызывают чувства злобы к людям и желания отомстить. Хураим прощает даже Султанхана, приговорившего ее к смерти, и уговаривает Рустама тоже простить отца и вернуться в Акташ. Образ героини идеализирован, он рисуется только одной краской: она всегда добра, красива, великодушна.

В начале повествования Хураим изображается нежной красавицей, любящей и послушной женой падишаха. В сцене прощания с мужем, перед его отъездом из Акташа, Хураим не радуется тому, что получает престол и все богатства. Она горюет о предстоящей разлуке, обещает ждать с нетерпением возвращения мужа.

Доброй царицей изображается Хураим, когда правит Акташем в отсутствие Султанхана. Она сама говорит палачам о том, что была к своему народу доброй и справедливой:

И я, царствуя, в Акташе жила,
Много заботилась о тех, кто был подвластен мне,
О нищих и бедняках спрашивала я.
К ним недоброжелательной не была... (абз. 55)

В дальнейшем, когда Хураим познает тяготы и страдания изгнанницы, вся ее любовь и все надежды сосредоточены только на сыне. Она ни минуты не сомневается в том, что Рустам предан ей, что он вырвет ее из рук палачей. А когда Рустам спасает мать и, выполняя ее желание, поселяется вместе с нею вдали от страны жестокого Султанхана, Хураим становится его наставницей. Во всем следует Рустам мудрым советам матери и поэтому достигает успеха.

Описание внешнего облика Хураим остается в кругу традиционных образительных средств. Она — красавица с лицом, подобным розе, тело ее — словно цветок, у нее черные волосы, белое лицо, а глаза — нарциссы.

Однако по сравнению с изображением облика красавицы Офтобой круг метафор, эпитетов и сравнений, рисующих внешний облик Хураим, более узок. Гораздо чаще к Хураим применяются эпитеты, характеризующие ее как заботливую, любящую мать или как невинную страдалицу. Неоднократно она называется: «любящая», «беспомощная», «беззащитная», «бедняжка», «несчастливая», «одиокая».

Образ прислужницы Химчи постепенно вырисовывается в рассказе

о тех поступках, которые она совершает, служа верно и преданно Хураим и юному богатырю. Характер этих поступков определяет основные ее черты — ум, благородство, честность, смелость, граничащую с героизмом.

Героизм Химчи проявляется в ее готовности сразиться с палачами, когда она облачается в доспехи, готовая защищать царицу с оружием в руках.

В дальнейшем, играя важную роль в спасении Хураим, Химча становится мудрой советчицей Рустама, вдохновляет его на первый подвиг. Химча приводит Рустаму коня, седлает его, облачает Рустама в доспехи, призывает его к мужеству и заставляет поверить в свои силы.

Химча дает напутствие Рустаму на подвиг, и в этом проявляется основная функция этого персонажа, которая в героическом эпосе тюркских народов отводится преданному слуге. Обычно слуга на время заменяет богатыря отца или старшего брата (в дастане герой называет Химчу матерью, старшей сестрой — *aná*). Когда же наступает время для свершения подвига, слуга приводит богатыря коня, седлает его, приносит похвалу коню, перечисляя его необыкновенные качества.

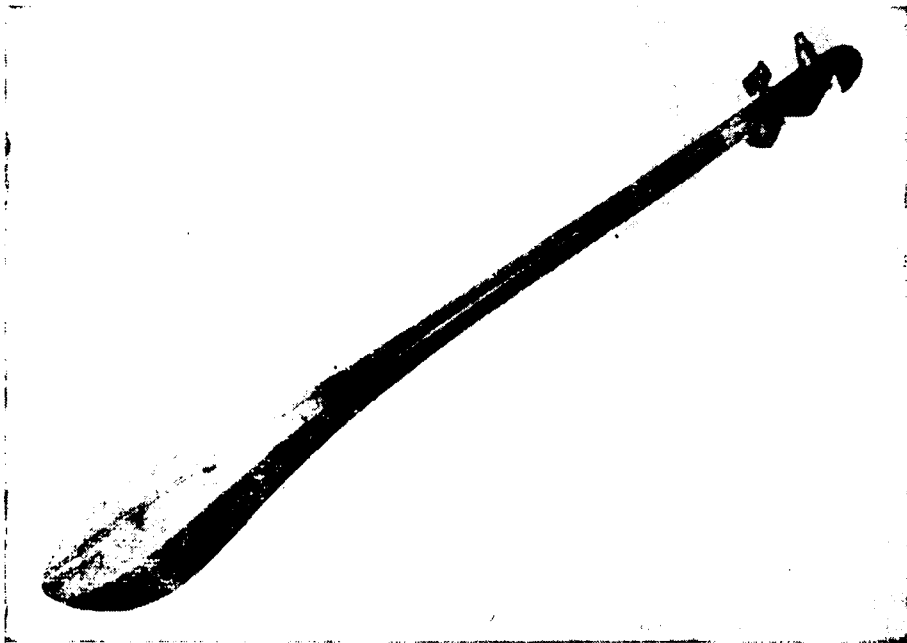
О том, что образ прислужницы Химчи определяется функцией преданного слуги семьи богатыря, свидетельствует и такая деталь. Химча, долгое время не зная о судьбе изгнанной Хураим и Рустама, постоянно оплакивает их. Когда же Султанхан вместе с женой и сыном возвращается в Акташ, Химча радостно встречает Рустама и его мать.

Описание внешнего облика Химчи дано в самом начале повествования в такой предельно обобщенной форме: «Химча-аим с соловьиным голосом, она из тех, кого называют прекрасными, обе щеки ее подобны двум распустившимся розам» (абз. 11). Один раз к ней применен традиционный эпитет красавицы, «носящей завитки у висков». Это описание целиком традиционно.

ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИКИ

Дастан «Рустамхан» сохраняет все особенности стиля традиционных народных сказаний. В дастане мы находим все типические элементы таких сказаний — стереотипную форму зачина и концовки, чередование стихов и прозы, постоянные эпические клише, поэтические конструкции и фразеологические обороты.

Зачин дастана имеет следующую форму: «В давние времена в вилайете Акташ жил Султанхан» (*Замонинда Октош вилятида Султонхон деган ўтди*). Аналогична форма зачина в героическом эпосе «Алпамыш»: «В давно прошедшие времена в шестнадцатиколленном племени Конграт жил некий Дабанбий»; в поэме «Шакир и Ширин»: «В городе

Домбра — народный щипковый струнный инструмент

‘Куёнки жил падишах по имени Касимхан». То же и во многих других узбекских сказаниях.

Столь же характерна и концовка дастана, встречающаяся во многих народных сказаниях, записанных как от Фазыла Юлдаш-оглы, так и от представителей других сказительских школ. Дастан заканчивается такими строками: «Итак, Хурам и Рустамхан достигли своих целей и желаний» (*Шундай қилиб Хуройим билан Рустамхон мурад-мақсадига етди*). Аналогичная концовка завершает повествование в поэмах «Ядгар»: «Вот так Ядгар и Ойдиной достигли [исполнения] своих надежд и желаний»; «Зульфизар и Авазхан»: «Аваз и Зульфизар достигли [исполнения] своего желания»; «Кунтугмыш», записанной от сказителя курганской школы Эргаша Джуманбульбуля: «Кунтугмыш, устроив пир в своей стране Дорман, достиг [исполнения] своих надежд и желаний».

Стихотворные партии дастана исполняются под аккомпанемент домбры, прозаические рассказыываются часто в форме речитатива, и в

этом случае сочетание глагольных, причастных и деепричастных окончаний создает впечатление рифмованной прозы.

Стихотворные части в большинстве случаев представляют собой лирические монологи и диалоги героев.

При этом стихи и проза тесно увязаны между собой типичными связками, которые дают возможность сказителю быстро перейти от стихотворного повествования к прозаическому и наоборот.

Таковыми связками в дастане «Рустамхан» и во всех других дастанах являются короткие стабильные фразы типа: «обращаясь к ним (посмотрев на них), произнес одно слово» (*уларга қараб, бир сўз айтиб турган экан*); «...выслушав эти слова, он сказал» (*бу сўзларни эшитиб деди*); или, «обращаясь к Султанхану, он снова молвил одно-два слова» (*Султонхонга қараб яна бир-икки оғиз сўз айтиб турган экан*).

На протяжении всего повествования фразы такого типа стоят в конце определенного смыслового отрывка, обычно на стыке стихотворной партии и прозаической. В стихах они встречаются реже, и в них глагол *айтмоқ* 'говорить', стоящий в конце фразы, обычно употреблен в форме простого прошедшего времени: *айтди* 'сказал'. Причем в этих случаях связки стоят там, где осуществляется смысловой переход, — одна мысль сменяется другой или косвенная речь заменяется прямой речью. Часто при помощи этих связок строится диалог в одной небольшой стихотворной партии:

«...Ну-ка, Тогай, свое мужество покажи!
Убей врага, отвагу прояви,
Обрадуй шаха, развесели.
Что бы ни случилось, свое мужество покажи».

*Эти слова говорит Хисровшах.
То, что сказал он, выслушал [Тогай].*

Выслушав падишаха слова,

Тогай поведал обо всем, на что решился он:
«Прикажи, мой падишах, и отправлюсь я!
Если будет битва, выстою, не отступлю...

Выполню [все], сердце не дрогнет мое.

Поехать решил я сам,

Выйти на дракона я готов!

Шах мой, если меня снарядишь, дашь оружие и коня,

Не буду раздумывать, в дороге не уstraшусь...»

Выслушал такие слова Хисровшах,

Сильно образовался Хисровшах,

Он сказал: «Благоустрою я этот край!»...

В тот же миг встал падишах и своими руками
На Тогаю хорошую одежду надел. (абз. 102)

Наряду с этим в поэтических монологах существуют и другие стабильные фразы типа обращений. Они стоят в начале, реже в середине монолога, но обычно там, где осуществляется переход к выражению сильной эмоции в словах героев. В начале фразы стоит имя собственное или звание того лица, к которому обращается герой, а затем следует неизменная формула, например: «Химча, услышь мою жалобу» (*Химча, қулоқ солгин айтган нолама*); «Храбрый молодец, сын мой, услышь мои слова» (*Мард йиғитсан, болам, эшит тилимни*); «Сановники, выслушайте жалобу мою» (*Амалдорлар, қулоқ солгин дотима*).

Стереотипные обращения-связки присущи всем узбекским героическим и романтическим поэмам. Они характерны и для эпоса других тюркоязычных народов¹⁰⁸.

Поэтические монологи и диалоги занимают большое место в дастане. В зависимости от содержания они очень лиричны или драматичны, и это усиливает эмоциональное воздействие произведения на слушателя.

К числу таких диалогов можно отнести взволнованные обращения Султанхана к своей жене Хураим перед его походом в страну Курудым и ее ответные обращения к нему (абз. 6—8); диалоги Султанхана и Рустама во время их неожиданной встречи, когда юный богатырь едет на поиски матери (абз. 47—49); диалоги Рустама и Офтобой в момент их первой встречи (абз. 83, 84) или диалог между Хураим и ее прислужницей, когда царица рассказывает о своем вещем сне накануне прихода в Акташ палачей (абз. 28, 29).

Часто диалог, так же как и монолог, подготавливает повороты сюжета в сторону драматических или, наоборот, радостных событий. Таковы, например, большие диалоги между двумя старшими женами Султанхана и колдуньей Момагуль или между Химчой и палачами (абз. 14—17, 31, 32); они предшествуют рассказу об изгнании Хураим из Акташа. Полный драматизма монолог Химчи, обращенный к мулле (абз. 36—37), и следующий за ним диалог Химчи и Рустама предвзвещают рассказ о выезде богатыря на его первый подвиг (абз. 39—41).

Много диалогов в одном из самых трагических эпизодов — в сцене казни Хураим. Это взволнованные обращения героини то к палачам, то к богу, то к виселице Мансура и ответы палачей (абз. 55—59, 61—64). К другому драматическому событию — ослеплению Рустама

¹⁰⁸ Например, в монологах героев сказаний, вошедших в огузский эпос «Деде Коркут», в словах Салор-Қазана: «Внемлите моему голосу, беки!», «Внемли моему голосу, выслушай мое слово!» (КОГЭ, стр. 22, 26), в словах Бейрека: «Внемлите моему голосу, выслушайте мое слово, купцы!» (там же, стр. 40), а также в словах Уруз-бека: «Внемли моему голосу, выслушай мою речь, отец мой Казан!» (там же, стр. 49) или Казан-бека: «Сын мой, сын, внемли моему голосу, выслушай мое слово!» (там же, стр. 51) и т. д.

злой колдуньей Момагуль — подводит ряд диалогов между богатырем и колдуньей, принявшей облик его матери (абз. 122—126).

Насыщено диалогами и монологами также повествование о радостных событиях. В форме выразительных лирических диалогов передается радость Рустама и Хураим после спасения ее от казни. Мать и сын обмениваются словами любви, преданности друг к другу. Они решают начать счастливую жизнь где-нибудь в чужом краю, далеко от Акташа — «царства угнетателя» (абз. 68—71). К радостному событию — исцелению Рустама от слепоты — подводит обширный диалог между героем и его верной женой (абз. 135—138), а возвращению героя на родину предшествуют диалоги между Рустамом, Хураим и Султанханом (абз. 153—154).

В некоторых случаях эмоциональная выразительность монолога усилена введением рефрена. Так, в словах Хураим, обращенных к Султанхану перед предстоящей разлукой, рефрены, стоящие в конце четверостиший: «Скажи, мой господин, когда вернешься ты?» или «Своего ребенка ты нареки!» углубляют эмоциональную передачу горя и озабоченность героини, вызванные отъездом мужа, в отсутствие которого она должна родить и вырастить его наследника (абз. 6, 8).

В монологе Рустама, узнавшего о том, что палачи увели его мать, рефрен оттеняет его взволнованность и озабоченность. Каждое четверостишие оканчивается фразой, обращенной к Химче: «Не мешкая, сейчас же меня по верному пути направь!» (абз. 40).

Иногда в диалогах и монологах вырисовываются отдельные черты героев, оттеняется их социальная характеристика. Этому способствует тенденция к некоторой индивидуализации их речи.

Например, монолог Хураим насыщен образными иносказаниями, сравнениями, характерными для классического литературного стиля. Этот изысканный стиль ее речи создает представление о тонкости, нежности, красоте героини и ее положении знатной госпожи:

«Химча, стоны мои услышь!
Хлынул горный поток на жилище мое,
Тело мое, подобное цветку, огонь охватил...

На ногах не стою, но душа [еще] жива...

«Увяли мои распутившиеся свежие цветы», — сказала,
«Безвременно настгла меня смерть», — сказала...

«Что, если б был [со мною] любимый мой сын!» — сказала.
«Много я возлагала надежд на покровительство божье...» (абз. 35)

Противоположностью этому высокому стилю является, например, речь старика-привратника, который принимает богатыря за лазутчика.

Она проста, грубовата, приближена к обычному разговорному языку. Старик говорит Рустаму:

Нечистое отродье, потише кричи!
Если узнает мой шах Хисров, голову тебе отсечет,
Вздернет на виселицу — такое тебе предстоит!
Наш народ ты здесь не подстерегай...
Сейчас же, не мешкая, из города уходи! (абз. 91)

Простотой, близкой к обычному разговорному языку, отличается речь и некоторых других демократических персонажей. Например, просторечные и грубоватые обороты свойственны речи Чонтака-палача, что оттеняет черты грубого, жестокого человека, каким должен быть палач, или злой старухи Момагуль, например в сцене жалобы Султанхану на его жену:

На улицах предается веселью она,
Устраивает пирушки для молодых людей,
Мужчины увиваются за ней,
И молодые, и старые — все до единого ходят [за ней]... (абз. 26)

Мы видим здесь использование просторечных оборотов: «устраивать пирушки» (*базм бермоқ*), «мужчины увиваются» (*одам эргашади*).

* * *

Стихотворные партии дастана выполнены силлабическим стихом, который присущ тюркскому народному эпосу. В основном это одиннадцатисложный стих, реже восьми- и семисложный. Одиннадцатисложный стих разбивается цезурой на два полустушия по пять-шесть слогов.

Стихи сохраняют тот же принцип строфического деления, что и во всех эпических поэмах, записанных от Фазыла Юлдаш-оглы. Исследователи, анализируя «стихотворный рассказ» героической поэмы «Алпамыш», пришли к выводу, что он «за немногими исключениями не имеет строфической композиции: стихи объединяются повторением одинаковой рифмы в группы различной величины („тирады“) — от 2—4 до 10—15 и более стихов. При этом рифмовая техника очень несложна, суффиксальные рифмы преобладают, что и естественно при таком большом числе одинаковых слогов»¹⁰⁹.

При такой «свободной» композиции стиха строки как бы нанизываются, объединяясь рифмами, пока не составят логически завершенный смысловой отрывок.

¹⁰⁹ В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, стр. 440.

Приведем лишь один типичный пример, показывающий принцип строения стихотворной партии дастана:

- Очилар баҳорда боғларнинг гули,
Бир қоп тилланг бизга бўлмас чой пули,
Обод бўпти давлатманнинг мазгили,
Ўйнаб-кулиб юрсин Ҳуройим ули,
Кетабер, оймлар, коринг қилмайман.
- (2) Ох урганда хаста қўнглим хушладим,
Бурунгидай ёмон савдом ташладим,
Уч кун бўлди янги намоз бошладим,
Яхшилиқ йўлларни маҳкам ушладим,
Кетабер, оймлар, коринг қилмайман.
- (3) Мени сенам бурунгидай биласан,
Халок бўлиб мазгилимга келасан,
Мени йўлдан уриб нима киласан?
Бовангнинг одатин ўзинг биласан,
Кетабер, оймлар, йўлдан қолмагин!
- (4) Қурғур чолга дучор бўлиб юрмагин.
Қўриб қолса сени койиш қилади.
Қилма дейди, сўнгра мени уради,
Ҳаммамизга қаттиқ азоб беради,
Қизларим, қўнглингни қора қилади!
- (5) Қурсин бованг, билгин, одати ёмон,
Юрган ери ҳамша қайғули тумон,
Тилозор қиб тангрим уни яратган.
Ҳаялламай қайта бергин бул замон!
- (6) Пошшо Ҳуройимга душман бўлдинг, — деб
Қўрса икковингни койиш қилади,
«Тилозорлар қайси гўрдан келдинг, — деб,
Кампиримни алдаб йўлдан урдинг», — деб. (абз. 15)

Здесь логически завершенный отрывок построен из четырех пятистиший и двух четверостиший. Пятистишия рифмуются по типу: ааааб, ввввб, ггггд, деее, а два последних четверостишия приближены к форме «мурабба» (четверостишие), признанной очень древней в поэзии тюркоязычных народов, с характерной для них рифмовкой: ааба.

Во втором, третьем и четвертом пятистишиях рифма несложная, так как образована созвучными глагольными суффиксами прошедшего времени 1-го лица (-дим), будущего времени 2-го лица (-а-сан) и 3-го лица (-а-ди). Последнее четверостишие сохраняет редифную рифму, образованную при помощи созвучных существительных, стоящих при глаголах прошедшего времени 2-го лица — *душман бўлдинг* 'ты

стал врагом'; *гўрдан келдинг* 'ты вышел из могилы'; *йўлдан урдинг* 'ты сбил его с пути' и конечного деепричастия *деб* 'сказав'.

В дастане редифные рифмы встречаются довольно часто, охватывая одно слово или несколько слов, стоящих в конце стиха. Например, *борай деб, қилай деб, турай деб, келай деб, юрсам деб, кўрсам деб, қилсам деб, бўлсам деб* (сочетание двух глаголов); *бил энди, бўл энди, юр энди* (сочетание глагола и наречия); *ойдай бўлиб, ёйдай бўлиб, кўлдай бўлиб, дурдай бўлиб, бирдай бўлиб* (существительного в форме определения с суффиксом *-дай* в сочетании со вспомогательным глаголом). Редифные рифмы этого типа традиционны для поэзии народов Ближнего и Среднего Востока.

Особенную звучность придает стиху редиф, построенный из группы одинаковых или созвучных слов, например в таком пятистишии:

Хазон бўлди тар очилган гулим,— деб
Бемаҳал бошима етди ўлим,— деб,
Жаллодлар кошида ойм йиғлайди,
Заминда беҳабар қолди улим,— деб,
Кани, бўлса эди жону дилим,— деб. (абз. 35)

Здесь редифная рифма усилена за счет аллитерации простейшего вида (повтор одного и того же глагола *демок* 'сказать' в форме деепричастия *деб* в сочетании с более сложной аллитерацией (повторяемость созвучий в нескольких соседних словах — *гулим, етди ўлим, қолди улим, эди жону дилим*). Встречаются аллитерации и в начальных рифмах типа:

Шул замонда кўриб қолди,
Ул Султонхон ётган ерни. (абз. 22)

или в конце стиха:

Шуйтиб Рустам йўл тортти,
Тонглар отлиб шул замон,
Окшом тушмай йул тортти,
Энди чошгохга етти ¹¹⁰.

Реже аллитерацией охвачены рифмующиеся строки целиком:

Тоғлар азиз бўлар туман бўлмаса,
Боғлар азиз бўлар боғбон бўлмаса. (абз. 35)

или почти вся строка, кроме начального слова:

¹¹⁰ Эта особенность тюркского стихосложения обнаруживается в весьма ранних источниках. На нее указывает, в частности, И. В. Стеблева, исследовавшая звуковую организацию енисейско-орхонских надписей (см.: И. В. Стеблева, Поэзия тюрков VI—VIII веков, М., 1965, стр. 28).

Хусни тўлган ойдай бўлиб,
Коп эпилган ейдай бўлиб. (абз. 116)

Рифма в тюркской эпической поэзии, как отметил это Н. К. Дмитриев, делая ссылку на Т. Ковальского¹¹¹, определяется в значительной мере самим строем агглютинативного языка. В дастане «Рустамхан», как и в других узбекских дастанах, рифма в основном образована за счет созвучных аффиксов глаголов и существительных либо флективных элементов (*сўз-ларим, кўз-ларим; бош-ига, иш-ига; иш-имни, бош-имни, ҳол-имни; тан-имни, кўл-имни; давлат-инг, фарзанд-инг*)¹¹².

Часто в глаголах рифмуются: аффиксы единственного числа настоящего времени 1-го лица (*тураман, кўраман, бераман*) и 2-го лица (*борасан, биласан, қиласан*), аффиксы прошедшего времени единственного числа 1-го лица (*шоштирдим, топширдим*) и 3-го лица (*кетти, ўтти, унутти*), аффиксы желательного наклонения (*билайин, солайин, қолайин*) и его отрицательная форма (*билмасин, солмасин, қолмасин*).

Рифмуются падежные окончания существительных. Вот пример на аффикс местного падежа *-да* в существительных.

Фулғула бўлгандр бундай шаҳарда.
Энангни осғими ул Мансур дорда,
Кетди ёлғиз зolim жаллод кўлида,
Энанг кайдай бўлди ёмон кўнларда. (абз. 39)

Бывают случаи рифмовки аффиксов направительного падежа (*тушинга, қошинга*), родительного падежа (*отинг, пўлотинг, кувватинг*) и аффиксов принадлежности 1-го и 3-го лица (*роҳатим, фарзандим, давлатим; чегаси, ёқаси, эгаси*).

В дастане «Рустамхан» часты случаи неграмматических рифм, когда рифмуются разнозначные слова, сходные по созвучию. Например:

Кийғир деган куш ўлтирар қиёда,
Бу сўздештиб дардим бўлди зиёда
Кетган тарафини кўрсат энамнинг
Югурай кегидан пойу пиёда. (абз. 40)

или:

Қани, жоним эна, беринг маслаҳат,
Неча кундан бери йўқдир фароғат,
Шу тоққа қўнайик, килайик роҳат. (абз. 73)

¹¹¹ Н. К. Дмитриев, Введение к алтайскому эпосу «Когутэй», — в кн. «Когутэй. Алтайский эпос», пер. Г. Токмашова, М.—Л., 1935.

¹¹² Образование рифмы звуковыми совпадениями в одинаковых грамматических формах глагола, иногда и имен, фиксируется и в тюркской древней поэзии (см.: И. В. Стеблева, Поэзия тюрков VI—VIII веков, стр. 38).

В четверостишиях рифма смежная: аабб, перекрестная: абаб, но чаще — рифма, характерная для «мурабба» — ааба.

Рифмы в стихах преимущественно мужские. Это объясняется спецификой узбекского языка, относящегося к группе тюркских языков с присущим им грамматическим ударением на конце слова. Женские рифмы встречаются весьма редко и в основном в словах с вопросительной частицей *-ми*, которая всегда безударна (*келдимми, бўлдимми*), или с отрицательным глагольным аффиксом, который стоит под ударением (*келмайман, бўлмадим*).

* * *

Для стиля дастана характерен комплекс художественных приемов, определяемых единой общетюркской традицией. Это постоянные эпитеты, сравнения и метафоры, приемы образных иносказаний, параллелизмы, употребляемые как в эпосе, так и в классической поэзии.

Постоянный эпитет обычно выражает основной типический признак предмета¹¹³. Таковы эпитеты «белое лицо» (*оқ юз*), «красная кровь» (*қирмизи қон*), «черные волосы» (*қора соч*), «единственный ребенок» (*ёлғиз бола* — всегда применительно к богатырю), «безводная пустыня» (*сувсиз чўл*), «кровожадный палач» (*қонхўр жаллод*), «острое оружие» (*кескир яроқлар*).

Иногда постоянный эпитет употреблен самостоятельно, без определяемого слова, но тогда это слово все равно подразумевается, так как имеет с данным эпитетом постоянную связь, например: «жестокие» (*бераҳмлар*, применительно к палачам), «плутовка, хитрая» (*кашмир*, применительно к коварной старухе), «алмаз», т. е. острый, как алмаз (*олмос*, всегда о мече или кинжале богатыря). Эта группа эпитетов образована путем простой связи двух слов, первое из которых является определяющим по отношению ко второму¹¹⁴. По этому типу образованы такие эпитеты, как: «лихой конь» (*бедов от* букв. 'бедуинский конь'), «стальной винт» (*пулот мурват*, букв. 'сталь винт').

К другой группе относится эпитет-прилагательное, грамматически оформленное: «подобен месяцу» (*ойдай*, образован сравнительным аффиксом *-дай* 'как', 'словно', 'подобно'), «розоликая» (*гулюзли*, образован аффиксом принадлежности *-ли*, букв. 'имеющий лицо-розу'); своеобразный сложный эпитет, обычно применяемый к существительному «страна» или «край», в котором сочетается деепричастие и причастие прошедшего времени: *ўйнаб ўсган мақон* 'край, где беззаботно рос'.

¹¹³ А. Н. Веселовский такие эпитеты считал отражением народных представлений о соответствии предмета норме идеального (см.: А. Н. Веселовский, Из истории эпитета, Историческая поэтика, М., 1940, стр. 74).

¹¹⁴ Такой эпитет относится к раннему типу эпитета, так как встречается в древнетюркских памятниках (ср. в енисейско-орхонских надписях: *алл эр* 'богатырь-воин: эр ат 'геройское имя').

Третью группу составляют эпитеты, по своему характеру приближающиеся к метафоре: «жесткий кнут» (*аччиқ қамчи*), «цветок-тело» (*гул бадан*), «скорбный день» (*қабохат кун*), «тяжкий (плохой) день» (*ёмон кун*).

Метафоры, традиционные для тюркской народной и классической литературы, при помощи которых воссоздается канонизированный облик героя и его возлюбленной: «стройный кипарис» (*сарвиноз*), «мой свежий (чистый) цветок» (*тоза гулим*), «лицо-цветок» (*гул тарзи*), «обе щеки ее — (как) распустившиеся розы» (*икки юзи очилчан гулча*). Эти метафоры всегда рисуют облик красавицы, значительно реже (вторая и третья метафоры) воссоздают красоту героя.

Метафоры, применяемые к богатырю, чаще всего передают главную его сущность — храбрость, непобедимость. Стремительность в бою, смелость и ловкость героя переданы усложненной метафорой, охватывающей несколько поэтических строк:

«Явился один сокол из какой-то страны,
Налетел сокол, когти в дракона вонзил.

В когтях сокола дракон погиб!» (абз. 112)

И герой и героиня одинаково называются «душой и сердцем отца и матери своих» (*энангман-отангинг жону-дилисан*) либо «зеницей ока (букв. зрячий глаз) отца и матери своих» (*энангман-отангинг кўрар кўзи*). Обе метафоры широко известны эпосу многих тюркских народов. Так называют дорогого человека, горячо любимого ребенка.

Юный богатырь, находящийся вдали от родных мест, — это «соловей, выпорхнувший из цветника» (*бир чамандан парвоз қилган булбулдир*).

Наряду с этим встречается метафора, усиливающая эмоциональную выразительность рассказа, например: «где б ни появился он — там всегда скорбный туман» (*юрар ери қамша қайғули тумон*); «от рыданий твоей матери содрогаются небеса» (*фалак титрар ул энангинг зорига*) или:

Мечом страданий пронзили душу мою,
Кинжал разлуки разорвал мою грудь.

Часто встречается развернутая метафора-сравнение: «мое тело, подобное цветку, огонь охватил» (*ўт туташиб бунда гулдай танама*), «сгорело в огне мое тело, подобное цветку» (*ўт туташди гулдай танама*) — обычно в тех случаях, где герой говорит о своих страданиях, о приближающейся опасности. Нередко о богатыре говорится, что он перед битвой «горит, как огонь» (*ёниб ўтдай туташиб*) или — «подобен разлившейся реке» (*даръёдай тошиб*), т. е. возбужден, взбудоражен.

Художественную выразительность поэтических строк усиливают также сравнения, типичные для стиля тюркских эпических поэм. Ге-

рой сетует, плачет, «как ревуший в степи верблюжонок» (*ийғладим чўларда бўтадай бўзлаб*); удары плети обрушиваются на голову, «как снег и дождь» (*қар-ёмғирдай қамчи ёғиб бошига*); богатырь сражает врагов «как молния» (*яшин тушиб*); его конь летит, «словно птица» (*қушдай учар пироктир*); быстрые бегут по следу, «словно барс» (*ийлбарсдай йл тортиб*).

Существуют сравнения, выходящие за пределы традиционной образности, разработка которых, очевидно, принадлежит сказителю. Это сравнение, основанное на метафоре: «Моя Офтой вместе с прислужницами — словно сильно всплескивающееся озеро» (т. е. трепетны) (*Офтобойим канизларман кўп чалқиган кўлдай бўлиб*). В двух других сравнениях отражены непосредственно «предметные» сопоставления: богатырь стегнул коня и «кнут врезался, словно проволока» (*камчиси симдай ботди*), «Словно листок, сердце каландара дрожит» (*Япроқдай титрайди каландар жони*).

В поэтической части дастана употребляются образные иносказания, особенно когда герои испытывают горестные чувства. Это аллегории традиционного характера, звучащие в жалобных сентенциях героев: «страну, где я беззаботно рос, ливень затопил» (*ййнаб ўсган маконимни сел олди*), «хлынул горный поток на мое жилище» (*сел қўйилди менинг кулбахонама*) — так выражает герой свое горе или сетует на неудачу, несчастье. Чувствуя приближение смерти, герой неизменно восклицает: «увяли мои распутившиеся свежие цветы» (*сўлгандир тар очилган гуллим*).

Нередко герой взывает к окружающим с просьбой не причинять ему горя, душевную боль. Обычно в таких случаях в дастане, как и в тюркской народной и классической поэзии, применяется постоянная аллегория: «Я красная роза, так не заставляй меня пожелтеть (увянуть)» (*Кизил гулман, мени мунча сўлдирма*).

Характерны горестные восклицания, содержащие тот же образ: «лицо мое, подобное розе, пожелтело, как шафран» (*гулдай юзим зафарондай сарғаиб*); или «от горя пожелтело лицо, подобное цветку» (*ғам билан сорғайди гулдайин дийдор*)¹¹⁵.

Герой, охваченный печалью или сомнениями, передает свое состояние такими словами: «пал на мою голову горестный туман», «на сердце моем горестный туман» (*кўнглимда бор экан қайғули туман*).

Образные иносказания встречаются в описаниях поисков юного героя его опечаленным отцом. Здесь богатырь, как обычно в по-

¹¹⁵ См. вариации таких устойчивых фразеологических конструкций в дастане «Рустамхан» — в словах горюющих жен Султанхана (абз. 14), в словах опечаленных слуг Султанхана (абз. 24), в жалобных столах ослепленного Рустама (абз. 129), в обращении к Рустаму связанной Офтой, ожидающей смерти от дракона (абз. 84), в ее же словах, полных горя и сочувствия к ослепленному Рустаму (абз. 135) или к страдающему в разлуке с семьей странствующему Султанхану (абз. 149), и т. д.

добных эпических ситуациях, сопоставляется с упущенной из рук охотника ловчей птицей (соколом или ястребом), с улетевшим соловьем, опустившимся в чей-то цветник.

Султанхан, горюя о сыне, бросает трон и, став нищим странником-каландаром, уходит разыскивать Рустама. Он обращается к встретившейся ему после долгих скитаний красавице Офтобой:

Цепкую ловчую птицу свою я упустил...

К какому из цветников полетел мой соловей?..

Кружась, взмыл в воздух серый сокол мой,
Спрошу-ка, опустился ли он на этот цветник.

Моего сокола днем и ночью я искал.

Говорят, в этих краях опустился он на цветник. (абз. 150)

Эта вариация близка по своему характеру к образным иносказаниям в стиле героического эпоса узбеков и других тюркских народов, связанным с древней народной символикой: богатырь, отыскивающий возлюбленную, сопоставляется с соколом, охотящимся за дикой уткой. Например, в героическом эпосе «Алпамыш» богатырь Алпамыш, разыскивая невесту Барчин, объясняет богатырю Караджану цель своего приезда в далекую калмыцкую страну:

Если хочешь знать, я властитель страны Конграт,
Упустил я с Коккамышского озера дикую утку,
Я сокол, разыскивающий (эту) дикую утку¹¹⁶.

Характерен для стиля дастана, как и всякого фольклорного произведения, прием образного параллелизма. Обычно он употребляется для усиления эмоционального воздействия.

В поэтических вариациях на протяжении всего повествования при передаче радостного события повторяются строки, имеющие постоянную поэтическую форму. Обычно это двустипные типа:

Снова наступит весна — расцветут цветы,
Розу увидев, запсют, опьянев, соловьи. (абз. 14)

Возможен сокращенный вариант в одной поэтической строке: «Распускаются весной в садах цветы».

Строки эти не всегда имеют связь с последующими строками, но выражают всегда один смысл: как с наступлением весны снова оживает природа, так и человеку приходит радость. Так выражено счастье

¹¹⁶ ФИА, стр. 98.

Хураим, ожидающей скорого возвращения Султанхана (абз. 6); радость двух жен Султанхана при мысли о том, что Хураим и ее сын — наследник престола — умрет (абз. 14), радость старухи Момагуль в предчувствии щедрой награды (абз. 15).

Образный параллелизм этого типа встречается в лирических монологах героев богатырского и романического эпоса многих тюркских народов. Например, в эпосе «Алпамыш» в словах калмыцкого богатыря Кокамана, обрадованного предчувствием получить в жены красавицу Барчин; Алпамыша, радующегося при встрече с невестой; в радостных восклицаниях Барчин, когда она видит, что Алпамыш побеждает богатырей в брачных состязаниях; или в словах пастуха Култая, оповещающего народ о возвращении Алпамыша, и т. д.

Следует отметить, что если в классической литературе народов Ближнего и Среднего Востока образ весеннего сада, благоухающей розы с поющим на ней соловьем связан в основном с раскрытием темы интимной любви, то в народных эпических дастанах он сопутствует передаче более широкого круга эмоциональных оттенков чувства радости, ощущения счастья вообще.

Как контраст этому образу употребляется поэтический образ осеннего сада с увядшим цветником без поющего в нем соловья. Образный параллелизм этого типа служит своеобразным поэтическим выражением мысли: как с приходом осени увядает цветник, так и человека неминуемо постигнет горе. Он одинаково характерен для эпоса, для народной лирической песни, причем не только тюркских, но и многих других народов мира.

В дастане «Рустамхан», как и в других дастанах, исполнившихся Фазылом Юлдаш-оглы, образный параллелизм этого типа выражен либо одной стихотворной строкой: «Наступила осень, в саду увяли цветы» (*Хазон бйлиб богда гуллар сйлгандир*) (с вариантом «Не будь осени, не увядали бы в саду цветы» (*Хазон бйлмай богда гуллар сйлмайди*)), либо в двестишии:

Не наступит осень, в саду не увянут цветы,
На увядшую розу не опустится ссловаей. (абз. 41)

В ряде случаев этот образ углубляется выразительной зловещей картиной осеннего цветника с воронами, опустившимися на кусты (в противоположность образу весеннего цветника с поющими на розах соловьями). Обычно такие строки связаны с выражением скорби, навеянной предчувствием смерти.

Например, див, предчувствуя смерть, просит помощи у богатыря Рустама. Тоска его, ощущение безысходности переданы двестишием:

Когда осень приходит, вороны опускаются на цветник,
Если ты не придешь, не достигнув цели своей, умру... (абз. 128)

В дастане «Балогардон» при помощи той же строки передано предчувствие смерти дива Бало: «Если наступит осень, вороны опустятся на цветник»¹¹⁷.

В героической поэме «Алпамыш» та же образная параллель встречается в речи Алпамыша, тоскующего по любимой невесте. Не надеясь на встречу с ней, Алпамыш говорит, что умрет в разлуке. Переход к этой мысли начинается традиционной строкой: «Если наступает осень, вороны опускаются на цветник»¹¹⁸. То же самое наблюдается и во всех других дастанах, где в монологе героя выражается чувство скорби, вызванное бедой или смертью.

В дастане «Рустамхан» Хураим, предчувствуя близкую смерть, восклицает:

Осенние заморозки погубили мои распутившиеся
свежие цветы,
Безвременно настигла меня смерть. (абз. 35)

Иногда этот устойчивый поэтический прием имеет иное значение. Так, например, Химча, обращаясь к горящему Рустаму перед его поездкой за матерью, говорит, что невозможно без богатырской отваги добиться победы, как нельзя ожидать, что осенью в цветнике на увядшую розу опустится соловей:

Не наступит осень, в саду не увянут цветы,
На увядшую розу не опустится соловей!
Сначала прояви отвагу, Рустамхан,
Тот, кто идет пешком, цели не достигнет своей... (абз. 41)

А в тех случаях, когда герой удивляется тому, что какое-то событие произошло вопреки правилу, что оно почти невероятно, он обычно восклицает:

Когда наступает осень, в саду увядают цветы,
На увядшую розу прилетел и сел соловей! (абз. 153)

В дастане «Рустамхан» так передано удивление Хураим тем, что Султанхан, приговорив ее к смерти, все же раскаялся, бросил престол и, став каландаром, разыскал ее и сына (абз. 153), а в дастане «Балогардон» — удивление героини при встрече с богатырем, которую она считала неосуществимой¹¹⁹.

Пример такого повтора в другом дастане не случаен. Очевидно, один и тот же образный прием переносится сказителем из дастана в

¹¹⁷ ФИБ, стр. 34.

¹¹⁸ ФИА, стр. 93.

¹¹⁹ ФИБ, стр. 34.

дастан там, где существует потребность передать сходные психологические оттенки чувств героя.

Весенний сад с поющим на розе соловьем и увядающий осенний сад — постоянные образы и в фольклоре, и в классической поэзии народов Ближнего и Среднего Востока.

Е. Э. Бертельс отметил, что «в касыде (насиба) саманидского и газневидского периодов придворные поэты уделяли большое внимание двум темам — описанию весны, возрождению природы и осени, увяданию природы» (описание зимы и лета полностью отсутствовало)¹²⁰. При этом природа изображалась только как сад, искусственно возделанный, с цветами и розами, с поющим соловьем (картины дикой природы в касыде не встречаются), что отвечало требованиям придворного этикета. Подобное явление Е. Э. Бертельс объяснял тем, что поэты подносили свои посвящения султану обычно в дни торжественного дарбара (официального приема), который приурочивался к большим праздникам. Первым по значению всегда был навруз — весенний праздник воскресения природы. И было естественно, что касыду, подносимую повелителю в день навруза, поэты начинали с описания весны и ликования природы. Касыды осенние были связаны с осенним дарбаром, который падал на праздник михрган — праздник сбора плодов и ликования по случаю окончания полевых работ.

Хотя Е. Э. Бертельс и подчеркивал, что в этих образах весенней и осенней природы существенным является «чувственный момент» (т. е. выражение определенного душевного настроения. — *Н. П.*), он не улавливал здесь прямой связи с выражением человеческих чувств и настроений. Можно предположить, однако, что, первоначально сформировавшись в ранней классической поэзии под влиянием условий придворной жизни, эти образы с течением времени обрели новое, более углубленное содержание: постепенно они стали выражать различные оттенки чувств человека. Этот процесс аналогичен тому, который наблюдался исследователями, например, в японской литературе раннего средневековья, где были канонизированы образы, связанные с этими темами¹²¹. Для японских танков (коротких песен) так же, как для корейской и китайской средневековой поэзии, в частности для стихов Ли Бо (VI в.), крайне характерны два момента — описание красоты весенней природы, связанное с чувством радости, и прихода осени, выражающего чувства скорби¹²². Характерно, что эта поэзия раннего средневековья почти тоже не знает описаний зимы и лета.

¹²⁰ Е. Э. Бертельс, Персидская поэзия в Бухаре X в., — «Труды Института востоковедения», М.—Л., 1935, стр. 28—30.

¹²¹ Н. И. Конрад, Предисловие к сб. «Японская поэзия», М., 1956, стр. 9.

¹²² В. Алексеев, Стихотворение в прозе поэта Ли Бо, воспевающее природу, — ЗВО РАО, т. 20, СПб., 1911, стр. 187.

Для выражения горестных чувств постоянно используется и такая образная параллель: человека охватывает горе, подобно тому как «вершину горы застигает туман» (*тоғларнинг бошини чолган тумон*). Чтобы прогнать печаль или чтобы горе прошло стороной, герой восклицает: «Пусть растает снег в горах, пусть растает!» (*Эрисин тоғларнинг қори, эрисин!*). Обе эти традиционные фразы обычно стоят в начале стихотворного отрывка рядом со строками, раскрывающими горестное событие.

В дастане «Рустамхан» прием образного параллелизма этого типа встречается дважды. В первом случае Хураим, горя из-за предстоящей долгой разлуки с Султанханом, начинает свой монолог словами:

Туманом окутаны вершины гор,
Каждый заплакал бы в судный день. (абз. 8)

Во втором — Хураим, чтобы отвести новую беду, которая грозит ей с сыном, если они вернутся на родину после ее спасения от казни, восклицает:

Пусть растают, пусть растают горные снега,
Пусть в земле тело насильника сгниет...
Твой изверг-отец со всем своим царством пусть пропадет! (абз. 71)

В подобных образных выражениях безусловно отразилось народное представление, основанное на жизненных наблюдениях. Туман в горах обычно предвещает несчастье — ливень и связанные с ним обвалы. Если же в горах надолго остается снег, который закрывает перевалы, у жителей долин не будет воды, а это настоящее горе для людей, живущих в жарком климате.

Образ покрытой туманом вершины горы лежит в основе целого ряда описаний горестных чувств героев эпоса. Так, например, в героической поэме «Алпамыш» Байсары, вынужденный откочевать в чужие калмыцкие степи, прощаясь с родиной, в горе восклицает:

Вершину Аскарской горы покрыл туман...
Сейчас я уйду в земли калмыков,
Родичи, услышьте мои слова!
Слезы наполнили мои глаза ¹²³.

В другом случае Алпамыш, не в силах выбраться из глубокой ямы-зиндана, куда бросили его калмыки, просит своего друга Караджана передать родным эту горестную весть:

¹²³ ФИА, стр. 41.

Высокую вершину горы покрыл туман,
Вряд ли мне удастся выбраться из зиндана,
Остался я в этом зиндане, проливая кровавые слезы ¹²⁴.

Суксур — прислужница Барчин, горько плача, молит бога отвести беду от ее народа, вынужденного откочевать в чужие земли:

Пусть растает снег в горах, пусть растает!
Пусть сгниет в земле вражий труп!
О боже, пусть пропадет чужая сторона!.. ¹²⁵

Добрая старуха, боясь беды, если ее сын убьет пролетающего гуся с письмом Алпамыша на его родину, восклицает:

Пусть растает снег в горах, пусть растает!
Пусть сгниет в земле вражий труп!
Не гогочи, чтоб пропал у тебя голос,
Немедленно поднимись повыше в небо...¹²⁶

Рассмотренные выше художественные приемы — сравнения, метафоры, образные иносказания и параллелизмы принадлежат к так называемым «общим местам» стиля узбекских эпических поэм.

Наряду с ними существуют и другие словесно-образительные средства. Они представляют собой целый ряд традиционных поэтических выражений, связанных с общетюркской фразеологией, хорошо известной в народном творчестве.

Жалуясь на постигшее их горе или опечаленные страданиями близких, герои произносят: «ты плачешь, а сердце разрывается мое» (*сен йиғладинг, менинг кўнглим бузилди*); «тебя увидел, и грудь стеснилась моя» (*сени кўриб, менинг бағрим эзилди*) или «горюя, я сгораю в огне» (*мен кўйиб, ёнаман йтима*).

В том же ряду традиционных образных выражений, оттеняющих душевные муки героев, встречается часто повторяемая фраза: «когда я вздыхаю, льются из глаз моих слезы» (*оҳ урсам, тўкилар кўзимнинг ёши*); или «льются слезы из глаз моих, подобно ливню» (*сел бўлгандай кўзда ёшим тизилди*) ¹²⁷, как параллель: «плачу кровавыми слезами» (*қонлар ийғлаб*, букв. 'плачу кровью').

Предельное горе, глубокая скорбь передаются в дастанах словами «плача, распустил волосы» (*йиғилиб сочи ёйилди*), «плачет, распустив

¹²⁴ Там же, стр. 206.

¹²⁵ Там же, стр. 56.

¹²⁶ Там же, стр. 199.

¹²⁷ См.: в словах прислужницы Химч, рассказывающей Рустаму о страданиях его матери от палачей (абз. 39), в жалобах палачей на усталость и трудности (абз. 31). Сравни с описанием горя Офтобой, оплакивающей попавшего в беду Рустама, или с выражением тоскливого чувства у верных собак, знающих, что Рустам ослеп (абз. 133).

волосы, царапая лицо» (*сочини ёйиб, бетини юлиб йиғлайди*). Чаше эта стабильная фраза употребляется для передачи горя женских персонажей. Очевидно, в ней отражен народный обычай оплакивания покойных, когда близкие от горя должны были распустать волосы, царапать лицо, вырывать пряди волос¹²⁸.

В дастане «Рустамхан» Хураим, идя на казнь, плача, «распустила свои черные волосы» (*қора сочи ёйилди*); старуха колдунья, притворившись, что сильно скорбит, «плачет, распустив волосы, царапая лицо» (*сочини ёйиб, бетини юлиб, йиғлаб*).

Передача предельного горя осуществляется только при помощи этой стабильной фразы и не получает никаких дополнительных разработок¹²⁹.

Во многих тюркских дастанах неутешное горе описывается фразой «останутся, распустив волосы». Например, в дастане «Мурадхан», красавица, обиженная богатырем, грозит его убить и предупреждает:

Если ты умрешь, твой юрт будет без хозяина,
Твоя мать и сестра останутся, распустив волосы¹³⁰.

В дастане «Малика Айяр» царевич Шах-Махмуд рассказывает встреченному им во дворце дивов Шахкаландару о том, что давно находится в плену у Баймак-дива, а родители думают, что он мертв. Их неутешное горе передано лишь в одной фразе: «Остались отец и моя мать, распустив волосы»¹³¹.

В дастане «Балогардон» богатырь Аваз сообщает Ага-Юнус о смерти ее мужа Гороглы и призывает ее, чтобы она неутешно скорбела по умершему: «Воскликая: „Господин мой!“, плачь, распустив волосы»¹³².

В другом случае Авазхан, заблудившись в пустынной степи, дума-

¹²⁸ Этот обычай засвидетельствован, например, в древней орхонской надписи VII—VIII в., посвященной хану Могияну. В строках, описывающих похороны Бильгякагана, сказано: «...столь много народа порезало (порвало) себе волосы, уши, щеки» (С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии, М.—Л., 1959, стр. 23). Отражение того же обычая мы находим и в памятнике материальной культуры, например в росписях древнего Пянджикента (VII в.). В центре композиции на южной стене главного зала сохранилось изображение деревянного катафалка с телом юноши. Над ним склонились фигуры трех плакальщиц, рвущих на себе распущенные волосы (см.: описание М. М. Дьяконова в сборнике «Живопись древнего Пянджикента», стр. 111).

¹²⁹ Ср. с выражением отчаяния героиня в огузском героическом эпосе «Деде-Коркут»: «У нее полились из глаз горькие слезы... пала на землю, стала рвать свои черные, как ворон, волосы (о Бурла-хатун — КОГЭ, II, стр. 28; о матери Бейрека — КОГЭ, III, стр. 39; о Бану-Чечек — КОГЭ, III, стр. 40); в эпосе «Алпамыш» героиня «плачет, распустив свои волосы» (о Барчин — ФИА, стр. 109).

¹³⁰ ФИМ, стр. 48.

¹³¹ ФИМА, стр. 52.

¹³² ФИБ, стр. 91.

ет, что ему суждено умереть, оставив в неутешном горе своих родителей. Он восклицает:

Остались отец и моя мать, распустив волосы,
Одиноким будет здесь мой труп¹³³.

В повествование часто вводятся народные афоризмы, рифмованные пословицы и поговорки. В стихотворных партиях они или связаны или совсем не связаны с раскрытием определенной ситуации. В последнем случае они просто помогают сказителю-импровизатору начать новый смысловой отрывок.

Таковы короткие изречения дидактического характера: «Заставив плакать друга, не обрадуй своего врага» (*дуст ййғлатиб душманингни кулдирма*); «когда скачет конь, грохочут горные ущелья» (*от чопса гумбурлар тоғнинг дараси*); «в день битвы богатырь натягивает самый лучший лук» (*савашли кун ботир тортар сари ёй*); «до страшного суда будут биться храбрецы» (*киёматча бўлар марднинг савашли*); «птица-перепелятник садится на косогор» (*кийғир деган куш ўлтурар кияда*); «гуся речной долины бьет меткий стрелок» (*мерган отар дайровотнинг ғозини*).

Иногда такие изречения выступают в форме рифмованных двустиший:

Доверишься низкому человеку,
Не достигнешь и привала, останешься в пути. (72)

Пословицы и поговорки в прозаических частях дастана всегда тесно увязаны с содержанием. Например, с помощью пословицы: «Настоящий джигит от своего слова, как и тигр от следа [добычи], не отступает» богатырь Рустам и Тогай подчеркивают свою решимость сразиться с драконом. Аналогичное применение находит та же пословица и в других дастанах, например в поэме «Алпамыш» и в романической поэме «Интизар».

В дастане «Рустамхан» правитель Акташа Султанхан свою радость по случаю возможного рождения сына выражает такой пословицей: «На свете плох тот, кто быстро пугается, плох и тот, кто быстро радуется» (*дунъёда бир қўрққан ёмон, бир қувонган ёмон*). Старуха Момагуль, ослепившая Рустама, говорит: «У кого нет глаз, у того нет и лица» (*кўзи йўқнинг юзи йўқ*). Хураим убеждает Рустама пощадить раскаявшегося отца: «Повинную голову (букв. согнувшуюся шею) и меч не сечет» (*эзилган буйинни кесмайди ханжар*).

Преданность Рустама своей матери передана пословицей: «Живы будем — встанем на одном холме, а помрем — в одной яме будем»

¹³³ Там же, стр. 118.

(тирик бұлсак — бир тепада, ұлик бұлсак — бир чуқурда); искренность и прямота слов приближенных Султанхана — пословицей: «Нет яда у того, кто говорит в лицо» (*бетга айтганнинг захри йўқ*).

В поэтической части дастана встречаются рассуждения, умозаключения дидактического характера. Иногда такие фразы не увязаны с содержанием последующих строк, а передают определенный душевный настрой героев, их размышления и настроения. Например:

Горы — высоки, если тумана нет,
Сады обесценены, если садовника нет,
А реки — если рыбы нет.
Дороги — портятся, если караваны не идут... (абз. 53)

Или:

Богатый человек цветок с цветком сплетает,
Молния гору высокую пробивает. (абз. 50)

Когда битва идет, лихих богатырских коней
вскачь пускают.
Когда скажут, дорогой попоной их покрывают. (абз. 151)

Помимо отмеченных выше художественных приемов, традиционный характер стиля дастана определяют устойчивые лексико-фразеологические конструкции, которые также могут рассматриваться как «язык искусства», поскольку они придают повествованию известную выразительность и образность. Эти фразеологические обороты для тюркского эпоса являются органическими и типичными.

Поэтическую речь героев определяют речевые обороты, которые заменяют собой простые разговорные выражения. Вместо того чтобы просто сказать: «я умру» (*ўларман*), герой, как правило, говорит: «я умру с неисполненным желанием» (*мен ўларман армонда*). Вместо обычного в разговорном языке вопроса к герою о том, где он родился, персонажи дастанов задают его фразой в поэтически-приподнятом стиле: «назвал бы ты мне свою страну, где вырос в веселье-радости» (*менга айтсанг ўйнаб ўсган юртингни*). Такой вопрос содержится в обращении Султанхана к не узнанному им сыну, рожденному и выросшему в его отсутствие (абз. 47); в вопросе Рустама к связанной царевне Офтобой — жертве дракона — в момент первой их встречи (абз. 83). Офтобой, спешно отправляясь на поиски слепого Рустама, даже не оглянулась на «те места, где выросла в веселье-радости» (*қарамади ўйнаб ўсган мазгилга*, абз. 133). Султанхан просит сына вернуться в Акташ и повидать «свою страну, где он родился и вырос в веселье-радости» (*бино бўлиб, ўйнаб кулган юртингни*, абз. 133)¹³⁴.

¹³⁴ См. в подобных ситуациях и в других дастанах, записанных от Фазыла Юлдаш-оглы: ФИА, стр. 32, 55, 68, 226; ФИЕ, стр. 17, 47, 71; ФИМ, стр. 15, 26, 50, 102, 104, 130, 132; ФИБ, стр. 36, 46; ФИИ, стр. 46, 63, 73, 85, 91, 150; ФИЗА, стр. 45, 50, 59, 77, 81; ФИШШ, стр. 9, 15, 26, 31, 37.

В дастане встречаются речевые обороты, характерные для обычного разговорного языка. Но неоднократное повторение их в монологах героев, например перед отправкой на поиски близких или при встрече с возлюбленной, придает речи особую поэтическую приподнятость. Таковы выражения: «я не знаю, жив ли, мертв ли он (она)» (*ўлик-тиригини билмадим*); «спросил о его (ее) житье-бытье» (*ҳоли-аҳволини сўраб турибди*); «если суждено, приду» (*насиб бўлса, бораман*); «пришел целый-невредимый» (*омон-эсон келди*).

Как особый стилистический элемент воспринимаются фразеологические обороты, которые отразили народные взгляды, связанные с многовековыми религиозными представлениями. Составляя небольшой процент в общем наборе поэтических приемов дастана, они в значительной степени утратили свою первоначальную семантику и сохранились как архаичные разговорные выражения.

К их числу относится традиционное восклицание, означающее глубокую любовь, граничащую с самопожертвованием: «душа твоей матери такой как я жертва за тебя!» (*сенга қурбон мендай энангинг жони!*) «[да буду я] — госпожа — жертвой за тебя» (*мендай ойим жасадингдан садаға*).

Встречается довольно частое упоминание о «судном дне». Связанное с эсхатологическим представлением о страшном суде и адских мучках, которые ждут грешников после смерти, это выражение обычно употребляется в поэтической речи в том смысле, что произошло какое-то горе, кого-то постигла смерть или что героев ожидает неотвратимое несчастье.

Так, старуха Момагуль, жалуясь Султанхану, что за время его долголетнего отсутствия Акташ разорен и бедствует, передает это одной фразой: «в стране судный день настал» (*элга бўлди қиёмат*, абз. 26); Хураим, ожидая казни, восклицает: «теперь обуял меня страх судного дня» (*энди менга бўлди ваҳми қиёмат*, абз. 35). При помощи того же выражения передается мысль бедняков, что со смертью Тогай погибнут и его собратья: «если погибнете, судный день настанет» (*ўласанг бўлар қиёмат*, абз. 104). Нищие опасаются, что Тогай будет проглочен драконом и восклицают: «пусть дракон вам судный день не устроит!» (*аждаҳар қилмасин сенга қиёмат*, абз. 104).

Специфические выражения, отразившие религиозные представления народа или следы мусульманской обрядности, неоднократно встречаются и в таких восклицаниях героев: «раскрыв руки¹³⁵, помолюсь-ка я богу!» (*кўл очиб ҳақинга дуо қилайин!*); «все сотворено всемогущим моим богом» (*барчани яратган қодир худойим*); «да хранит мой бог невредимым раба божьего!» (*худойим сақлағай бандани омон!*); «пусть

¹³⁵ Жест, который как бы отрешает молящегося от суетного мира.

аллах увеличит наше богатство!» (*илоҳим давлатинг бўлсин зиёда!*); «вращение небес — дело господнее» (*фалакнинг гардиши оллонинг иши*); «посланы мне судьбой эти страдания!» (*мени тақдир шу кулфатга элтади!*); «Все что ни делает бог обращается на раба божьего» (*худо қилган ишни банда қайтади!*) и т. п.

Все эти и другие выражения, первоначально связанные с религиозными представлениями (например, упоминание Каабы для обозначения чего-то самого дорогого, к чему всей душой стремится герой; употребление слова *газават* 'битва за веру' в значении «совершить подвиг»), закрепились в эпосе как стилистические архаизмы. Упоминание судного дня, светопрестваления, коловращения мира, рыдающего дервиша для выражения душевных мук влюбленного, очам которого облик возлюбленной представляется киблой, т. е. святыней мусульманина, характерны и для стиля средневековой восточной поэзии¹³⁶.

Возникновение этих традиционных образов в литературе и фольклоре, очевидно, связано и с влиянием суфизма — религиозно-мистического течения, которое проникает в Мавераннахр в начале XI в., а к концу XI—XII вв. получает широкое распространение по всей Средней Азии.

Своеобразное отражение религиозной обрядности мы находим и в обозначении времени. В дастане «Рустамхан», как и во всех других дастанах, сказитель, переходя к рассказу о каком-либо событии, отмечает, что оно случилось, «когда наступило время третьей молитвы перед заходом солнца...»; «прискал до времени третьей молитвы перед закатом» или «теперь, во время молитвы после захода солнца, к ней вернулись силы»; «ко времени молитвы после захода солнца она подошла к кладбищу»; «он выехал из Акташа во время полуденной молитвы»¹³⁷.

Иногда и сами герои начинают свой рассказ с аналогичного упоминания времени. Например, Хураим, рассказывая о своем весте сне прислужнице Химче, начинает этот рассказ так: «Я спала, в час утренней молитвы увидела сон». И только в двух-трех местах обозначение времени сводится к обычной разговорной форме: «наступил рассвет», «на рассвете».

Все отмеченные выше устойчивые речевые обороты, в которых нашли отражение религиозные представления и мусульманская обрядность, могут быть отнесены к стилистическим архаизмам.

¹³⁶ В дастане «Рустамхан» подобные выражения часто употребляются для передачи душевных мук Султанхана, долго скитающегося в поисках жены и сына.

¹³⁷ Подобное обозначение времени встречается и в литературных памятниках. Например, в исторических записках потомка тимуридов Бабура (XV в.) (см.: Захриддин Бабура, Бабурнаме, пер. М. Салье, Ташкент, 1959).

* * *

Анализ содержания и художественных особенностей народной эпической поэмы «Рустамхан» позволяет с достаточной определенностью отнести ее к героико-романическому жанру.

Органическое переплетение традиций богатырского эпоса, сказочной фантастики и любовной романтики не мешает выявить героическую направленность всего произведения, которая в основном определяется характером действий богатыря.

Стиль дастана сохраняет все особенности, присущие стилю традиционных эпических поэм, создававшихся в период XVI—XVIII вв. и бытующих в народе до наших дней.

* * *

Дастан «Рустамхан» на русский язык переводится впервые. В своей работе авторы перевода руководствовались решением Всесоюзной конференции советских эпосоведов 1958 г. о принципах научно-литературного перевода памятников народного поэтического творчества¹³⁸. Основное внимание обращалось на максимально точную (но не буквальную) передачу содержания подлинника.

Сохранено деление на стихи и прозу, характерное для дастанной поэзии тюркских народов. При переводе стихотворных частей не ставилось целью сохранить размер и рифму, так как это привело бы к отступлению от оригинала. Сохраняется строфическое деление без перестановки строк внутри строфы, что несколько утяжелило стиль перевода. Однако такой принцип позволил точнее передать внутреннее строение поэтического текста и смысловое наполнение каждой строфы.

Так как традиционные формы образности тюркской народной поэзии весьма специфичны и для них в русском языке нет эквивалентов, переводчики в ряде случаев допускали известную дословность в переводе. Например, почти дословно переданы такие поэтические тропы и фигуры, как сравнения, эпитеты, метафоры. Для идиоматических выражений найдены идентичные смысловые параллели.

Разумеется, при переводе не всегда было возможно сохранить синтаксические и морфологические особенности подлинника. Поэтому в ряде случаев не сохраняется порядок слов, характерный для тюркских языков; в прозаических и стихотворных частях сложные предложения с

¹³⁸ См.: «Об основных принципах собирания и научной публикации эпоса народов СССР. Тезисы». М., 1958, стр. 8.

причастными и деепричастными оборотами разбиваются на несколько простых. Оказалось невозможным полное сохранение грамматических форм: в глаголах иногда менялось время, вид, наклонение; причастные и деепричастные формы в стихах заменялись глаголом.

Отдельные слова, имена, географические названия, требующие пояснений, отмечены в тексте звездочкой и объяснены в «Словаре».

1. В давние времена в вилайете * Акташ * жил Султанхан. У Султанхана было три жены, и у всех трех не было детей *. Долгое время царствовал Султанхан в стране² Акташ, молодость его прошла, борода поседела. [И вот] он подумал: «Нет у меня ребенка. Когда я умру, то все мое богатство окажется без хозяина, после моей смерти следа не останется, а во главе моего государства встанет кто-то чужой. На что мне теперешняя ханская власть? Соберу-ка я всех сановников, посоветуюсь с ними, передам им ханскую власть и страну, женам отдам все богатство, увеличенное [за время] моего царствования, отрешусь от мирской жизни». Думая эту думу, он послал весть сановникам, джигадорам *, знаменосцам, военачальникам, бекам *. «Султанхан вызвал [нас]», — сказали они, собрались и предстали перед падишахом. Тут Султанхан, обращаясь к ним, сказал:

2. Сановники, выслушайте жалобу мою,
Сам о себе горюю я —
Ни одного ребенка не было у меня.
Теперь владейте вы моей страной Акташ.
Бездетен я, свое положение понимаю я.
Для чего мне власть падишаха и богатство [мое]?
Отрешусь от мирских дел, стану каландаром * я,
Из города в город буду бродить,
Скитальцем остаток дней своих проведу.
Не нужна мне вот эта моя страна.
Как подумаю — силы покидают меня,
В этом мире спокойствия не было мне,
Ни одного ребенка не оставил я после себя.

¹ Букв. «был у них недостаток нерождения».

² Здесь и далее слово «страна» употребляется в значении «феодалная вотчина, удел» (ср. «вилайет»).

Как подумаю — без хозяина богатство мое.
Вам пусть останется моя страна Акташ,
Сановники, теперь хозяевами станьте вы,
Теперь ваша моя страна Акташ.
Шахское величие мне ни к чему!
Для чего мне это шахское богатство мое?
Как подумаю — прошло время мое¹,
Ни сына, ни дочери нет у меня.
Если станете властителями, вот [вам] эта страна!
Как подумаю — разрывается сердце² мое,
По ночам льются слезы из моих глаз.
Я падишах, а сердце разрывается мое,
Не нужна мне бескрайняя [моя] страна.
Днем пребываю в шахском величии я,
Ночью тоскую, мучаюсь я.
Бездетен — размышлял много я:
На такое шахское величие уповать нельзя.
Отсюда я непременно уйду.
Из серебра кольцо ястреба-тетеревятника [моего]³,
Ворот одежды, что под кольчугой, золотом расшит.
По вечерам плачу, печалюсь я,
Как подумаю — нет хозяина богатству моему.
Кому горе открою свое, кому [о нем] расскажу?
Я падишах и слов пустых не говорю.
Сейчас на ваших глазах нищим я стал,
Станьте властителями моей страны!
Разыскивать Каабу* отсюда уйду,
Жизнь свою я теперь в одиночестве проведу.
Завершите дела, что от всей души делал я,
Станьте властителями здесь, в нашей стране.

3. Сановники, услышав эти слова Султанхана, задумались. Некоторые из них были удивлены и заколебались, не зная, какой дать ответ. Они посоветовались: «Попробуем-ка что-нибудь сказать ему на это», — и так ответили:

— О падишах мира сего! Завтра пятница. В мечети соберутся на пятничную молитву суфии* и дервиши*. Когда будет читаться пятничная молитва и когда во время чтения фатихи* поднесут руки к

¹ Букв.: «прошел мой черед».

² Букв.: «печень».

³ Деталь, характеризующая богатство падишаха. Обычно ловчие птицы окольцовывались недорогим металлом.

лицу¹, сдвиньте себе на шею вашу чалму и получите благословение дервишей. Если ангелы промолвят «аминь!», может быть [бог] ниспослет вам ребенка. Эти слова пришлись по душе Султанхану. Ведь не хотелось [ему], нечестивцу, отказываться от своего царства!

Назавтра наступила пятница. Мечеть наполнилась народом. Читали пятничную молитву. Когда во время чтения фатихи поднесли руки к лицу, Султанхан, вспомнив совет сановников, сдвинул на шею чалму, нагнул голову и стал просить благословения. Он получил благословение дервишей.

4. Вскоре его средняя жена Хураим забеременела. Месяц за месяцем, день за днем шли, приближался срок родов Хураим. Однажды ночью Султанхан увидел такой сон. Когда он спал, появился некто [и сказал]: «О если ты совершишь поход в страну Курудым* и если вернешься через четырнадцать лет, тогда посланный тебе богом ребенок будет жить. Иначе ребенок умрет».

Султанхан, никому не рассказав об этом сне, обратился к Хураим:

— Говорят: «На свете тот плох, кто быстро пугается, плох и тот, кто быстро радуется». Мне суждено стать отцом на старости лет. Если я останусь здесь и в один из дней ты родишь, у меня от радости разорвется сердце и я умру. Совершу-ка я поход в страну Курудым и через четырнадцать лет вернусь. Тому, кто выйдет ко мне [навстречу] с радостной вестью, я дам, не жалея, серебряных монет и золота, по уши завалю его богатством, а может быть, сделаю его беком укрепленного города.

5. Собираясь уехать, Султанхан не знал, кому бы передать престол. Он был растерян, потому что никому не мог доверить свои дела и государство. Султанхан спросил совета у старших судей. Старшие судьи сказали Султанхану:

— Ребенок еще во чреве Хураим. Может быть, родится сын, а может быть, и дочь, [но мы все равно будем думать, что] родится мальчик. Ведь по шарияту* престол отца присуждается сыну. Раз ребенок еще во чреве Хураим, пусть пока правит страной она. По шарияту это разрешается.

Тут Султанхан обрадовался, передал престол Хураим, приказал играть на карнае* и сурнае*, собирать людей, а сам стал готовиться в путь. Власть падишаха перешла к Хураим. Хураим, обращаясь к Султанхану, сказала:

6. Хан мой, выслушай просьбу госпожи такой, как я!
Мое лицо, подобное розе, блекнуть не заставляй!

¹ Обычно в конце молитвы мусульмане подносят к лицу раскрытые ладони, делая такой жест, как бы омывая лицо, и произносят «аминь».

Гуся речной долины бьет меткий стрелок ¹.
Хан мой, слова Хураим пойми.
Ты переселил народ, заставил его гору Алатаг * перевалить,
Сознавая величие свое, [лишь] немногим кланялся ты,
От многих врагов тайну свою сокрыл,
Корону, богатство мне передал.
Сколько времени в Акташе одиноким ² живешь!
Познаешь все, что тебе суждено.
Сколько лет в этих краях наслаждался ты!
Хан мой, ты уезжаешь, думая о стране Курудым.
Богатство есть у меня, в златотканый платок завернусь,
Хан мой, посмотрю на твое лицо, побледнев,
«Мой господин, когда ты намерен вернуться? — спрошу.
Когда же в Акташ вернешься ты?»
Ты уезжаешь, оставляя на нас свою страну,
Управлять твоей страной, благоустроить буду ее,
Я не знаю, когда же вернешься ты.
Скажи, мой господин, когда вернешься ты?
Под тобою твой конь гарцует на сто ладов.
Сколько лет в Акташе властвовал ты!
Страну хана моего назвали Акташ.
Сколько воинов поскачет теперь перед тобой!
Ты — этой страны падишах,
Дай весть, когда же вернешься ты?
После того как уедешь, я опечалюсь,
Ожидая [тебя], буду смотреть на дорогу.
Если скажешь, сын хана, когда ты намерен вернуться,
Я выходить на дорогу встречать тебя буду.
Знаешь — весной бутоны цветов расцветают,
Буду властительницей страны, пока ты сам не вернешься.
Как и тебе, многие будут прислуживать мне,
Я — госпожа — стала теперь падишахом страны.
Что будут делать многие, ничего не зная о тебе?
Сын хана, когда ж ты намерен вернуться? Скажи.

7. Султанхан, услышав эти слова, довольный сел на коня, посмотрел на Хураим, крутя свой ус. Упершись ногами в стремя, он сказал:

¹ Эта фраза часто встречается и в других узбекских дастанах; обычно не связана по смыслу с последующими строками. Видимо, восходит к традиционному элическому образному выражению.

² Т. е. бездетным.

После моего отъезда ты из дома не выходи,
Заставив плакать друга, не обрадуй моего врага.
Управляй моей страной, благоустраивай [ее],
Достойному и недостойному мою тайну не выдавай.
Управляй моей страной, благоустраивай [ее].
Если встречу врага, скольких в растерянность приведу!
Венец мой, государство и все богатство [тебе] передал,
И ты управляй [страной], как я управлял.
Тебя падишахом Акташа сделал я.
Управляй теперь моей страной, благоустраивай [ее].
Стань падишахом и в Акташе живи.
Верблюдов из караванов своих я [тебе] передал,
Золото мое, что в казне,
Государство, венец мой тебе передал.
Знай обо всем, о чем думаю я.
Тебе в дар все богатства я передал,
Венценосным шахом сделал свою возлюбленную, такую, как ты,
После моего отъезда благоразумной будь!
Долгие годы живи, не умирай!
Желаю тебе только хорошего, а беды не знай!
Глупцу близким другом не становись!
Не проявляй женскую сущность — невежественных речей
не веди!
Свой престол и государство я тебе передал.

8. Услышав эти слова, Хураим обратилась к своему возлюбленному Султанхану и снова промолвила несколько слов:

Туманом окутаны вершины гор,
Каждый заплакал бы в судный день ¹.
Ребенка своего нареки —
Ведь во чреве моем ребенок [твой]!
Если здесь страной будет управлять,
Став падишахом, жена хана такого, как ты,
Если здесь многие воины [ей] будут служить,
Благоустроенным станет край хана моего.
Вот из своей страны уезжаешь ты,
Собираешься вернуться через четырнадцать лет,
Ты даешь мне срок в четырнадцать лет.
Каким именем своего ребенка назовешь?
Внемли мольбе возлюбленной твоей!

¹ Этими словами передано горе Хураим от разлуки, которое равносильно для нее мукам, предстоящим в день конца мира.

Если сам своего ребенка наречешь,
Все исполню, как ты повелишь,
Как скажешь, так и назову ребенка твоего.
Что бы ты ни сказал, я готова служить тебе,
Потому и спрашиваю, что на душе у тебя?
Ты уезжаешь, сделав меня владыкой своей страны.
Да буду я — госпожа — жертвой за тебя!
[Только] ребенка своего нареки.

9. Султанхан, услышав эти слова Хураим, так сказал:

Всемогущий бог, сотворивший мир!
Больше, чем былинки, грехов, содеянных мной!
Не отступишь ли сама от своих слов, Хураим?
Если сына родишь, дай [ему] имя Рустамхан,
Если дочь розоликую родишь, сама решай.
Повидаю-ка я страну Курудым,
Многие страны, степи, пустыни!
Ты управляй здесь страной Акташ,
Сделай прекрасной страну твоего господина.
Назови своего ребенка, как я прошу,
Наставлению хана [своего] внемли!
Что я ни скажу, все исполнишь ты,
Знаешь, красавица, теперь во всем воля твоя.
В стране царствовать будешь ты.

Сказал эти слова Султанхан,
Простилась с ним, и осталась [в Акташе] Хураим,
Проводила Султанхана, отправила в путь,
Теперь стала падишахом Хураим.
Выехав из города, отправился Султанхан.
Сколько народу [и] придворных сошлось!
Он уехал разыскивать страну Курудым,
Исполняя то, что привиделось ему во сне.
«Я увидел сон. Отправлюсь туда», — сказал,
«Сделаю так, как предсказано мне во сне», — сказал,
«Проживу-ка я там четырнадцать лет», — сказал,
«Коль суждено, потом вернусь», — сказал.

Так вот, отправился он в невиданную страну,
В безводных степях погонял камчой коня,
И пыль пустынь то клубилась,
То рассеивалась, поднимаясь до небес.

Многих падишахов победил [Султанхан],
Взял [с собою] пушки и войска,
Вот так отправился в путь Акташа хан,
Едет он, разыскивая Курудым.
«Странствуя, много лет я буду скитаться!» — сказал.
«И тогда повидаю разные народы и племена», — сказал.
«Присоединю их к Акташу», — сказал.
«Позабочусь о народе и в [своей] стране стану великим!» —
сказал.
«Вот так предамся земным наслаждениям», — сказал.
По ночам он спать ложился, днем продолжал свой путь,
Сидя верхом на тулпаре *, по пустыням [скакал].
При нем шестьсот приближенных — наголове,
Сколько воинов — бесчисленное войско!
Своим величием он подавляет мир.

10. Вот так ехали они и достигли границ страны Курудым. Раскинули шатры, заночевали. Окрестные жители этих мест, беки, правившие многими укрепленными поселениями, издавна знали друг друга. Они то платили Султанхану дань, то не платили. Это были ханы Ургенча *, Хорезма, Хивы, Дин-Қамона *. Увидав, что прибыл Султанхан, они стали совещаться между собой:

— Султанхан явился сюда не с добрыми намерениями — ведь мы то подчинялись ему, то не подчинялись. Не напрасно прибыло сюда бесчисленное войско и столько людей с пушками. Если бы Султанхан явился с другими помыслами, он бы не предстал [перед нами] в таком величии. У нас нет столь многочисленного войска. Каждый из нас властитель лишь одной крепости. Военные отряды, собранные из народа, вдруг разбежались. Страна, народ разорены ¹, все разбрелись в разные стороны. Когда эти слуги и бедный люд враждуют, берут палки и выходят драться, то никто не может сладить с ними. [Но] мы не в силах посадить их на коней и двинуться на Султанхана. А он пошел на нас. Мы должны явиться к Султанхану, прихватив побольше даров.

Сановники посоветались, и должностные лица их государств пошли на поклон к Султанхану.

11. Хураим, управляя страной Акташ, принимала прошения в ичкари *. У нее была прислужница по имени Химча. Химча-аим * с соловьиным голосом, она из тех, кого называют прекрасными, обе щеки ее подобны двум распустившимся розам. Она — красавица с тонким станом. Химча принимала прошения в наружном помещении. Те, чья очередь еще не подошла, ссорятся до тех пор, пока ее не увидят.

¹ Букв.: «голодны и раздеты».

Хураим правила в стране Акташ справедливо, делала даже больше Султанхана. Двух других его жен все больше тревожило то, как вела дела Хураим.

12. В это время наступил для Хураим срок, кончился [последний] месяц, она родила мальчика. Она назвала его Рустамом.

Рустаму исполнился один год, два, три года. Когда он стал говорить, Хураим велела привести из медресе * муллу *. Она поместила Рустамхана вдвоем с муллой в подземелье¹ и там повелела обучать его.

Была [у Хураим] одна кобылица. Она ожеребилась в тот день, когда родился Рустам. Хураим сказала: «Это конь моего сына»,— и приказала отвести жеребенка на конюшню, приставить конюха, чтобы присматривать за ним.

Мать, долго ожидавшая ребенка, сказала: «Вот вырастет мой сын, возмужает, сядет верхом на коня, возьмет с собой двух борзых собак и будет гулять по степи!» — Она присмотрела также двух борзых и велела за ними ухаживать.

13. Две жены [Султанхана] сказали: «Наступили времена Хураим»,— и не зная, что им делать, призадумались. В той стране Акташ было триста шестьдесят старух из всех известных² мастан *. Предводительницу трехсот шестидесяти мастан звали Момагуль. Ее пристанищем была пещера на окраине города. Момагуль спала в пещере, громко храпела, засовывала [под язык] сразу по четверти батмана * насвая *. Она была опасна для людей. Каких только джигитов не продала она за два гроша! Доброго дела на три гроша не сделает³, а зло найдет, где бы оно ни было. Каждый человек сторонился этой старухи и по-дальше убегал от нее; кто же искал зла, вершил свои дела с этой мастан.

Две госпожи вспомнили о Момагуль и сказали: «Пойдем-ка к ней, попробуем упросить ее». Хотя они [никогда] и не видели [старухи], пошли искать ее, расспрашивая [о ней]. Шли они, говоря: «Бабушка наша [живет] то ли в пещере, то ли в какой-то могиле». В это время старуха вышла из пещеры. Видят, какова старушка: лоб ее как теша *, глаза [сверкают] огнем, щеки запали и все в пятнах. Она сторонилась добрых дел⁴.

Женщины сказали: «Она, оказывается, хуже, чем о ней рассказывали люди». Знатные госпожи, упрасивая старуху, стали наговаривать на Хураим:

¹ Имеется в виду подземная келья. В средние века в таких уединенных кельях жили ученые и философы.

² Букв.: «взятых на учет, записанных».

³ Букв.: «хорошее за три гроша не возьмет».

⁴ Букв.: «От добрых дел оно [ее лицо] было постоянно закрыто».

14. Когда вздыхаем, бледнеет лицо,
Дорогая бабушка, просьба к тебе у нас!
Наши слова выслушай ты —
Просьбу тех, что обратились к тебе.
Наше жилье, где беззаботно росли, сель * затопил,
Наше жилье, если знаешь, сожжено огнем,
Дом наш с золотым престолом разорен.
Истерзаны, разбиты наши сердца.
Бабушка, слова женщин выслушай ты —
Если бы ты разорила страну Акташ!
Погубила бы распустившиеся цветы!
Просим мы: «Пусть умрут Хураим и ее сын!»

Снова наступит весна — расцветут цветы,
Розу увидев, — запоют, опьянев, соловьи,
Тучи набегут ¹ — в озерах заплещется [вода].
Пусть в стране Акташ огнем сгорят козни [Хураим].
Сокровищ попросишь — у нас много их,
Дорогая бабушка, нам послужи!
В горе мы. Кому нам горе свое открыть?
Из страны в страну опечаленные бредем ²,
С чужих слов тебя хорошо знаем мы.
За твою услугу мешок золота дадим.
Ты разори страну Акташ.
Что ни попросишь, во всем сослужим тебе.
Много плачем, свои волосы распустив,
Пусть без властителя останется город Акташ!
Бабушка, мы опечаленные, говорим это тебе.
Сейчас, унижаясь, обращаемся с просьбой к тебе.
Скажи, что такое устроишь, чего и не видывал недруг [наш]!
И без кинжала грудь [ее] ³ кровью обагри,
Лиши ее государства [Акташ],
Хураим и ее единственного сына умертви,
Дорогая бабушка, теперь же это дело сверши!

15. Старуха выслушала женщин. Ей показалось мало одного мешка золота. Обращаясь к ним, она сказала:

Распускаются весной в саду цветы!
Вашего мешка золота мне не хватит даже на чай.

¹ Букв.: «Тучи опьяняются».

² Букв.: «страну за страной ищу».

³ В тексте: «грудь мою».

Цветущими стали дворцы¹ богатых людей,
Пусть резвится, смеется сын Хураим!
Уходите-ка, госпожи, вашим делом я не займусь.
Если вздыхаю, душе истерзанной легче,
Прежние свои дурные дела бросила я,
Вот уже три дня, как молитву новую начала,
На путь добра твердо вступила я².
Уходите-ка, госпожи, вашим делом я не займусь!
А вы знаете меня, какой я прежде была.
Погибая, вы пришли к моему двору.
Для чего меня сбиваете с истинного пути?
Нрав старика своего сами узнаете вы³,
Уходите-ка, госпожи, ступайте своей дорогой [теперь]!
Не попадайтесь проклятому старику —
Если увидит вас, будет ругать,
Скажет: «Не делай!», — а потом меня лобьет,
Всем большие муки он причинит.
Дочки мои, вам он зло причинит.
Чтоб пропал ваш старик! Знайте — нрав его крут!
Где бы ни появился он, там всегда скорбный туман,
Мучителем создал его мой бог.
Не мешкая, сейчас же возвращайтесь назад!
«Вы стали врагами шахини Хураим», — скажет он,
Увидев вас обеих, начнет бранить:
«Злоязычные, откуда вы только взялись?» — скажет он.
«Старуху, обманув, сбили с пути», — скажет он.

16. Услыхав это, женщины подумали: «Попробуем-ка еще раз поговорить с ней. Она сказала, что мешка золота ей не хватит даже на чай. Попробуем еще немножко прибавить». Подумали они так и сказали:

Дорогая бабушка, разрываются наши сердца,
Не обижай, не прогоняй двух твоих дочерей!
Послушай, хорошенько выслушай нашу жалобу!
Сколько [ни запросишь] сокровищ, дадим тебе.
Понимая положение свое, плачем мы,
[Сильно] страдаем, потому и упрашиваем тебя⁴.
Бабушка, послужила бы ты нам!

¹ В тексте: «места», «местопребывание».

² Букв.: «Крепко держу пути добра».

³ Имеется в виду Султанхан.

⁴ Букв.: «Слово за словом соединяем».

Дадим тебе не один мешок золога, а четыре мешка!
Кашмирская плутовка *, о славе твоей слышали мы,
Для подобной услуги всегда бывала готова ты.
Пусть не уйдут отсюда, потеряв надежду, госпожи!
Эту услугу теперь нам окажи!
Бабушка, все, что знали, мы сказали тебе,
Рыдая, свою судьбу оплакиваем мы.
[Всё] высказали, пожаловались тебе,
Мы бы ушли, если б согласие ты дала.
Горе наше не знает границ.
Лишились шахского богатства своего,
Как подумаем, много горя было у нас!
Почему взяла над нами верх Хураим?
В горе, в печаль она повергла нас,
Стала властительницей Акташа Хураим.
Измученные две госпожи [к тебе] пришли,
В надежде на тебя с просьбой пришли.
Пусть не будет опасностей на твоём пути!
Молви слово. Госпожи ждут [ответа] от тебя,
Бабушка, [теперь] о многом осведомлена ты.
Томительным ожиданием охвачены две госпожи.

17. Услыхала это от женщин хитрая старуха и подумала про себя:
«К одному мешку прибавилось еще три мешка золота. Дело чуточку
налаживается»,— и, обращаясь к женщинам, сказала:

Вы плачете, [и] расстроилась я,
Огорчила двух моих дочерей.
Не плачьте, расстроилась я,
Если говорить, так уж скажу:
Угодить кому-нибудь — значит сделать добро.
Госпожи мои, не лейте много слез из своих глаз.
Да разве может ваша бабушка [вам] не услужить?
Плохой человек кровью-сукровицей напоит¹,
Но один творец грех простит.
Вы обе не огорчайтесь, красавицы,
Ваша бабушка выполнит свой долг.

Недостойному тайны [своей] не поверяйте!
Бабушке вашей недостойного в попутчики не предлагайте,
Плохому понапрасну вопросов не задавайте!

¹ Т. е. заставит страдать.

Пока не достигнете дома, не останавливайтесь в пути.
Дети мои, внемлите моим словам!
Доченьки, вам обеим сочувствую всей душой.
Не хвалитесь, что много богатства дали мне.
Не говорите, что сокровищами соблазнили меня.
Эту услугу окажу, чтобы обрадовать вас,
Теперь знаю, дети мои, как я должна вам сослужить.
Растерзаю сердце вашего врага,
Пусть восвояси уходит — разрушу ее страну.
Доченьки, вот так я вас развеселю!
Недруг ваш познает хитрость мою!
Что ни попросите, на все согласна я.
Снова вас на трон посажу.
Не огорчайтесь, не печальтесь, дети мои,
Настоящую радость узнаете вы!

18. Женщины, услышав это от хитрой старухи, сказали:

— Ну-ка, пойдем вместе с нами, заberi свою награду — серебряные монеты и золото.

Старуха сказала:

— Ах, дети мои, а не разнесется ли обо мне такая слава, что, мол, некая старуха, у которой и волосы побелели, обкрадывает казну Султанхана? Что если вы сами доставите сюда [золото], а я взвешу его на своих весах? Если выйдет больше, то верну вам [излишек]. Возьму только то, что мне положено.

Женщины сказали:

— Ну, тогда найди для нас мешки и вьючных животных.

Старуха положила четыре мешка на четырех ишаков и пригнала их к женщинам. Те отправились к сокровищнице. Они подвели ишаков к большой супе * и, раскрыв на супе мешки, стали накладывать в них доставшиеся им без труда серебряные монеты и золото. А люди, охранявшие казну, не вмешались в это дело. Они ничего не сказали, подумав так: «И Хураим жена падишаха, и они тоже его жены. Как бы нам не навлечь на себя беду, если скажем им что-нибудь! Сами за себя ответят, если им придется отвечать».

[Итак], женщины подогнали ишаков к большой супе и, нагрузив мешки, повезли их к хитрой старухе. Старуха попробовала снять мешки с ишаков. Женщины сказали:

— Ну-ка, бабушка, поставь весы и взвесь то, что тебе причитается по праву!

Старуха прикинула: «Если взвесить, пожалуй, выйдет, что каждый мешок весом в батман и дахсар *, а [то] и в батман и понсар *». Увидев, что получится больше, старуха сказала:

— Дети мои, стоит ли щелкать весами да поднимать шум? Разве [золота] станет больше, если его считать? Может быть, у нас будет меньше на один пансар, а может, у вас будет меньше на один дахсар. Давайте лучше сгрузим [мешки]!

Что могли сказать на это женщины? Если уж взялись за дело, поскорей бы его окончить! Они сказали: «Ну ладно, бабушка!»

Обрадовалась старуха. Она подумала: «Сторговались мы на четырех мешках, а я свела к шести мешкам». Она высыпала серебро и золото, собрала его и отпустила женщин.

19. Из всех этих сокровищ старуха взяла четыреста тенга *, сунула их в боковой [карман] и отправилась бродить по городу Акташу. Вот проходит она мимо торгового ряда. На супе сидят четверо мулл и нет у них иных помыслов, кроме одного: как бы достать денег на хлеб!

Те муллы прибыли из страны Каистан *. Они пришли, чтобы добыть деньги, служа муллами и имамами *. Старуха дала четырем муллам четыреста тенга. Муллы обрадовались и спросили у старухи: «За что вы дали нам эти деньги? Воздали ли вы почесть учености или даете зякет * как божью милостыню? Или совершили благодеяние?»

Старуха сказала:

— У меня нет богатства, что лежало бы для зякета. Мне нет дела до благодеяний и до божьей милостыни, дети мои. У меня нет даже плоски, куда бы я складывала деньги для подаяния. Я дала вам четыреста тенга, чтобы вы изложили в письме то, что я скажу, обратили бы в жалобу мои слова. Напишите так, чтобы при чтении одно с другим совпадало, и чтобы читающий понял смысл сего, и чтобы написанная вами жалоба показалась достоверной Султанхану.

20. И еще так сказала старуха муллам:

Как прикажу, так и сделайте —

Будьте теми, кто потребует правосудия над Хураим,

Дети мои, в письме изложите так:

Пусть пропадет Хураим в той стране Акташ!

Пусть сгниет в черной земле вдовье тело [ее]!

Молодым и старикам она позволяет увиваться за собой,

Всех юношей она собрала [вокруг себя].

На улицах с размаху [всех] бьет,

Вот так она запятнала город Акташ!

В комнатах для гостей она пиры дает,

Погасив светильник, предается веселью всегда,

Чтоб пропала Хураим в той стране Акташ!

[Имя] Султанхана очернила она ¹.

¹ Букв.: «Султанхана она повергла ниц».

Так поступает твоя жена, которую падишахом сделал ты.
С каким лицом Султанхан вернется в [свою] страну?
Приглянувшегося юношу она зазывает [к себе],
Каждого обнимает она,
Мой падишах, чтоб сгнула твоя любимая Хураим!
Замарала [честь] твоего города Акташ.
Султанхан, сам ты не знаешь об этих делах —
У Хураим на уме только разврат,
От мала до велика — над шахом смеются все,
А Хураим до народа и дела нет!
Юношами всякими она окружена —
Вот так в стране в свое удовольствие живет.
Что бы ни делала Хураим, на все воля ее,
Замарала [честь] страны. Что скажешь [на это] мой шах?

Изложив [в письме], какой испорченной стала Хураим,
Муллы закончили жалобу эту.
Многое им наказала старуха [написать]!
Скольких людей заставила подписать!
Народ не ведал об этих делах.
Вот так муллы закончили жалобу-письмо.
Только в четыреста тенга оценивается их честь!
Вот какова праведная служба мулл!

21. В конце письма муллы написали имена оставшихся в Акташе высших и низших чиновников, людей от шестилетнего до шестидесятилетнего, от семилетнего до семидесятилетнего возраста и поставили за них подписи. Муллы подумали: «Никто не узнает о том, что мы подписались».

Старуха заставила их прочитать письмо и, довольная, завернула его в свой платок. Она сделала из дерева коня, из бумаги — крылья [ему], из стали — винт. На этот раз старуха постаралась как следует.

22. Старуха села на деревянного коня,
Стальной его винт покрутила она.
Конь старухи [в небо]
Поднялся в тот же миг.
Старая плутовка летит,
С облаками сравнялась она,
В небе сверкает [ее конь],
Путь прокладывает, по небу летя.

Старая плутовка отправилась в путь,

Сколько всего порасскажет она!
В небо взлетела она —
Такого люди не видывали еще.
Вот летит, смотрит вниз,
Она стала недругом Хураим.
«Побыстрее бы двигаться», — думает, в небе летя,
Винт своего коня покручивает она.
«Приеду к Султанхану», — думает она.
«Нажалуюсь [ему]», — думает она.
«Страну, что зовется Акташ,
Таким [путем] разорю», — думает она.
Летит по небу, торопя коня.
Всегда зло разыщет она!
По небу летит и посматривает [вниз].
Когда спустилась пониже,
Людей увидала она.
Большие озера блестят.
Вот так она летит —
Смела старуха на плохие дела.
Летит вдоль границ страны Курудым.
Раскинут шатер, в нем падишах возлежит.

Вот стала спускаться она,
Увидела в тот же миг
Ту землю, где пребывал Султанхан.
Влево покрутила винт,
Покружила и на землю спустилась она,
Решительно взялась за злые дела.
В низине оставила коня,
Старуха пешком пошла,
Сильно огорченной [притворилась] она.
Слезы из глаз своих лила,
Во весь голос рыдала она,
Никто и не догадается теперь,
Какие старая шельма [замышляет] дела.
Волосы распустив, раздирая свое лицо,
Быстро вышла на дорогу она.
Преисполненная глубокою скорбью
Проклятая старуха идет.
Раскинутый шатер увидала она,
Старуха по дороге побрела,
Уставившись на дорогу,
Пешком бредет она.

23. В шатре сидел Султанхан. Место было равнинное, все было видно далеко вокруг. Смотрит, а со стороны Акташа приближается какая-то черная точка. Тогда он приказал четырнадцати слугам:

— Выйдите навстречу. Может, бог дал нам сына или дочь, и кто-то идет к нам, чтобы получить суюнчи*.

Четырнадцать слуг вышли на дорогу. Смотрят — а это какая-то старуха! Ни на кого не обращая внимания, беззубая, распустив волосы, царапая лицо, идет она и плачет.

Слуги сказали: «Экая досада! От нее хороших вестей не жди! Видно, умер ребенок, ниспосланный хану богом. Был ли то сын или дочь? Опять остается без владельца все богатство Акташа. А мы думали, что страна падишаха обрела властелина. Как бы там ни было, а сейчас все разузнаем, расспросим эту старуху». Сказали так слуги и обратились к старухе:

24. «Дорогая бабушка, разную службу мы исполняем,
На поясе моем острый меч, за плечами — щит.
Плачешь, распустив свои волосы, милосердная,
Подойди, дорогая бабушка, слуги к тебе обращаются.
Мы растрожили сердце твое —
Плачешь, как ревуший в степях верблюжонок,
Ко всему безучастная, рыдая, бредешь ты.
Дорогая бабушка, кого разыскиваешь?
Разве свершился рок, и в саду увяли цветы?
Разве умерло ниспосланное богом шаху дитя?
Разве опять без властителя осталась страна?
Остановись, [обо всем] нам расскажи!
Бабушка, не огорчай этих слуг.
Я богат, опоясан шерстяным плагком¹,
Смотрю на тебя, и блекнет мое лицо, подобное цветку.
Знаю, что ты из страны Акташ идешь.
Кого родила Хураим? Сына или дочь?
Скажи правду, бабушка, спрашиваю тебя!
Мы опечалились, увидав, в каком состоянии ты
И что пешком держишь свой путь.
Или случилось что-то в стране Акташ?
Расскажи, какой стала страна?
Ведь наш падишах покинул Акташ,
Сколько месяцев, сколько лет с тех пор прошло!
Родину позабыли некоторые из нас.

¹ На Востоке шерстяные поясные платки носили лишь богатые. Бедняки опоясывались платками из дешевых тканей.

Падишах не знает, что случилось в стране,
Об оставшемся там народе спрашиваем мы.
Стыдно — не убивайся, не плачь!
Как к человеку обращаются слуги к тебе».

Старуха не слушала речей слуг,
Ни во что не ставила этих слуг,
Бредет старуха, не сворачивает с пути.
Не знали слуги, что задумала она.
Слуги последовали за ней.
«Куда пойдет эта старуха», — подумали,
«В какой шатер из многих войдет?» — подумали.
Пройдя мимо множества шатров,
Перед Султанханом предстала старуха та.

25. Старуха шла прямо, никуда не сворачивая. Никто не знал, к кому у нее было дело. Слуги спустились с коней и последовали за старухой. Никто не знал о том, что хочет она рассказать. В шатре старуха встала прямо перед Султанханом. Она стояла, не приближаясь к нему, потому что это был падишах. Слуги встали напротив, думая: «Послушаем-ка! Нам она не сказала ни о плохом, ни о хорошем. Что за весть принесла она? Какая бы ни была у нее весть, она [все] расскажет самому падишаху». Тут старуха, обращаясь к Султанхану, стала говорить такие слова:

26. «О мой шах, жалобу свою выскажу тебе!
Из-за тебя лицо мое увяло, словно цветок.
С каким трудом я пришла из страны Акташ!
Осиротела страна Акташ. Козни в стране.

Весть принесла, потому что болею [за тебя] душой,
В развалины превратился город Акташ,
Мой шах не осведомлен о том, что случилось там.
Своей любимой Хураим ты страну поручил,
Сколько лет прошло, а нет у тебя вестей о ней!
На улицах предается веселью она,
Устраивает пирушки для молодых людей,
Мужчины увиваются за ней,
И молодые, и старые — все до единого ходят [за ней],
Все видят [это], смеются над вами, мой шах.
Исстрадались мы, совсем иссякло терпение у нас.
Как подумаю — в стране судный день настал!
Сын бека, если не веришь моим словам,

Вот прочитай жалобу-письмо, шах мой!
От мала до велика — подписались все».

Сказала это старуха, слезами наполнились ее глаза,
Перед падишахом она положила письмо.
Султанхан у старухи жалобу взял,
Прочитав письмо, узнал: очень плохи [дела].
Никому ни слова он не сказал,
Не знали люди, что это было за письмо.
Сам прочитал, сам [обо всем] узнал падишах,
Не смог он вздоха сдержать¹.
Он узнал: осиротела страна Акташ,
Неспокойно в его стране.
Вот как потрудилась старуха та!

Прочитал падишах, во все стороны посмотрел,
Глаза его засверкали огнем,
В тот же миг он вскричал: «Палачи!»
Палачи услышали его зов.
Зов Султанхана услышав,
Триста шестьдесят палачей явились к нему:
«Какого человека дни сочтены?» — спросили,
«Ну-ка за дело! Пришел чей-то смертный час», — сказали.

Подумала та плутовка: «Ладно сделала дельце я!
Палачи готовы службу нести
И в Акташе, и в любой другой стране —
Не ведают люди о том, что наговорила я».

Падишах [так] говорит палачам:
«Седлайте коней, отсюда отправляйтесь в путь,
На оседланных конях в Акташ скачите,
Назову я вам виновную,
Не мешкая, голову ей отсеките!»

27. Палачи стояли наготове, слушая эти слова Султанхана. Тут Султанхан, обращаясь к ним, сказал: «С тех пор как мы покинули Акташ, прошло много времени. Кажется, уже прошло около четырнадцати лет. Я уехал и передал страну Хураим, а Хураим запятнала честь Акташа. Я не поеду в город Акташ, не предстану перед ней лицом к лицу. Прижгите ей грудь, свяжите за спиной руки, выгоните ее из Акташа. В Чортуте * сооружена виселица Мансура *. Пригоните [туда]

¹ Букв.: «Он вздохнул, выдержки в теле не осталось».

Хураим, отрубите ей голову, повесьте на виселице Мансура. Не бойтесь, думая, что она жена падишаха!» — так он приказал.

Тут по приказу падишаха отправились триста шестьдесят палачей. Многие, кто уже давно тосковал по родным краям, сказали: «И мы пойдем, встанем в сторонке и посмотрим, как будут ее вешать». Всего собралось пятьсот человек, и все отправились в путь. Они пошли прямо в Акташ.

28. В ту ночь Хураим увидела сон. Во сне она испугалась, и проснулась. Она сказала прислужнице Химче: «Нет у меня другого друга, кроме тебя», — и стала рассказывать ей свой сон:

Я спала, а в час намаза * сон увидала,
Во сне странные вещи я увидала.
Во сне от моих стонов небеса содрогались,
Никто не сжалился над слезами, что из глаз моих лились.
Триста шестьдесят палачей ко мне явились,
На мою голову, как снег с дождем, сыпались удары камчи.

Химча, как [этот] сон истолковать?
Не предсказывай плохое, а хорошего тоже не может быть.
По моему белому лицу текла красная кровь,
Во все стороны разметались черные волосы мои,
Палачи гнали знатную госпожу.
Как мой сон истолковать, не знаю я.
Увидела этот сон и расстроилась я.
Наступил конец моей жизни в стране Акташ.
Своего ягненка Рустама перед смертью не увидела я,
Не посчитались [с этим] безжалостные палачи.
Как [мой] сон истолковать, не знаю я.
Что бы я ни говорила, они совсем не слушали меня,
Кровожадный палач руки мне связал,
По [моему] телу-цветку горький кнут стегал.

29. Химча-аим услышала это и расстроилась, сердце ее разрывалось. Она стала говорить Хураим:

Сестра, ты рассказала свой сон, огорчилась я.
Кончилась твоя счастливая жизнь в городе Акташ,
Я поняла, единственного своего ягненка не сможешь ты
повидать.
Сестра, скорее иди [ко мне], вместе поплачем теперь!

Вот как истолковывается твой сон:
Не пройдет и дня, как предстанут пред тобой палачи.

Таково предсказание этого сна.
Сестра, немедленно явятся палачи.
Все это подстроил какой-то твой враг.
Придут и здесь тебя свяжут они,
Куда тебя поведут, не знаю я.
Голову отсекут, погубят тебя,
Похоже, что жизнь окончена твоя,
Сестра, давай вместе поплачем теперь!
Нагрянут палачи, схватят тебя,
Скажут: «Это приказ падишаха!» Голову тебе снесут.
Те, кто увидят тебя перед палачами такой,
Здесь будут оплакивать [тебя].
Опечалишься, горя ты хлебнешь,
Из этого мира ты уйдешь.
Что ж поделаешь! Тяжело будет тебе,
Сестра, насильственной смертью ты умрешь.

Рассказ твой услышав, как в огне я горю,
Дорогая моя, я тебя очень люблю.
Если скорбные дни настанут для тебя,
Как поступить мне? Ведь женщина я!
Куда я пойду, разыскивая тебя?
Кому поплачусь, [кому] душу свою изолью?
Когда тебя уведут, бесприютной останусь и я,
Из-за страданий твоих, стеная, и я умру.

30. Хураим услышала это, расстроилась и сказала: «Ах, Химча-аим! Я считала тебя своим другом и рассказала мой сон. А ты тоже враждебна ко мне. Ты дала дурное истолкование моему сну».

Химча-аим ответила: «Сестра, я знала, что ты огорчишься. Судя по тому, что ты рассказала, твой сон соответствует моему предсказанию. Огорчайся или не огорчайся, сама [все] узнаешь».

Хураим сказала: «Раз истолкование сна таково, что еще солнце не [успеет] завершить свой круг, как придут палачи к падишаху, значит, отправился от нас доносчик. Иначе истолкование сна не должно быть таким. Теперь прикажи засыпать доверху ворота, расположенные по всем четырем сторонам крепости. Запри на замок ворота, выходящие на улицу, по которой поедет Султанхан, укрепи их. Сама же оденься в мужскую одежду и встань на страже, взяв в руки ружье. Если прибудет Султанхан, то пока я сама его не увижу, не позволяй никому открывать ворота». Так распорядилась Хураим.

Химча-аим сказала: «Хорошо». Она собрала людей, заставила их засыпать доверху ворота, расположенные по всем сторонам крепости,

так, чтобы их нельзя было открыть. Она крепко-накрепко закрыла на замок ворота, выходящие на улицу, по которой должен был ехать Султанхан, а ключ положила в боковой [карман]. А сама встала [у ворот], облачившись в мужскую одежду, опоясала свой стан и надела тельпак *, отороченный бобром.

31. Химча стояла как страж у ворот с ружьем в руках. Тем временем подъехали палачи. Видят — ворота крепости закрыты. Палачи сказали: «Хороши же дела Хураим, если ворота крепости накрепко закрыты средь бела дня. Видно, собрав всех джигитов, она здорово веселится!».

Палачи, глядя на ворота и обращаясь к курбаши *, стали так говорить:

Когда вздыхаю, льются слезы из глаз,
Возглас «Боже!» вырывается у печального раба,
Конь мой утомился на горных камнях,
Открой ворота, старший курбаши!
Мой бог, пропади пропадом дела Хураим!
Погиб процветавший Акташ!
Прибыли триста шестьдесят палачей,
Открой ворота, старший курбаши!
Палачи падишаха пусть долго не ждут!
Стала испорченной, пусть не появляется
[ваш] проклятый шах!

И нас в грех пусть не введет.
Открой ворота, старший курбаши!
Мы — палачи, и приказ шаха выполняем мы,
Отсюда Хураим изгоним мы,
Погоним к виселице Мансура ее,
Голову ей отсечем, на виселице повесим ее,
Приказ падишаха передаем тебе.
Открой ворота, старший курбаши!
Палачи не будут обманывать тебя,
Эта Хураим падишахом была,
Муж смертную казнь назначил ей.
По велению шаха пришли палачи.
Открой ворота, старший курбаши!

32. Химча-аим услышала это, вышла из ичкари и стала говорить:

Та, кто тайну свою не раскрыла и от многих ее утаила,
Кого называют великой, [но] она кланялась низко,
Та, кто примет [поверила] и к воротам [меня] приставила,

Пока не выйдет эта шахиня, ворота не отпрут.
Если насилье проявите, тут же буду стрелять!
Подступы к воротам недруг захватил.
Прежний наш падишах ушел с этих земель,
Теперешний наш падишах — благословенный пророком человек,
Она приказала ворота прочно закрыть,
Ключи от ворот в гарем унесли,
Знайте, все это говорит курбаши!
Пока не прибудет шах, ворота не отпрут.
Падишах вернется — на исходе четырнадцатый год,
Смотрит на дорогу курбаши,
Какой бы ни был человек — как ему суждено,
Сам приходит, и сам своей дорогой уходит он.
Если насилье учините здесь,
Курбаши прицелится и застрелит вас.
С вашим добрым именем теперь не посчитаюсь я,
Кем бы вы ни были, уходите [той] дорогой, по которой пришли!
Слов напрасных не говорите мне,
Без приказа падишаха не открою вам!
Теперешнего падишаха с прежним не равняйте вы,
Долго околавываясь [здесь], как бы вы не погибли все!
Если вы палачи, уходите, не останавливайтесь в пути,
Не думайте, что ничего не смыслит курбаши.

33. Палачи услышали это и сказали: «Раз уж падишах сама не выходит и не открывает ворота, [видно] на то ее воля. А у всех курбаши ответ один». Палачи сказали так и удалились.

Среди палачей был один по имени Чонтак. Чонтак-палач сказал: «Нас пришло пятьсот человек. Как же мы явимся к падишаху, если мы, пятьсот человек, не смогли справиться с одной женщиной?»

Тут другие палачи сказали ему: «Если она не откроет эту крепость, а у нас нет крыльев, чтобы перелететь [туда], что ж нам остается делать, как не уйти?»

Чонтак-палач ответил: «Давайте-ка пойдем на хитрость!»

Палачи спросили: «Как же ты тут схитришь?»

Чонтак-палач сказал: «[В Акташе сейчас] падишахом женщины. Вот и [на должность] курбаши она поставила женщину. Что бы та ни было, а они по-своему повернут. Что же, дело стало только за те, чтобы обмануть эту женщину?»

Чонтак-палач до рассвета гонял по широкой пашне четырех тяжело нагруженных коней. Кони покрылись белой пеной, потом он охладил их на предрассветном ветру. Он посадил [всадников] на коней и заст

вил их по двое скакать к воротам¹. А потом палачи тоже поскакали [за ними], наигрывая мелодию сарбазов* на нае* и сурнае. А те, что поскакали раньше, уже достигли ворот.

Они крикнули: «Курбаши, открой ворота, прибыл падишах!»

34. Когда они прокричали, что прибыл падишах, Химча посмотрела в просвет ворот. Видит — кони прискакали издалека, они загнаны, взмылены. До ее ушей донеслись звуки нае и сурнае. В это время прискакали еще двое. Они прокричали: «До сих пор еще не открыто? Падишах подъехал. Он думает, что приговоренная уже мертва».

Тут Химча-аим подумала: «Эти кони прискакали издалека. Что-то я ничего не пойму. Если это не падишах, так ведь [здесь] четверо гонцов падишаха! Если падишах уже прибыл и ему приходится ждать, то как бы он не предал огню нашу крепость!» И она открыла ворота.

Разгневанные палачи схватили Химчу-аим. Они закричали: «Ты столько времени заставила нас ждать!» — и привязали ее крепко-накрепко к воротам.

Палачи направились ко дворцу. Они поднялись на престол. Палачи прижигали грудь шахини Хураим, связали ей руки за спиной, били ее, бросили ее на землю. Люди, которые видели это, были удивлены. Никто из людей так и не узнал, в чем же ее вина.

35. Тогда Хураим, обращаясь к палачам, стала так говорить:

«В чем же провинилась я?
Скажите, в чем моя вина, палачи!
Жестоко обошлись со мной, руки связали мне,
По телу-цветку стегали жестким кнутом,
Связали, из дворца изгнали меня,
Что за грех совершила беззащитная я?
Скажите, в чем моя вина, палачи!»

Слезами наполнились ее чарующие глаза,
Здесь плачет несчастная Хураим,
Кричат: «Сестра!» — и, злорадствуя, идут за ней [одни],
А сорок прислужниц плачут позади нее.
По белому лицу ее течет красная кровь,
Во все стороны рассыпались черные волосы ее.
Погнали палачи вот такую знатную госпожу.
Овцы с ягнятами блеют в горах,
Взывает о помощи Хураим,
Воскликает: «Дитя мое!» — и полны ожидания
ее.

¹ Букв.: «По двое посадил верхом».

Увидев в таком состоянии Хураим, плачут
Все рабыни, прислуживающие [ей].

В таких мучениях она к воротам идет,
Связанную Химчу-аим видит она,
Проходя, говорит несколько слов:
«Химча, стоны мои услышь!
Хлынул горный поток на жилище мое,
Тело мое, подобное цветку, огонь охватил.
Химча, единственного ребенка моего извести!
На ногах не стою, но душа ¹ [еще] жива.
Что если б мой сын Рустам пораньше пришел!»
«Увяли мои распустившиеся свежие цветы»,— сказала,
«Безвременно настигла меня смерть»,— сказала,
Знатная госпожа перед палачами плачет,
«Неизвещенным в подземной келье сын мой остался»,— сказала,
«Что, если б был [со мною] любимый мой сын!» ²—сказала.
«Много я возлагала надежд на покровительство божье,
Несправедливо на меня клевета пала,
Вот такую выставили меня на показ людям.
Теперь обуял меня страх, [как] перед судным днем.
Ворот свой разорвала, кричу, плачу я,
Вспомнила о ребенке своем, что опорой мне был.
Химча, единственного сына моего извести!
Пусть придет и помощь окажет в мой тяжкий день,
Воскликнет: „Матушка моя!“, посочувствует мне.
Химча, моего сына Рустама извести!»

36. Сказала это Хураим и вышла из ворот крепости. Толпа девушек следовала за ней до ворот. Они увидели связанную Химчу-аим. Теперь они уже потеряли надежду на спасение Хураим. Прислужницы развязали руки Химче-аим. Когда Химча лежала связанная, она слышала то, что сказала ей Хураим. Поднявшись, она подумала: «Извещу-ка Рустама, сообщу ему о том, что случилось с его матерью»,— и она направилась ко дворцу. Химча спустилась в подземную келью и, увидев там муллу, стала говорить ему:

Пусть дойдет до бога жалоба божьего раба!
Пусть сделает бог достойным рая верующего раба!
Приветствую вас, наставник сына моего!

¹ Букв.: «грудь».

² Букв.: «душа — сердце мое».

Я, Химча, принесла вам плохую весть:
Сегодня третий день, как больна Хураим.
Она очень хочет Рустама повидать,
Поэтому пришла, такая как я — с завитками у висков.
Все сильнее страдания Хураим,
Уж сомневается, что Рустама увидит она.
Отпустите тура * страны Акташ,
Пусть повидает свою мать, пока она жива.
Несчастливая, пусть и она повидает единственного сына своего.
Отпустите Рустам-бека, дорогой мулла!
Повторяя: „Дитя мое“, пусть не ждет с нетерпением его мать.
Когда умирать будет, пусть не мучается она.
Болезнь ее больной, сильно опечалилась я,
Болезнь ее ужасна, растерялась, горько заплакала я.
Отправьте хана Акташа, не задерживайте его.
Я пришла просить бека Рустама [отпустить].
Свою любящую [мать] пусть повидает он.
„Душу свою всю истерзала“, — она сказала,
„Кому же слово мне молвить перед смертью?“, — сказала.
В смертный час, сокрушаясь, плачет она.
„Не было у моего изголовья сына Рустама“, — сказала».

37. Мулла, обучавший Рустама, услышал это от Химчи-аим и, обращаясь к Химче, сказал несколько слов:

Химча-аим, послушай речи мои!
Ее сына Рустама пока не отпускаю я.
Прислужница, уходи той дорогой, которой пришла!
Какое мне дело, что она больна!
Ни одного подарка мулла [еще] не получил.
Если умирает она, так ведь смертен божий раб!
Скольким наукам ее сына я обучил!
Сколько дней здесь выжидаю я —
От Хураим подношений жду.
Через шесть месяцев хана я отпущу.
Еще шесть месяцев ее сына не отпущу.
Послушай, что говорит мулла:
«Ни одежды, ни денег не дала мне Хураим.
Я не знаю, почему недовольна Хураим.
Прислужница, уходи той дорогой, которой пришла!»

Сказал [это] и насупился мулла.
Если б дали ему одежду, [сразу бы] надел на себя!

«Еще шесть месяцев ее сына не отпущу,
Через шесть месяцев дам разрешение ему.
Нечего тут много болтать. Своей дорогой иди!»

38. Услыхала это Химча от муллы и пошла назад. Она направилась к казнохранилицу. Взяв один поднос золота, она пошла опять к мулле. Увидев сокровища, лежащие на подносе, мулла сказал: «Пусть Рустамхан сегодня же пойдет и повидает свою мать. И завтра тоже пусть побудет возле нее, чтобы она приласкала его. Если состояние Хураим плохое и жизнь ее в опасности, пусть остается с ней, пока она не поправится. А ко мне пусть не торопится вернуться, думая, что мулла будет журить»,— так ответил мулла.

Мулла, довольный, отправил Рустама. Рустам вместе с Химчой-аим вышли из подземной кельи. Тут Рустам сказал: «Моя жизнь со дня рождения протекала в подземелье. Я почти не видел дневного света¹. Вы старшая. И если я пойду впереди вас, не будет ли это грешно?»

Химча-аим сказала: «Если ты согрешишь [только] в этом, я прощу твой грех. Иди впереди меня».

Рустам сказал: «Почему на глазах твоих слезы? Болезнь моей матери настолько серьезна?»

39. Тут Химча-аим стала рассказывать Рустаму о страданиях его матери:

Много лет она в радости-веселье жила,
А триста шестьдесят палачей руки связали ей.
Твою мать к виселице Мансура погнали [палачи].
Рустам-джан *, если я не поплачу, то кто же поплачет [о ней]?
Тебя увидала, и разрывается сердце мое,
Слезы льются из глаз моих, словно горный поток.
Что делать — я огорчила ягненка моего.
Тебя увидала и расстроилась я.

Твоя мать изгнана, палачи мучают ее.
«Неизвещенным в подземной келье сын мой остался»,—
сказала,

«Несправедливо я плети получила»,— сказала.
«Умирая, не увидала свое единственное дитя»,— сказала.
«Мое тело, цветку подобное, огнем горело»,— сказала.
То, что сделали палачи, нас удивило.

¹ Букв.: «Глаза солнца я видел с нимча». Нимча — старинная мера веса, равная примерно 400 г.

На голову ее, как снег и дождь, сыпались [удары] камчи,
Ни один человек подойти к ней не смог.
От рыданий твоей матери содрогаются небеса,
К виселице Мансура твою мать повели,
Смирелись мы с тем, что было ей суждено.
Попала твоя мать в руки кровожадных палачей.
Жестокие не проявили никакого милосердия [к ней],
Просьбам ее о пощаде не вняли они,
Что за проступок совершила беззащитная моя госпожа?
Ни один человек не знает ее вины.
Невыносим произвол палачей,
Много странных дел свершилось в стране Акташ.
Вспоминала тебя, в муках плакала твоя мать,
С нетерпением ждала своего ребенка она,
Вышла из этого города в степь.
Да будет жертвой ради тебя такая твоя сестра, как я!
Я говорю это единственному ребенку, такому как ты.

В городе смятение поднялось,
Может, уже на виселице Мансура твоя мать?
Она в руках жестоких палачей, одну-одинешеньку погнали ее.
Что случилось с твоей матерью в [эти] тяжкие дни?
Еще до того, как мне уйти, сколько мук вынесла она!
Я не знаю, дошла ли до виселицы Мансура она?
Я не знаю, не умерла ли от этих мучений она?
Или сжалились потом над ней палачи?

40. Рустамхан, услышав это, сказал Химче-аим такие слова:

Апа *, растревожила ты меня, разве не знаешь, что со мной?
Почему ты раньше не известила меня?
По какой дороге мою мать повели?
Покажи, в какую сторону она ушла.
Ястреб-перепелятник садится на косогор¹.
Услыхал это и еще больше опечалился я,
Укажи, в какую сторону ушла моя мать,
За нею вслед пешком побегу,
Крикну: «Матушка моя!» Заплачу я,
Ради нее дорогую голову я сложу.
Дорогая моя апа, теперь милосердие прояви —

¹ Поэтическая фраза, обычно не связанная с последующими строками по смыслу и вставляемая для рифмы. Очевидно, традиционный фольклорный символ.

Сейчас же направь [меня] туда, куда ушла моя мать!
Если побегу вслед за ней, ее догоню,
Сражусь с палачами в кровавом бою!
Если жива моя мать, о ее состоянии спрошу,
А если моя мать умерла, отомщу за нее.
Дорогая моя апа, стань теперь наставником моим —
Не мешкая, сейчас же меня по [верному] пути направь!
Услыхал обо всем и сил лишился я.
Если не увижу свою мать, не исполнятся желания мои.
Если будет суждено, и до палачей доберусь,—
Головы их, словно траву¹, скошу.
Заставлю плакать в их стране детей,
Заставлю лечь [костьми] палачей —
За свою мать я им отомщу!
Внемли моим словам, апа, Химча-джан!
Пал на мою голову темный туман.
Не мешкая, сейчас же меня по [верному] пути направь,
Пусть отправится отсюда твой сын Рустамхан.

41. Услыхала это Химча-айм и стала снова говорить Рустамхану:

Не наступит осень, в саду не увянут цветы,
На увядшую розу не опустится соловей!
Сначала прояви отвагу, Рустамхан,
Тот, кто идет пешком, цели не достигнет своей.
Посажу я тебя на арабского коня,
Раз она тебе мать, иди за ней в бой,
Стыдно бегать и кричать: «Матушка моя!»
Сядь верхом на лихого коня, лоснитса его круп²,
Всегда будь с ним, кланяйся ему до [самых] копыт.
Он доставит к привалу [тебя], перевезет через холмистую степь.
Сел бы верхом на лихого коня, погладил бы его!
Ухаживай за ним шесть месяцев, давая ячмень, исполняй
прихоти его.
Отомстил бы врагу, заставил бы плакать его!
Рустам-джан, прежде всего отвагу прояви!

Дитя мое, молод ты, тебе только четырнадцатый год,
Просишь: «Направь меня по [верному] пути!»

¹ Букв.: «как сноп».

² Букв.: «заставь переливаться его круп»

Дитя мое, если я скажу: «Вот дорога твоя»,
А ты, дитя мое, пойдешь пешком, куда же ты дойдешь?
Если не будет в твоей руке острого меча,
Если не будет у тебя оседланного лихого коня,
Разве достигнешь цели, когда пойдешь пешком?
Подумай, дитя мое, на ком силу свою испробуешь ты!
Богатырь с мечом обретает сердце льва.
Если будет под тобою оседланный лихой конь,
Если будет в твоей руке оружие сверкать,
Вот тогда-то к джигиту отвага придет!

«Укажи дорогу, по которой пешком пойду», — просишь ты.
Если я укажу, не будет ли это позором для чести твоей?
Исполнилось тебе четырнадцать лет, сильным ты стал,
«Рустамом» нарекла тебя твоя мать,
Раз зовут тебя «Рустам», много силы должно быть у тебя.

42. Услыхал это Рустамхан и сказал: «О апа! Напрасно ты много говорила и мучала меня. Вместо того чтобы говорить впустую, оседлай коня, раз есть у тебя такой конь, и направь меня по пути, по которому ушла моя мать!»

Тут Химча-аим сказала: «Хорошо!» Она повела его к коню, который родился с ним в один день. Ему исполнилось столько же лет, сколько и Рустаму. Подошел Рустам [и видит]: круп коня лоснится, грива поднялась над ушами, он подобен летящей птице, каждый глаз его, словно футляр для пиалы¹, резвится он, гарцует, косясь на звезды. Химча-аим расседлала коня и стала чистить его скребницей. Глядя на коня, она говорила такие слова:

43. Если [Рустам] оседлает тебя, сердечная рана его заживет,
Оба уха твоих на макушке стоят {торчком},
Сегодня ягненок Акташа отправляется в путь,
Выхоленное животное — этот скакун.
Храбрец Акташа оседлает сегодня тебя,
Дитя мое к виселице Мансура совершит поход,
Пусть преисполнится отвагой Рустамхан!
Обычай воина гнать лихо [коня].
Ты — выхоленный конь сына моего,
Если встретится враг, растерзай его,
Если сможешь, его плотные ряды расстрой.

¹ Т. е. глаз большой, круглый и выпуклый, как кожаный футляр для пиалы у всадника.

Конь моего сына, что настоящий тулпар,
Если встретишь вражеские укрепления, их разрушь!
Восклидая: «Моя мать!», горюет кучкар * Рустам,
Не ослабей в пути, выхолонный тулпар!
Таково мое наставление: без задержки доведи,
Выручи ягненка Рустама моего.
Скотинушка, на конюшне выходили тебя.

Химча-аим произнесла похвалу коню. Рустам заторопился, подумав: «Отправиться бы [поскорей]». Химча поняла, что Рустам спешит и без лишних разговоров быстро сделала свое дело, оседлала коня, подготовила его. Она надела на Рустама всю нужную одежду, опоясала его острым мечом, попрощалась [с ним] и отправила его в путь.

44. После того как Рустам отъехал, борзые собаки, сидевшие в [специальной] корзине, увидев [это], стали биться. Химча-аим сказала: «Эти борзые, когда увидели Рустама, стали вырываться. Как я справлюсь с борзыми без Рустама?» Она подумала так и выпустила их из корзины.

Рустам не видел, в какую сторону увели его мать, а борзые видели. Они опередили Рустама и побежали по ее следу, подобно барсу. Выехал Рустам из Акташа в час полуденной молитвы, впереди — борзые собаки, а позади них едет Рустам.

45. «Матушка моя! — восклицает бек Рустам, —
Много мук я испытал.
Горе и печаль позади —
Отвагу бек Рустам проявил».

Хлещет он кнутом коня,
Словно проволока, врезается кнут,
Под ним гнедой конь —
Время от времени он втягивал живот,
В пути шею вытягивал он,
Погонял его [Рустам].
Отвагу бек Рустам проявил,
Силу свою коню показал.
На подъемах сдерживал его,
Если случался обрыв, спускаться заставлял,
Если была река ¹, перепрыгивать заставлял,
Вот так преодолевал свой путь Рустам.

¹ Букв.: «рукав реки, канал».

Пустыни безводные покрыла пыль,
Сидит [Рустам] на гнедом коне,
Большой отвагой преисполнен Рустам,
А в сердце [его] — горе-печаль.
Торопит он [своего] скакуна,
Далекое становится близким для него.
Под ним оседланный конь,
Подобно птице летел сказочный конь.

Вот так преодолевал свой путь Рустам.
Тем временем рассвет наступил,
[А] он еще до сумерек начал свой путь,
Теперь же полдень настал.
Рустам — одинокий, посмотрел,
Борзые собаки продолжают бежать.
Скачет Рустам, погоняет [коня],
Самый лучший его оседланный конь.
Едет он, не сворачивает с пути,
Хоть и гнал во всю, но не уставал,
Рустам-джигит [дорогу] не искал —
Дорогу он не примечал,
Совсем ни на кого внимания не обращал,
По сторонам не смотрел,
Никого другого, кроме матери,
На сердце не было у него.
Ради матери своей он торопит коня,
Погоняет изо всех сил [своего] коня.
Если встретит врага,
Преисполнится отвагой он.
Совсем терпение потерял,
Едет, торопится он.
«Матушка моя!» — восклицает со вздохом Рустам,
Много страданий бек перенес!

Держит свой путь бек Рустам,
Он горит, словно охваченный огнем.
Переваливает через седловины [гор].
Не у кого расспросить —
[Никто] не поможет виселицу Мансура [отыскать].

46. Ехал Рустамхан и [вдруг] увидел большое войско. Это было войско Султанхана. Оно возвращалось в страну Акташ из Курудыма и Хорезма. Тут посмотрел Султанхан и как посмотрел, видит: какой-го

джигит [скачет] на арабском коне, он в халате из адраса *, удивительно грозный, впереди него две борзые бегут по следу, словно барсы. Султанхан сказал:

— С тех пор как мы покинули [Акташ], прошло много времени. В стране Акташ не было такого статного джигита. Или, быть может, он едет из другой страны? Какого же хана, какого же бека он сын? На людей он не смотрит, никого не замечает, не сворачивает со своего пути. Если я ничего не скажу, то он проедет мимо и, может, даже не поприветствует [нас]. Когда он приблизится ко мне, ухвачу поводья его коня, спрошу-ка его, в какой стране он вырос, узнаю, какого он бека сын и какой крепостью управляет.

Султанхан счел достойным для себя такой разговор, обрадовался, и, когда Рустам приблизился, Султанхан схватил поводья его коня и, обращаясь к Рустаму, спросил: «Дитя мое, из какой ты страны?»

47. Ты — цветок, распустившийся в свежем саду,
Ты — душа и сердце отца и матери своих.
Увидел тебя и спрашиваю о твоей стране,
Из какого города, какого шаха ты сын?
О своей стране мне расскажи,
Как называется твоя страна, где беззаботно ты рос?
Как зовется твой многочисленный род?
Я спрашиваю, сын мой, имя твое.
Красоту твою уподоблю месяцу в небесах,
Брови твои с изогнутым луком сравню,
Своим станом ты с сизым ястребом схож,
С ястребиными когтями, чей ты сын?
Из какой жемчужины создан ты?
И такой вот джигит матерью рожден!
Из каких же мест ты взлетел?
Высокого полета, сын мой, откуда ты?
Тебя увидел, и разрывается сердце мое!
Ястребиные когти, тигриные лапы у тебя,
Когда выходишь на битву, сердце барса у тебя.
Дитя мое, на кесаря * похожий, откуда ты?
Таково указание божье было мне ¹,
Могут ли быть еще неисполненные желания у тех, кто тебя
родил?
Как увидит [тебя] враг, [сразу] сил лишится он,
Дитя мое, на Рустама похожий ², откуда ты?

¹ Т. е. было мне суждено тебя встретить.

² Имеется в виду богатырь Рустам-Дастан (сын Заля).

Наслаждаясь [ездой], сколько безводных степей проехал ты!
В дальних дорогах взмылил своего коня,
Преисполненный отвагой, из каких краев уехал ты?
Самый лучший из джигитов, откуда ты?
В пути радуешься ты,
В этой пустыне сам ты — как разлившаяся река ¹,
Очень торопишься, [по сторонам] не смотришь ты.
Спросил я, сын мой, приблизившись к тебе:
Куда держишь путь, дорогой сын мой, куда едешь ты?
Под тобою усталый верховой конь,
Вижу — на твоём поясе острый меч,
Каждого приводит в растерянность твой грозный [вид].
Может, как у Рустама Дастана, сила твоя?
Где находится твоя страна?
Велик ли твой род, где беззаботно ты рос?
Добрый путь тебе, храбрый джигит, куда едешь ты?
Совсем не смотришь по сторонам,
Торопишься, чтоб [скорей] добраться до своей страны?
В моих руках поводья твоего коня.
Куда держишь путь, юный бек, куда едешь ты?

48. Как услышал это Рустам, выпрямился, поднял голову и посмотрел прямо в лицо [Султанхану]. Рустам подумал: «Ладно уж! Это, оказывается, старый человек. Как бы мне не оказаться неучтивым». Рустам рассердился, когда Султанхан схватил поводья его коня и остановил его. Но, уважая седины Султанхана, он сдержал себя и сказал:

Плакал бы, но это не поможет горю моему.
Сколько невзгод выпало мне!
Для чего же мне дом?
Нет дома [у меня], совсем нищий я.
Не задерживай меня, с пути не сбивай!
Выпусти поводья, дедушка дорогой.
Если спрашиваешь о моем отце, я совсем без отца,
Я сын, у которого нет отца, странник я сам,
Назвал бы тебе, да нет родины у меня,
Я каландар, скитающийся по стране.
Что может иметь такой нищий каландар, как я?
Брось поводья моего коня!
Я красная роза, не заставляй поблекнуть меня,
Не останавливай меня, с пути не сбивай!

¹ Т. е. возбужден, взволнован.

Я спрашиваю: тебе что-нибудь нужно от меня?
Сейчас же выпусти поводья [моего] коня!
Дедушка дорогой, я уважаю старость твою.
Каждый следует своим путем,
Опечалишься, если тебе многое расскажу,
Огорчен я тем, что ты остановил меня,
Старик, ведь может сбиться с пути такой нищий, как я.
Старик, по-хорошему со мной говоришь, я благодарен тебе,
Если отпустишь, то обрадуешь меня.

49. Султанхан услышал это и, обращаясь к Рустамхану, снова сказал:

На голове шахов из золота венец,
С многих городов они пошлины берут!
На твое лицо я смотрю, самый лучший джигит,
О мой, подобный соколу, откуда ты?
Ты оседлал для себя своего арабского коня,
Под стать тебе твой стальной меч,
Может, у тебя корона, государство есть?
Скиталец-сирота не похож на тебя,
На нищего ты не похож.
Сын мой, молвишь слово — и [сразу] видна отвага твоя.
В какой стране ты беззаботно рос?
Если не скажешь правду, тебя не отпущу,
Не верится мне, что каландар ты,
Если не скажешь правду, поводья не выпущу,
Правду скажи, сын мой, откуда ты?

50. Тогда Рустамхан, обращаясь к своему отцу, стал говорить:

Богатый человек ¹ цветок с цветком сплетает,
Молния гору высокую пробивает!
Ты много расспрашивал, старик, меня расстроил.
Нашу страну «Акташ» называют.
Мой отец — Султанхан, моя мать — Хураим,
Всех нас всемогущий бог сотворил.
Выпусти поводья, дедушка дорогой!
Немедленно к виселице Мансура поеду я.
Палачи, оказывается, увели мою мать,
В [нашей] стране один я ничего не знал.

¹ Букв.: «раб». Имеется в виду раб божий, т. е. человек.

Дедушка дорогой, я сын Хураим.
Только б не умереть, непременно добраться до нее!
Я выехал ради матери, ее слугою стал,
Из-за страданий матери преисполнен печалью я,
Задержался, в ожидании стою —
Выпусти поводья моего коня, старик!
Отсюда своей дорогой поеду теперь,
Разыскивая мою мать, к виселице Мансура еду я,
Если доберусь до нее, снесу голову палачам,
Кровопийцам устрою черный день!
Совсем невиновна беззащитная моя мать,
Невиновную увели палачи.
Какой невежда уготовил ей казнь?
Враги причинили мне много хлопот!
Если найду того, кто [так] приказал, непременно он умрет!

51. Услышав это, расстроился Султанхан и даже не заметил, как из его рук выпали поводья коня. Тут Рустам ускакал прочь. А Султанхан был даже не в силах промолвить: «Если так, то ты, оказываешься, мой сын!» Султанхан, повернув коня, с разинутым ртом смотрел вслед Рустамхану.

У Султанхана был один мудрый везир. Везир обратился к нему с такими словами:

Как же своего сына отпускаешь ты?
Когда же сына своего увидишь теперь?
Не отпускай так единственного сына своего,
Не вернется в твою страну Рустам.
Ты отсюда поедешь в страну Акташ,
Расспросишь и узнаешь, кто хорош, а кто плох,
В том, что случилось, разберешься сам.
Шах мой, сильно раскаешься потом.
Воскликая «Дитя мое!», слезы будешь лить,
Венец, государство, престол бросишь ты,
Став каландаром, из Акташа уйдешь,
Из-за своего ребенка будешь горевать.
Будешь странствовать, по свету бродить,
Опечалишься, когда [никого] не найдешь, чтоб о нем
расспросить.
Сейчас же своего единственного сына верни!
Пусть не осиротеет твоя страна Акташ!
Ты собственными руками отпускаешь его,

Какими же глазами на бека Рустама будешь смотреть? ¹
Сейчас же своего сына Рустама верни!
Не отпускай тура своего, в Акташ его верни!

52. Султанхан услышал это и подумал: «Ведь он мой сын! Может, вернуть мне его?». [Но] несколько приближенных и некоторые его друзья сказали: «О падишах мира сего! Следуйте своей дорогой. Пусть себе говорит везир! Не слушайте таких неразумных слов. То, что он говорит, это пустые речи, несостоящий разговор. Если бы это было так, то теперь вашему сыну исполнилось бы четырнадцать лет. Разве юноша в четырнадцать лет бывает таким? Вы все еще до сих пор чувствуете к нему расположение. Вы столько беседовали с ним! Мы не хотим вмешиваться, но ведь по внешности, по силе нельзя судить о человеке. Есть такое изречение: „В словах, сказанных в лицо, яда нет“. Разве вы не видели, что он имеет такую силу, что может и гору свернуть? Разве может быть таким ваш четырнадцатилетний ребенок? Жена ваша, оказывається, стала испорченной. Мы так считаем — а может, это [был] богатырь, приехавший из какой-то другой страны на охоту? Видно, ваша жена, став испорченной, крутила с ним. В то время, когда пришли палачи, он, наверное, пребывал в других местах. Если бы он был там, то, судя по его силе, он бы не [позволил] увести ее. Несдобровать бы тогда палачам! Сколько бы ни было врагов, он пролил бы их кровь отсек бы им головы мечом. Должно быть, он ни о чем не знал, а потом приехал и услышал, что приключилось. Трудно тому, кто влюблен. По этому он и поспешил пуститься за нею в путь. И выехал он, думая „Доберусь я до виселицы Мансура и, если доберусь живым, отобью е у палачей“. Вы же слышали, если он доберется живым, то ни один палач не вернется в Акташ целым-невредимым. Что задумал, то и сделает! Все палачи ваши, которые ушли, погибнут».

53. Услыхав это, Султанхан удивился. Он не знал, что и ответит. Он повел свое войско прямо в страну Акташ.

А Рустам продолжал ехать. Ехал он, ехал и [видит]: дорога разделилась на три [тропы]. Не зная, по какой дороге поехать, он придержал поводья коня. Тут Рустам сказал такие слова:

Горы высоки, если на них тумана нет,
Сады обесценены, если садовника нет,
А реки — если в них родников нет,
Дороги портятся, если караваны не идут.
Дорога разделилась на три тропы,
Заведет дорога, если не у кого [о пути] спросить.

¹ Букв.: «С каким же лицом будешь смотреть?»

Как бы мне не заблудиться в пути!
Собьюсь с дороги, растеряюсь я,
Нет никого, чтоб [о пути] спросить.

Рустам молвил это, а борзые тем временем, держа след, отправились по дороге, что шла в левую сторону. Рустамхан подумал: «Эти собачки знают, [куда идут]». И он тоже направился по дороге вслед за борзыми.

54. Тем временем палачи гнали Хураим и, наконец, дошли до виселицы Мансура. На этом месте прежде был большой город. В нем были минареты, порталы. Рассказывали: «В давние времена пришли сюда [войска] из арабской страны. Много сражений было в этом городе. В арыках кровь текла, как вода. Вот тогда четыре друга посадили здесь по одной шелковице. С тех пор это место стало называться Чориёр*. Еще до тех времен здесь стояла виселица, на которой был повешен Мансур».

Уже сколько дней продолжала свой путь Хураим, беспомощная, лишившаяся всего! Хураим увидела эти земли: развалины, пустыня. Таково было дело рук арабов!

Тут Хураим, обращаясь к палачам, сказала несколько слов:

55. Странные вещи в [этом] бренном мире я увидела,
Три дня пешком шла я,
Палачи, хоть один час подождите!
Мой аллах! Пусть увеличится ваше богатство!
Скажу и я слово своим окровавленным языком¹.
Если дни мои сочтены, мне от смерти не уйти.
Бедная, что смогу сделать я?
Хоть на один час в мое положение войдите!
Омоюсь в источнике, очишусь я,
Поднеся ладони к лицу, богу помолюсь —
Перед богом я в долгу,
Теперь от этого долга освобожусь!
Хочу попросить у вас срок — [только] один час.
Что поделаешь с тем, что судьбою предрешено?
Унижениям меня мой бог подверг,
Поплачу я перед богом, тайну раскрою свою!
Палачи, подождите только один час,
Сяду у источника, омовение совершу.
Султанхан [мне] страну Акташ передал,
Все богатство и всю власть свою.

¹ Букв.: «красным языком».

И я, царствуя, в Акташе жила,
Много заботилась о тех, кто был подвластен мне,
О нищих и бедняках спрашивала я,
К ним недоброжелательной не была,
А в конце концов вот так оклеветана я!
Из-за клеветы обе руки связали мне,
Погнали меня, к виселице Мансура я пришла.

56. Услыхал это Чонтак-палач, но не вял ее словам. Он не понял ее, и не отступая от своего, стал говорить:

Хорошие люди никогда не бывают такими, как ты,
На улицах они [никого] с размаху не бьют.
Не рассуждай! Твой милый дружок не придет,
Палачи не будут слушать твои слова.
Подойди, распутная¹, вздерну на виселицу, дам пинка тебе!
Твой милый дружок остался в стране Акташ,
Твой сын останется на виселице Мансура.
Ты в руках кровожадных умрешь.
Подойди, распутная, вздерну на виселицу тебя, дам пинка!
Сколько коварства и лукавства в тебе!
Блистая красотой, с палачами ты говоришь,
Речами этими свою жизнь не спасешь.
Сейчас же отсеку голову, вздерну на виселицу тебя!

Сегодня на виселице Мансура повесят тебя,
Гнев падишаха пал на тебя.
Так предначертано тебе судьбой!
Приказ падишаха выполняем мы.
Уже сколько дней [тебя] гоним мы!
Вот таков был нам Султанхана наказ —
Вздернем на виселицу, ударим кинжалом тебя.
Твое тело на виселице Мансура будет,
Когда вернемся, [обо всем] расскажем в городе Акташ,
Ведь здесь — и молодые, и старые палачи!
Это одобряют все палачи.
Разговорами своими нас с пути не собьешь,
Знай, от палачей невредимой не уйдешь!

57. Среди палачей был один по имени Мирзабаши. Услыхав эти слова от Чонтака-палача, он сказал:

¹ Букв.: «скандальная», «крикливая».

«Вот тебе на! Чонтак, ублюдок, все сказанное тобой — глупость. Вся твоя речь от начала до конца неверна. Если падишах назначил смертный приговор, так назначил его, будучи глупцом. Из-за клеветы невинная теперь погибает. Что за человек та старуха, которая пришла и принесла падишаху письмо-жалобу? Знаешь ли ты ее? Ну ладно, пусть он и падишах! Но для чего же дан рассудок тому Султанхану? Человек, у которого есть разум, разве поверит письму, что принесла та старуха? Ведь она поставила в том письме подписи жителей Акташа — и молодых, и старых. Разве ни у одного из стольких сановников не было печати? Ни один из них не поставил печать, подтверждающую, что это правда. Султанхан, будучи глупцом, поверил письму, не скрепленному печатью, и назначил смертный приговор этой бедняжке. Самого его здесь нет, а прекословить тому нечестивцу нельзя. Если ты [потом] скажешь, что эти твои слова — ложь, то и тебя он прикажет убить. И в Акташе ты злом не насытился, и здесь ты злые дела не бросил! Сейчас же оставь [ее]! Что тебе за дело? Поступи так же, как и все другие».

После того, как Мирзабаши промолвил это, все палачи согласились с ним. Они сказали: «Какое твое дело, совершит ли она омовение, прочтет ли молитву!»

58. Хураим подумала про себя с надеждой: «Что, если я воспользуюсь этим предлогом и помедлю. Тем временем подъедет Рустам, если Химча известила его».

После того как все палачи отпустили ее, она уже не обращала внимания на слова Чонтака-палача.

Хураим пошла к роднику, омыла лицо, руки, ноги, стала чистой и села, повернувшись в сторону киблы*. Она устремила свой взор на дорогу, [по которой мог ехать] Рустам, и стала говорить такие слова:

В огне любви горю, горю.
Друг ты мне или чужой?
Сюда пришла, как в огне горя.
Видно, переполнилась чаша жизни [моей],
Из сладостного тела отлетает
Нежная душа, что с ним единой была.
Увяло мое лицо-роза. Что поделаю я?

Сады, где беседки и соловьи,
[Палачи] меня на смерть обрекли,
Близок час смерти моей¹,
Изранены душа и сердце мое.
Никогда уже не увижу я

¹ Букв.: «Близок сладкий напиток моей смерти».

Покрытых снегом высоких гор.
Пусть до бога мое стенание дойдет!
Много горя и мук у меня.
Может, остался неизвещенным мой сын?
Никто не внемлет жалобе моей,
Претерпев унижения, пришла я сюда,
На виселице Мансура повесят меня.
Мое сердце разрывается на сто частей.
Одинока, растерянна я,
Рядом со мной близкого друга нет,
Не узнали о том, что произошло.
Столько приближенных моих!
В суровый день тяжело мне,
Боюсь за свою жизнь, растерянна я,
Единственное мое дитя, который был опорой мне,
Остался неизвещенным и он?
Звал меня матерью, но не знал он меня,
Молоко мое, видно, не почитал,
В то время, когда выпал мне суровый день,
Не было моего ягненка у изголовья моего.
Обо мне не вспомнил он,
Недругов своих не проучил.
Что случилось? Рустам не пришел.

59. Так сказала Хураим. Она была растерянна, боялась за свою жизнь. Хураим делала вид, что читает молитву, и медлила. А Чонтак-палач сказал ей:

Понравились тебе слова Мирзабаши!
Никогда не кончится молитва, что читаешь ты.
Много, оказывается, у распутной молитв!
Но молитвы [придется] окончить тебе —
Разве будут стоять в ожидании палачи?
Сейчас же к виселице подойди,
Отсеку голову, вздерну на виселицу тебя!
Обратив лицо к кибле, смотришь ты!
Какие надежды возлагаешь на киблу ты?
Сколько людей погибло от руки палача!
Разве кто-нибудь вырвался из рук кровопийц?
Ты медлила, боялась за свою жизнь.
На кого надеешься ты теперь?

60. Хураим услышала это и подумала: «Ну что же! От Рустама нет никаких вестей. Мой срок настал». Она, потеряв всякую надежду, в

молитве поднесла руки к лицу и еще раз посмотрела в сторону киблы. [Вдруг] видит — вдали что-то чернеется, видит — клубится пыль. Хураим подумала: «Если Химча-аим дала весть обо мне Рустаму, то, конечно, это скачет Рустам. Видно, с ним много народу. А один [Рустам] не смог бы ехать так: бег одного коня такую пыль в пустынной степи не поднимет. Если мчится любящий меня отважный Рустам, то, когда увидит меня в таком состоянии, палачам несдобровать! У них тоже есть дети. Зря они умрут из-за своей самоуверенности и оставят детей сиротами. Разве они думают о своих детях?» И, подумав так, она обратилась к палачам:

61. Выслушайте, палачи, мои слова!
Моего ягненка, что спешит [ко мне], увидала.
Дитя мое приедет и вас убьет,
Как подумаю, смерти заслуживаете вы!
Не вернетесь [домой], не увидите своих детей.
Едет сын мой Рустам-силач,
Имя его Рустам, подобен дракону он —
Как только фыркнет, не сможет равняться [с ним] враг.
Приближается час вашей смерти, палачи!
Сейчас умрете, ищите защиты себе.
Если даже пощады запросите, не станет и слушать вас!
Дитя мое приедет, оба глаза выколет вам,
Теперь не вырветесь из его рук,
Осиротели ваши дети в [родной] стране.
Не принимайте за шутку речи мои,
Не считайте, что это пустые слова.
Не стойте здесь, защищайтесь, [палачи]!

62. Услышав это от Хураим, Чонтак-палач сказал: «Она и в самом деле плохая [женщина]. Разве от плохого можно ждать хорошего? Мирзабаши сказал ей: „Читай молитву“ — и сделал добро. А она говорит: „Придет мое дитя и всех вас убьет“. Тем самым она показывает, на что способна. Кто из вас знает, что у нее есть сын, который убивает людей?»

Палачи как будто замялись, но ничего не смогли сказать на это Чонтаку-палачу. Чонтак-палач поднялся, подошел к Хураим и сказал: «Если придет твой сын, конечно он убьет [нас]. Раз так, мы не будем сидеть здесь, уставившись на дорогу в ожидании, когда к тебе явится сын. До тех пор пока придет твой сын, мы вздернем тебя на виселицу. На том и порешим». Сказав так, он схватил ее и потащил к виселице. Тут Хураим, обращаясь к виселице, сказала вот такое слово:

63. Всемогущи аллах, ты знаешь, в каком положении я!
Преждевременно посылаешь мне незаслуженную смерть,
Все грехи, содеянные мной, известны тебе!
[Виселица], не принимай на себя безвинное тело мое!
Все оклеветанные были повешены на тебе.
Постигло несчастье невинную знатную госпожу,
Виселица Мансура, на четыре тысячи аршин поднимись!
Когда палачи веревку забросят, пусть не достигнет она [тебя]!
На виселице рассудок покинет меня.
Обращаясь к виселице, [Хураим] говорит:

64. «Ты, виселица, стоящая [здесь] уже много лет! Сколько было на тебе повешено невинных людей! Потом повесили Мансура. Мансур тоже был повешен, как и я, из-за клеветы. Если были где-нибудь невинные люди, которых приговаривали падишахи [к смерти] по клевете, то их пригоняли и вешали на тебе. Ты, виселица, стала обладательницей этих оклеветанных во всем мире. Когда падишахи собираются отрубить голову преступнику и повесить его на виселице, то у всех у них есть для этого своя собственная виселица. Тебя же выстроили для того, чтобы вешать людей невинных, которые должны умереть из-за клеветы. Всегда ты стояла, тоскуя по таким оклеветанным. Вот я! Меня тоже оклеветали и пригнали [сюда], чтобы повесить на тебе. Если ты тоскуешь по мне, вот я перед тобой!»

После того как Хураим промолвила это, виселица заскрипела, сдвинулась с места и приподнялась. Теперь даже виселица словно устранялась [от дел, вершимых по] клевете.

65. Палачи не понимали, что происходит. Им уже и не хотелось приставить нож к шее Хураим. [Но], подумав: «Все равно ведь ей смерть — рано или поздно она умрет», они накинули петлю на шею Хураим и забросили конец веревки на виселицу. Но ведь виселица поднялась, и конец веревки не попал на нее. Палачи не знали, что делать.

Тем временем приблизился Рустам. Две борзые подбежали к виселице раньше Рустама, схватили зубами веревку, что была в руках палачей, и стали тянуть ее. Удивленные палачи ухватились за четырехствольный тутовник, чтобы удержаться на ногах.

Хураим в страхе перед смертью закрыла глаза. Хотя лезвие ножа не коснулось ее, у нее было такое чувство, что она умерла. Она даже ничего и не слыхала. [Потом] у нее как будто бы прибавилось немного силы, и она открыла глаза. Хураим увидела тех своих борзых, которых сама выхаживала. Но, не увидав Рустама, она сказала так:

66. «Две борзые пришли, мой сын не пришел,
Мой единственный сын, как борзые, не поступил,
Черные дни врагам не устроил он,
Узнав, в каком положении я, не застонал, не зарыдал.
Обе собаки пришли, мой сын не пришел,
Мой единственный сын, как борзые, не поступил,
Верные пришли, мой сын не пришел».
Как промолвила эти слова Хураим,
Сразу к виселице подскакал бек Рустам,
Увидел под виселицей свою мать, подумал он:
«Палачи привели [сюда] и повесили мою мать».
Словно лев, наскочил он на палачей.

В тот миг, когда Рустам подскакал,
В замешательство пришли палачи.
Выхватил он свой меч,
Головы срубил палачам.

«Матушка моя!»,— в волнении воскликнул он,
Сильно разгорячился Рустамбек.
Рустам сражался, не отступал,
Как молния, палачей он разил.
Бился на поле сражения Рустам,
Сколько голов он срубил!
Вороны спустились к мертвецам,
Во все стороны разбежались палачи.
Бегством спастись не смогли,
От Рустама невредимыми не ушли!
Рустамбек сражение дал,
В день сражения всех смерти предал,
В его руках исфаганский меч,
Красную кровь на землю пролил,
Сделал так, что раскаялся враг.
Сколько врагов он истребил!
Здесь полегли, мертвецами стали они,
У виселицы Мансура остались они.
С горы Бахра степные орлы
Слетелись сюда, ища мертвецов.
Трупам завладели они,
Увидели поле боя степные орлы,
Спустились на каждый труп по одному,
Насыщаться мясом стали теперь,
Рустамбеку вознося хвалу.

На тура Акташа посмотрите вы!
Он привел в смятение палачей.

Встретились они с Рустамбеком в бою,
Погибли тут пришедшие [из Акташа] палачи.
Рустамбек закончил дело свое.
Пятерых из палачей, оставшихся в живых,
Рустам-кесарь * изловил,
Всем остальным палачам он головы отрубил.
Победителем вышел бек Рустам,
«Ну-ка подойдите!» — он, разгоряченный, кричал:
Погибли почти все палачи,
Тут им пришел конец.

67. Рустамхан пятерых палачей захватил живьем, одним отрезал уши, другим отрезал нос, а одному из них отрезал язык. Он сказал: «Теперь идите, и о том, что здесь увидели, расскажите в Акташе Султанхану. Если есть еще палачи, пусть пришлет их ко мне», — и пятерых направил в Акташ.

Пятеро шли по пустыне. И если и хотели что-то сказать, так ведь тот, у кого не было языка, собираясь что-то сказать, издавал [лишь] неясное бормотание, и люди не понимали, что он говорит. У кого язык и нос уцелели, но были отрезаны уши, так что их головы стали похожи на тыкву — им было не до разговоров, глаза у них потускнели и они объяснялись жестами. Когда собирались говорить те, у кого был цел язык и уши целы, но был отрезан нос, у них тоже не получался разговор — они гнусавили. И их слова также были непонятны людям. Они бормотали про себя и шли, объясняясь друг с другом знаками.

Рустам же расхаживал, поглядывая и думая про себя: «Пусть среди перебитых палачей не останется ни живого, ни полуживого и пусть никто не укроется под трупами». Хураим очнулась и привстала. До того времени Рустам еще не знал, жива ли его мать. Когда он приблизился к палачам, он увидел свою мать под виселицей. Рустам подумал: «Видно, они уже повесили мою мать и отсеки ей голову». И уже ничего не видя перед собой, не глядя на виселицу, он мстил палачам. Рустам опять стал переворачивать [тела], думая про себя: «Не осталось ли среди палачей живого или полуживого?» В тот момент Хураим и увидала Рустама. Теперь она словно вновь вернулась к жизни, и подумала: «То, что я вижу — наяву ли это или во сне?» Обращаясь к Рустаму, она сказала:

68. Не возвращенный ли это мною [сын] — душа и тело мое?
Неужели горе, страдания покинули сердце мое?
Показался сокол среди мертвецов.

Не дитя ли [это] мое, что неизвещенным в подземной келье
было?

Сына моего Рустама увидела я.
Вот уже сколько дней муки переносу!
Нет покоя мне, сил моих нет —
Увидела единственное мое дитя.
Этот ягненок мой — отрада моя,
Пришел целым-невредимым, сокровище мое,
Столько всего преодолел, единственный сын мой!
Эти изверги погибли из-за высокомерия своего,
[Рустам] наслаждался тем, что свершил,
А если б погиб он, ослепнуть бы вам, окаянным извергам!
Младенцы их сиротами остались теперь,
Рустам всем [палачам] головы срубил.
Меня не видишь, дитя мое, ищешь меня.
Опясался ты исфаганским мечом,
Горести ты испытал, отдал душу за меня.
Да будет жертвой ради тебя твоя мать!
Подойди сюда, не мешкая, Рустам-джан.
Тебя увидела — и сотни неисполненных желаний покинули меня,
Здесь твоя мать, любит она тебя,
Иди сюда, дитя мое, неприрученный жеребенок мой,
Подойди сюда, не мешкая, Рустам-джан!
Когда дождь пройдет, пусть замутится застоявшаяся вода!
Пусть повсюду будет обезврежен враг!
Извергов-палачей ты перебил,
Да будет боготворить тебя твоя мать¹!
Смотрю и радуюсь я делам твоим.
Вот какие дни наступили для меня!
Рустам, ягненок, верблюжонок мой, подойди ко мне.
Повторяя «Дитя мое!», прижму тебя к своей груди.
Иди, дитя мое, скорее подойди ко мне!

69. Хураим, увидев Рустамбека, попыталась подняться с места и пойти навстречу Рустаму, но у нее не было сил встать.

А Рустам ходил, оглядывая мертвецов. [Вдруг] до него донесся голос, взывавший: «Сын мой Рустам, мой ягненок, мой верблюжонок!» Рустам поднял голову, посмотрел в одну сторону, в другую сторону. Он понял, что мать, должно быть, жива. А под виселицей лежала ничком его мать. Она приподнялась, простерла руки и звала: «Рустам!».

Когда Рустам увидел мать, он подбежал к ней и стал говорить такие слова:

¹ Букв. «Пусть кружится твоя мать такая, как я, над станом твоим».

70. О муки и страдания, что выпали мне!
Не мать ли это моя, которую мучили палачи?
Не в силах я вынести стоны матери моей.
Не ты ли это, любящая [меня], «Рустам!» звала?

Промолвив это, он к ней подошел,
Он был готов ко всему.
Хураим приподнялась, застонав,
Сказала: «Дитя мое!» — обняла и прижала его к своей груди.
Встретились друг с другом любящие сын и мать,
В лицо своей матери посмотрел Рустам.
О ее состоянии расспросил.

«Матушка моя, в неведении я в келье пребывал,
А сколько мучений причинили тебе палачи!
Матушка моя, сколько дней в унижении ты провела!
До меня весть дошла после того, как тебя увели,
Я звал: „Матушка моя!“, с нетерпением ждал [встречи
с тобой],»

Погибли палачи, мучившие [тебя].
Поздно узнал {обо всем}, потому и запоздал,
Думал: „Не умерла ли ты?“ Плакал я, о многом сожалел.
Теперь исполнились все заветные желания мои.
И я, единственное твое дитя, пришел и [тебя] разыскал.
Сколько радостных дней, что видела ты, безвозвратно ушло!
Живой, целой-невредимой, дорогая мать, тебя увидел.
Увидел, что счастье не отвернулось от тебя.
Матушка, речам своего сына внемли!
Извергов я не пожалел.
Матушка, хорошенько подумай и дай ответ:
Поедешь ли теперь в страну Акташ?
Воля твоя, матушка, спрашиваю [тебя]!
Если скажешь: „Да“, поедем вместе в Акташ».

71. Услыхала это мать Рустама и, обращаясь к нему, сказала:

Если речь обо мне, я не поеду в страну Акташ,
Век бы мне не видать твоего отца! Не хочу знать его.
Если вернусь, вспомню обо всем, что произошло,
Дитя мое, никогда прежней не стану я.
Если спрашиваешь меня, [говорю]: «Поищи-ка другую страну!»
Пусть будет проклят Акташ! Не хочу я туда.
В городе Акташе падишахом я была,

Сколько времени на престоле сидела я!
Перед людьми была оклеветана я,
В каких мучениях шла я сюда!
Под гнетом палачей тяжкие дни пережила,
Смертный час меня не настиг, избежала [смерти] я.
Зачем теперь мне ехать в Акташ?
Чем снова возвращаться к твоему отцу,
Лучше в любом городе буду нищей бродить.
Не стать ли нам странниками в другой стране?
Чем снова возвращаться в свою страну,
Разве не лучше мне на чужбине почить?
Пусть растают, пусть растают черные снега,
Пусть в земле тело насильника сгниет!
Сразила [меня] клевета твоего отца,
Твой изверг-отец со всем своим царством пусть пропадет!
Сын мой, для чего тебе ехать в Акташ?
Когда приедешь, к тебе перейдет престол твоего отца,
Твой отец — падишах, а дела его — клевета,
Однажды и тебя коснется клевета.
Что тебе делать в доме, [где живет] клевета?

72. Рустам уже возмужал, поумнел. Читая книги, он стал понимать смысл каждого слова. Он был сметливым, много размышляющим, очень умным юношей. Рустам понял все, что сказала его мать. Он был возмущен поступком отца и разочаровался в нем. Рустам согласился с матерью. Он сказал: «Мать, если так, пусть будет твоя воля. Ты все сказала мне, и я не поеду к моему отцу, не расстанусь с тобой. Живы будем — так на одном холме, а умрем — в одной яме [будем]. Теперь где бы ты ни пожелала остаться, и я буду там».

Рустам посадил свою мать верхом на холеного коня одного из убитых палачей. Они не знали, в какой город поехать. Сам Рустам тоже сел на коня и повел за собой борзых. Он сказал: «Матушка, есть такое изречение: „Впереди заблудившегося — только дорога“. Поедем-ка мы по дороге прямо вперед».

73. Вместе с матерью вот так по дороге едет Рустам,
Едет, незнакомую страну разыскивает он.
Конь оседлан, спокойно у [Рустама] на душе,
Неизвестно, к какому пристанищу едет он.
Свою мать взял в попутчики себе.
Удовольствие — беседовать с ней.

«Мать,— сказал он,— в какие поедem края?»

Пока неприкаянные мы, [но потом] будем, [как люди все].
В конце концов свое место в мире найдем.
Отчаявшись, свою страну покинули мы,
Проехали столько необозримых безводных степей!
Матушка, в этих степях ты стала другом [мне].
Куда б ни отправились, всегда будем вместе мы».

Говоря это, ехал по дороге Рустам.
Долго ли, коротко ли едет он на быстром коне,
Летит [его конь], во все стороны смотрит [Рустам],
Не видит он человеческих следов.
Понукая коня, едет теперь Рустам,
Много времени ехал, минуя пустыни, озера!
Ничего не видел — ни темных деревьев, ни людей.
Бек Рустам приблизился к покрытой зеленью горе,
Эта гора была беспредельно высока.
Он остановил коня, на котором сидел верхом.
Рустам сказал своей матери несколько слов:

«Дорогая матушка, дай совет!
Уже сколько дней не знаем покоя мы.
Устроим отдых, заночуем-ка на этой горе!
Оказывается, она высока, поднимемся на вершину горы,
Мать, доволен я тем, что послала [нам] судьба!
Поднявшись на гору, посмотрим во все стороны,
Если в какой-нибудь стороне будут видны люди, поедem [туда],
Не оставаться же нам вот так бездомными в пустынной степи,
Дорогая матушка моя, теперь [же] дай совет.
Дорогая матушка, давай переночуем сегодня на этой горе?»

74. Выслушав эти слова, мать Рустама обратилась к нему и промолвила:

Дитя мое, очень опасное место — эта гора,
Здесь пристанища для ночлега не ищи!
Как подумаю, сердце мое огнем горит.
Нельзя останавливаться здесь на ночлег.
В этих местах логово барсов, дорогое мое дитя!
Дитя мое, чтоб пропасть мне — горемычной матери твоей, —
Очень много барсов водится в этих краях.
Ты ведь один. Разве осилишь их?
Пусть не учуют барсы, что здесь остановишься на ночлег.
Пусть не придут и не устроят тебе черные дни!

Чтоб пропасть твоей матери,— не случилось бы беды!
Сначала подумай, на этой горе не останавливайся на ночлег.
Ты ведь один, дитя мое, самонадеянным не будь!
Дитя мое, не переоценивай силы свои.
Никогда благоразумия не теряй!

75. Рустам, выслушав эти слова, сказал: «Мать, не поступай по-женски! Ты ведь и в глаза не видала барсов, о которых сейчас говоришь. Не расстраивайся, не пугайся барсов, которых и не видно. Мать, не говори мне так часто, что я единственное твое дитя. Не печалься зря по пустякам!». Рустам повел свою мать на гору, и там они остановились на ночлег.

Едва забрезжил рассвет, Рустам встал и поднялся на вершину горы. Он посмотрел во все стороны, но нигде не было видно ни города, ни обжитых мест. Посмотрел наверх — солнце всходит, посмотрел в сторону киблы, и в стороне киблы тоже всходит солнце.

Рустам подумал: «В наших краях было одно солнце, а здесь, оказывается, бывает два солнца! Спускаюсь и спрошу-ка об этом мою мать!»

Он спустился с горы, пришел к своей матери и сказал: «Мать, в наших краях солнце всходило с одной стороны, а здесь, оказывается, восходит с двух сторон. Солнце, что поднимается над нами,— обычное наше солнце, а солнце, всходящее со стороны киблы,— чье оно?»

Хураим, услышав это от Рустама, сказала:

76. Солнце, поднявшееся над нами, это солнце божье,
А то, что показалось с края, это — обиталище дивов *,
Дивы были влюблены в Офтобой *,
Вокруг ее крепости соорудили золотой арык.
Когда всходит солнце, в нем отражаются солнечные лучи,
Подобно солнцу, сверкает он.
На горе Бахра обиталище дивов, дитя мое.
Вот так благоустроили они эти места!
Внутри [крепости], если посмотришь, есть несколько дворцов,
Это всем известное местопребывание дивов.

Не удивляйся, думая, что это солнце сверкает,
Его лучи ослепят твои глаза издалека,
Такой ягненок, как ты, несведущ в подобных делах.
Офтобой, о которой я говорю,— шахская дочь,
Сколько было там споров у дивов [из-за нее]!
У некоторых голова слетела с плеч,
[Много дивов] передрались, разрушилась крепость их.

«Офтобой сюда приведем! — думали они.
Эта крепость построена для Офтобой». Дитя мое, ты думаешь, что это солнце, не разобрался ты, По молодости лет свою мать несведущей [не считай]. Удивительная крепость стоит на горе Бахра, Сколько мастеров работали [здесь] много лет! Там проявилось все [их] мастерство, Из стали сделаны зубцы на крепостной стене, А ворота — из золота и из яхонта. Вот что соорудили дивы на горе Бахра! А ты, Рустам-джан, думаешь, что это солнце и спрашиваешь меня.

77. Тут Рустам сказал: «Матушка, я [такого] не только не видывал, но и не слыхивал. Ты говорила о дивах, а если посмотреть на эту крепость, то она построена наподобие жилища людей. Если ее и облюбовал кто-то, то это, должно быть, человек».

Мать Рустама сказала: «Дитя мое, это не человек, [хотя] человек и бывает во многих нехоженных местах. [Див] — это огромное, грозное и злое существо. Если человеку привидится даже во сне, он сойдет с ума».

Рустам сказал: «Мать, что ты говоришь? Если там не человек, а очень злое существо, и человек, не выдавший его наяву, если увидит его во сне, сойдет с ума, то почему же эти места понадобились именно такому существу? Мать, сядем-ка на коней и подъедем к этой крепости. Мы слыхали [о дивах], а видеть не видели. Если крепость именно такая [как ты рассказываешь], то каков же ее хозяин? Поедем туда и посмотрим!»

Мать Рустама сказала: «Дитя мое, там живет много могучих дивов. Если придешь туда, тебе не сравняться с ними. Позабудь о тех дивах!»

Рустам сказал: «Мать, не сбивай меня с пути! Что бы там ни было, поедем, посмотрим. Какое бы это существо ни было, не станет же оно ни с того, ни с сего душить человека, который и словом не обмолвился, а пришел только, чтобы посмотреть». Сказал так Рустам и собрался в путь.

Хураим пожалела сына и не смогла ему перечить. Мать и сын сели на коней и повели за собой борзых. Они направились к горе Бахра.

78. Вот едут они. По пути перевалили несколько седловин, прошли через узкие горные проходы и, приближаясь к горе Бахра, спустились с вершины. Видят: оказывается — это рабат*. Вокруг него проведен арык из золота, двери и пороги дворца яхонтовые, отделанные драго-

ценными камнями. Когда солнце всходит, человек не может смотреть — так все сверкает.

Рустам не повернул назад. Он повел за собой мать, открыл [ворота] и вошел внутрь. Смотрят — крепость, все помещения расписанны, всюду террасы, беседки и чудесные дворцы. Внутри расположены пятьсот бассейнов, окутанных дымкой. У бассейнов разложены красивые одеяла и расставлена разная домашняя утварь, словно кто-то только что здесь был: и арак *, и вина, и даже остались следы от пролитого вина. Не было ни души. Яблоки созрели, а те, что совсем пожелтели, падали вниз — шлёп-шлёп. Не было никого, у кого можно спросить, где же хозяин всего этого. Большая супа * была sprыснута водой, перед ней посажены цветы, вязаы высажены, как напоказ, а в их тени собрались все птицы со своими маленькими птенцами, даже горлинки и птенцы совы. Аиста сделали музыкантом и заставили его петь.

Рустам сказал: «Мать, ты говорила, что здесь дивы. А здесь нет ни дива и ни одной живой души. Вот аист ведет сладкоречивую беседу со всеми птицами. Оказывается, это большая крепость. Где бы нам отыскать ее хозяина? Как бы то ни было, спросим у аиста, он знает обо всем» — и стал говорить такие слова:

79. Сорок тысяч кустов алычи, сорок тысяч кустов граната.

В вашей тени, в прохладе беки отдыхают.

Ты ведешь беседу со всеми птицами.

Это великолепные места — чьи они?

Большая супа sprыснута водою,

Вокруг нее посажены чудесные цветы,

Разных видов птицы слетелись сюда,

Разукрашенные помещения — чьи они?

Среди птиц сидишь, распеваешь ты,

Самая длинная шея у тебя, ты над всеми взял верх,

Ты знаешь [много] песен, больше других птиц.

Беседки и террасы для отдыха — чьи они?

Моя мать, бедняжка, ставшая спутницей моей,

Она о дивах рассказала мне.

Аист, хочу спросить тебя:

Чудесный цветущий сад — чей он?

Вот в горах крепость сооружена,

А на этой горе нет того, кто эту крепость соорудил.

Сколько сокровищ на крепость пошло!

Кто же здесь в свое удовольствие живет?

Я совсем не посвящен в эти дела.

Птица, я спрашиваю тебя. Ответь!

Ты, аист, самая сладкоречивая из всех птиц!

80. Но ни одна из птиц не прислушалась к словам Рустама. Аист не перестал петь, а другие птицы — щебетать.

Рустам сказал: «Мать, ты не знала, а сказала, что это обиталище дивов. По твоим словам див — это дурное существо. Что здесь делать дивам? Бог узнал, что мы разлучены с родиной и послал нам с тобой это пристанище. Никто из других людей, кроме тебя и меня, не имеет на него права».

Сказал так Рустам и сошел с коня. Накормил борзых и коней. [Здесь] ни в чем не было нужды. Было все, что угодно, были всякие фрукты. Рустам отпустил коней пастись, и вместе со своей матерью остался там.

Рустам стал бродить в горах и охотиться. Он приходил с добычей, а мать готовила еду. Так прошло сорок дней и сорок ночей. Ни див и ни одно человеческое существо — никто не пришел и не сказал: «Это было наше жилище». И [крепость] пришлась им по душе, стала для них как бы родным домом. У Рустама не было и в мыслях уступить ее, даже если бы кто-то явился и сказал: «Это мое жилище».

Тем временем прошло еще несколько дней.

81. Однажды мать Рустама сказала:

— Сын мой, ты бываешь на охоте, много бродишь в горах. Не видать ли поблизости какой-нибудь страны, так что можно было бы поехать туда и вернуться? Что если ты попробуешь съездить туда? Мы с ног до головы грязны, и веки у нас опухли оттого, что едим пищу без соли. Отправился бы ты и раздобыл бы соль и мыло!

Рустам ответил:

— Вчера на охоте, когда я посмотрел с вершины одной высокой горы, у подножия горы виднелось темное дерево. Но далеко ли оно или близко, я не узнаю, пока ты не скажешь, чтобы я поехал туда.

Мать Рустама сказала:

— Если ты поедешь туда, когда же вернешься?

Рустам ответил:

— Если я выеду на рассвете, то, думаю, вернусь, когда стемнеет.

Мать сказала:

— Опасные эти места. Во что бы то ни стало поезжай днем и днем возвращайся! Если ты запоздаешь, как бы не пришел хозяин этих мест и не попасть бы мне в беду!

«Ладно», — сказал Рустам и, так посоветовавшись с матерью, лег спать. На рассвете Рустам встал, оседлал коня, сел верхом на лихого скакуна. Оставив свою мать и двух борзых на горе Бахра в Акрабате*, Рустам отправился в путь.

82. Крикнул «Чу!», ударил [коня] кнутом,
Отправился в путь Рустам,

Держит свой путь Рустам,
Соль и мыло разыскивает он.

Полон рвения Рустам.
Едет он по горам,
«Вернуться бы до вечера!» — думает,
Торопит своего верхового коня.
Темное дерево, которое видел он,
Рустам ищет, по дороге едет он.
Посмотрел на солнце Рустам:
Приближается время к полдню.
«Доехать бы сегодня», — подумал он,
Ударил коня, на котором сидит верхом,
Лихого коня он хлещет кнутом.
На зеленые горные луга
Скотоводы выгнали овец,
Понукая непослушных,
В гурты сгоняют их.

Когда приблизился полдень,
[Рустам] был у подножия горы.
Вот так держал свой путь Рустам,
К юрте приблизился он,
На эту юрту посмотрел,
Храбро подъехал к ней:
«Это жилище какого-то бая», —
Про себя подумал он.
Вот так держал свой путь Рустам,
Доехал до юрты он.

83. Рустам подъехал, говоря про себя: «Это, видимо, жилище скотовода, который ушел пасти скот. Он поставил ее [юрту] у подножия горы на пастбище. Возле юрты нет следов скота. С тех пор как была поставлена эта юрта, скот совсем не приходил [сюда]».

Не сходя с коня, он посмотрел через порог юрты. Видит: [а там] девушка удивительной красоты! Красота ее, словно затмила солнце. Кто увидел бы ее красоту, стал бы подобен [человеку], лишившемуся чувств и свалившемуся с коня. Руки ее были связаны за спиной, а волосы привязаны к каркасу юрты. Рустам, увидев это, удивился. Он подумал: «Оказывается, и так случается, что даже такого человека свяжут и бросят в безлюдной пустыне, в местах, где и живой души не бывает. Чем долго размышлять, лучше спрошу ее и обо всем разузнаю». Он стал говорить такие слова:

Стан твой — алиф *, талия тонкая у тебя.
Расскажи мне, в каком краю выросла ты?
Разве некому о тебе разузнать?
Какой подлец привязал тебя здесь?
Скажи, кто же связал тебя?
Какой человек муки тебе причинил?
Кто обидел чистый цветок, такой, как ты?
Сойти ли с коня? Развязать ли руки тебе?
Расскажи мне теперь, кто связал тебя.
Красавица, как ангел, с лицом, как цветок,
Человек, увидавший тебя, теряет покой,
Твоя красота затмевает солнце и луну,
Почему стала пленницей? [Почему] связали тебя?
Что ты натворила в своей стране?
Неужели тебя на смерть обрекли?
Неужели ты пострадала из-за клеветы?
Скажи, какой же глупец связал тебя?
Назвала бы мне край, где беззаботно росла!
Как твое имя и как зовется твой род?
Раскрыла бы мне тайну свою!
Если дашь ответ, руки тебе развяжу!

84. Девушка, услышав это от Рустама, связанная, стала отвечать с того места, где лежала. Вот что она говорила:

Ты — цветок, распустившийся весной в саду,
Для отца и матери ты — душа и сердце их,
Дорогой бек, ты сюда пришел, не ведая ни о чем.
В опасном месте ты не кружи,
Если останешься здесь, не достигнув цели, умрешь.
Не лишил ли тебя разума бог?
Не настал ли твой смертный час?
В опасном месте ты не кружи.
Или тебя сюда твоя смерть привела?
Не спрашивай меня, как столб, не стой,
Немедленно уходи, не сворачивай со своего пути!
Срок настал — дни мои сочтены,
Уходи, как и я, здесь не умри!

Эти слова говорит такая несчастная, как я,
С минуты на минуту появится дракон,
Тогда ты не убежишь, не спасешься от него.
Ты должен немедленно отсюда уйти!

Когда явится он, все в прах обратит.
Фыркая, он втягивает [все] в свою пасть,
Неприменно погибнет всякий, кто окажется рядом с ним.
Даже такого барса, как ты, уничтожит он.
Немедленно уходи, здесь не стой!
Наш город дракон захватил,
На каждый дом налог — по одной девушке — наложил.
Меня связали, сегодня настал мой черед.
Долго не стой, уходи отсюда, дорогой бек!
Ты не раздумывай долго здесь,
Желаю тебе добра, зла не знай!
Моей красоте ты не дивись,
В пасти дракона погибнешь ты,
Не стать бы мне виновной в смерти твоей ¹!
Тоскую я при мысли, что умру,
Мое лицо, подобное розе, пожелтело, словно шафран,
Если в пасть дракона попадешь,
Останется без хозяина все достояние, что имеешь ты,
Твой отец и мать [в горе] волосы будут рвать,
Дорогой бек, уходи. Здесь не стой!
Страшен дракон. Что ты знаешь о нем?
Ты слышишь [меня]? Почему продолжаешь стоять?
Явится он и сразу набросится на тебя.
Когда втянет тебя, очутишься в пасти его.

85. Выслушал все это Рустам. Он хотел спастись сам, но ему было жаль бросить девушку. Не желал он отдать дракону ни в чем не повинную девушку, он сказал ей:

Вздыхаю — льются слезы из глаз,
Знай, разве отвернется от смерти храбрец?
Испугаться и отсюда уйти способен только трус.
Время настало. Другого подходящего мгновения не найти,
Не думай, что я намного дракона слабей.
С какой стороны явится сюда дракон?
Бедняжка, не горюй, думая, что ты умрешь!
Красавица, дорогу дракона [мне] укажи.
Дракон, о котором ты сказала, — это всего-навсего змей.
Какая же может быть сила у одной змеи?
Он совсем лишил смелости твой народ,
Он залил ядом всю страну,

¹ Букв.: «Не обвинили бы меня в твоей крови».

Не оказалось в твоей стране человека, чтобы его прогнать.
Змею [на съедение] бросили тебя.
Разве когда-нибудь случались подобные дела?
Неужели для дракона связали тебя?
Покажи дорогу, по которой приползет дракон.
Не огорчайся, печальная, из-за того, что я умру.

Покажу дракону, на что способен я!
На твоём пути свою голову сложу.
От дракона целой-невредимой уйдешь,
И тогда со своими родными увидишься ты.
С какой стороны явится сюда дракон?
Здесь наготове сокол стоит.
Не дрожи, бедняжка, змея не бойся ты,
Если уж суждено, поеду, заставлю гарцевать коня.
Укажи мне его путь. Ну и денек устрою ему!
Дракона на много частей изрублю.
Укажи мне к дракону путь!
Не буду медлить, на дракона пойду,
Дракону голову от туловища отсеку!

86. Девушка никогда не видела дракона собственными глазами. Но она увидела, какой Рустам богатырь, и описала ему дракона так, как рассказывали о нём люди. Рассказала и о страхе перед драконом, о котором говорил народ. И опять она долго уговаривала его вернуться назад, думая: «Оказывается, это добрый джигит. Как бы он не погиб!» Рустам сказал: «Говорят: „Храбрец от своего слова, как и тигр от следа [добычи], не отступает“. Я не страшусь, что дракон втянет меня в свою пасть и проглотит. Не раздумывай, укажи мне дорогу к дракону». Тут девушка промолвила: «Сколько я ни старалась, все впустую. Оказывается, и для тебя настал смертный час. Сочтены твои дни. Видно, тело твоё послужит пищей дракону». Сказала так девушка и указала на высокий холм. Она молвила: «Дракон появится с той стороны».

Как только она это произнесла, Рустам хлестнул коня кнутом и поднялся на возвышенность, что была перед ним. Смотрит, а дракон [выползает] из пещеры и глаза его горят, как пламя. Он фыркает и пышет огнем во все стороны. В тот же миг дракон стал погружаться в озеро Чархин.

Скачет дракон, втягивает все в свою пасть,
Ломаются с хрустом на озере камыши,
Фыркая, дракон втягивает все в свою пасть,

Заглатывает целиком воду озера Чархин.
Когда дракон фыркает и пыхтит,
Вселенную окутывает темная пыль.
Приблизился бек Рустам, и видит он:
Горные камни летят,
В пасти дракона исчезают они.
Грозно надвигается дракон,
Приблизился [к нему] силач Рустамбек.
В тот миг, когда дракон на Рустама наскочил и стал
втягивать в свою пасть,
Рустам выставил шест, сам себя удержал.
Ни на что не обращает внимания дракон,
Не смог тут выдержать Рустам-силач,
Стали сближаться они.
Тут издал клич кесарь Рустам.
Во всю силу издал клич Рустам,
Крик Рустама до дракона долетел,
От этого крика он оглох,
Поднятую голову прижал к земле,
Сжался он, хвост под себя подобрал.
Дракон обессилел¹. Понял это Рустамбек,
Выхватил меч, в руки его взял,
На огромного змея вышел он,
Змея по голове мечом ударил он.

Не страшась чудовища, сделал свое дело Рустам,
Рустам-кесарь дракона убил,
Убив недруга, возрадовался он,
Разрубил на сорок и одну часть, бросил его,
Из одного обрубка сделал длинный ремень.
Подумал: «Это доказательство, что дракон убит»²—и уехал он.
От удара Рустама дракон издох.
Стал он пищей для горных зверей.
Убив дракона, вернулся Рустам,
К девушке, оставшейся в юрте, подошел.
Девушка увидала: Рустам невредимый идет.
Бедняжка подумала: «Дракона не встретил он».
Вот какая мысль в тот миг у нее пронеслась.

87. Рустам, приближаясь к девушке, подумал: «Поверит. Вот доказательство»,— и бросил перед девушкой ремень из кожи дракона.

¹ Букв.: «Дракон лишился чувств».

² Букв.: «Это знак дракона».

Офтобой увидела ремень из кожи дракона и обрадовалась. Она поняла, что дракон убит, а Рустам остался невредимым. Рустам, сидя на коне, обратился к девушке и стал спрашивать ее:

Недруга твоего я убил,
Назвала бы теперь свою страну, где выросла ты!
Развязал бы я тотчас руки тебе.
Ты — доброго человека свет очей,
Ты — свет его очей и восхваляющее слово его.
Бедняжка, сейчас я спрашиваю тебя:
Чья ты дочь? Скажи!
На съедение дракона ты была обречена.
Сколько дней была связанной ты!
Сама не знала, когда умрешь,
В гнетущей тоске провела тяжелые дни.
Я не знаю, в какой стране выросла ты,
Теперь скажи мне имя твое.
Желаний своих не достиг, погиб дракон,
Ты осталась жива благодаря соколу такому, как я,
Лицо твое прекрасней солнца и луны.
Ты — с завитками у висков, освободилась от горя и печали ты.
Пришлось тебе горе испытать, но с драконом
не повстречалась ты,
Этому поганому не досталась ты.
Дракон повстречался мне у озера Чархин,
Перед чудищем трепетали многие города,
От дракона гибло много людей,
Среди них была беспомощная ты.
Теперь о народе своем расскажи,
Сойду с коня, развяжу-ка руки тебе.
Спрашиваю: где же твой дом?

88. Девушка выслушала эти слова Рустамбека и, связанная, стала отвечать с того места, где лежала. Обращаясь к нему, она сказала:

В день битвы богатырь натягивает свой лучший лук!
Громко рыдала я в те скорбные дни,
Вот тогда и послала мне судьба такого бека, как ты,
Бог даровал мне жизнь.
Зовут меня Офтобой.
Верно ты говоришь; я в стране моей
Отца и матери моих — свет очей,
Я дочь Хисровшаха из страны Буджил.

Бек, расскажу о себе.
От дракона погибло много [людей],
Сколько моих прислужниц проглотил дракон!
Настал черед и мой — знатной госпожи,
От меня смертельный напиток ты отвел.
Ты — сокол — от смерти меня спас.
Расскажу о себе. Выслушай меня!
Говоришь: «Тебя развяжу». Хан мой, сам не погибни ты,
Уходи сейчас же, не сворачивай со своего пути!
Пусть моя мать и мои родные придут,
Пусть придут и увидят, в каком состоянии я.
Если придут и развяжут меня, я поеду в свою страну,
Тебя — бека — я сама [потом] разыщу.
Поминки [по девушкам] для народа устрою я,
Буду жить, наслаждаясь, с ханом — с тобой,
Если суждено, оденусь в шелка, в парчу,
Буду покорна всему, что ни делает бог —
В своей стране другого не изберу,
Полюбила тебя из всех других, замуж [за тебя] пойду.
В тяжелые дни ты участие принял во мне,
Согласна я стать [твоей], буду принадлежать тебе.
Хан мой, не развязывай рук мне — погибнешь ты!

89. Услыхал это [Рустам], послушался девушку и, не слезая с коня, не взглянув на брошенный им на землю ремень, поехал своей дорогой. Ведь с самого же начала он ехал за солью и мылом! Сколько воды утекло с тех пор! Темное дерево, которое он видел с горы, на самом деле оказалось городом Буджил. [Рустаму] казалось с горы, будто оно близко и виднеется сквозь туман, но до сих пор он еще не достиг этого места. Ехал он, торопился. Сколько озер, сколько стран, гор и пустынь проехал он! И, наконец, достиг города Буджил.

Подъехал, смотрит, город Буджил такой: дувалы * только что выкрашены, одежда у всех синего цвета ¹. Никто не разговаривает, никто не сводит счеты друг с другом. К кому бы Рустам ни обратился, никто не слышит его. Рустам подумал: «Неужели в этом городе все поголовно немые?» Удивился он и направился к мелким торговцам. Он спросил соли и мыла. Сам спросил, сам взял [товар] — никто не слушал, что он говорит. Рустам удивился: в городе никто не разговаривал. Рустам не понимал, что же это означает. Тогда он поехал

¹ Темно-синий цвет был траурным цветом (по всей вероятности, в доисламский период). Этот цвет (наряду с черным) упоминается и в тюркском эпическом цикле «Китаб-и Коркут», отдельные элементы которого можно отнести к эпохе патриархально-родового общества у среднеазиатских народов (до IX в.).

к крепостным воротам. Видит: сидит старик [весь] с ног до головы в синем, посох, что в руках,— тоже синий. Рустам подумал: «В руке у него палка и сидит он у ворот. Никогда еще падишахи не назначали стражником немого. Попытаюсь-ка я расспросить его. Наверняка у него должен быть язык». Рустам стал спрашивать у стражника о том, что происходит:

90. До самого судного дня сражаются храбрецы!
Превратности судьбы — божьи дела!
Да не будет в растерянности такой храбрец, как я!
Стражник, отчего вы такие все?
Если вымольвлю слово, хмуришься ты,
Все вы в траур одеты, не только ты один.
Вы удивляете тех, кто приезжает издалека.
Что нашло на вас? Не разговариваете вы!
Стражник, отчего вы такие все?
Удивленный, спрашиваю — что случилось с тобой?
Если есть у тебя язык, дай мне ответ!
Увидел твой народ и удивился я,
Не огорчай же меня ¹!
Удивленный, я обращался ко всем.
Если есть у тебя язык, дай мне ответ,
Старик, о своем древнем городе расскажи.
Стражник, отчего вы такие все?

91. Услыхал это стражник и, обращаясь к Рустаму, стал говорить:

Ты как лазутчик с той стороны пришел,
Если дадут знать Хисровшаху, умрешь,
Прикинувшись неосведомленным, расспрашиваешь меня.
Уходи, пришелец. Что ты делаешь здесь?
Ты не знаешь теперь, что тебе предстоит,
Нечистое отродье, потише кричи!
Если узнает мой шах Хисров, голову тебе отсечет,
Вздернет на виселицу — такое тебе предстоит!
Наш народ ты здесь не подстерегай,
Став лазутчиком, обо мне не разузнавай.
Сейчас же, не мешкая, из города уходи!
Уходи, лазутчик, не задерживайся здесь!
Молод, а уже шпионишь ты,

¹ Букв.: «Не разрушай крепость моего сердца».

Пришел, чтобы тайну [моего] народа узнать,
Прикинувшись неосведомленным, расспрашиваешь меня.
Уходи, пришелец! Что ты делаешь здесь?

92. Так сказал старик. Его слова сильно задел Рустама. Он вспыхнул, как огонь, и, хлестнув коня, подъехал к старику. Преисполнился отвагой Рустам и вскричал:

Да хранит мой бог невредимым божьего раба!
На душе твоей, оказывается, горестный туман.
Сомневаешься во мне и думаешь, что лазутчик я.
Не говори так, бессовестный старик!
Устремляется к звездам¹ конь, на котором сажу.
Сверкает на моем поясе острый меч.
От таких слов я в ярость прихожу.
Ты, старик, говори да придержи свой язык!
А то у ворот будет лежать твой труп.
Ты задел меня тем, что лазутчиком назвал,
Нечистое отродье, знаешь, кого лазутчиком зовут?
Подумай, разве лазутчик бывает такой, как я?
Разве он придет и станет расспрашивать тебя?
Если я рассержусь, такое тебе покажу!
Ты [меня] лазутчиком не называй,
Дорогую тебе голову от тела отделию,
Твой род и твоих родственников плакать заставлю я.
Старик, знаешь ли ты, что сказал?
Что, если сделаю сиротами твоих детей!
Лазутчиком назвал — так опозорил меня.
За эти слова следует тебя убить.
Разве шпионит такой человек, как я?
Неужели бывают такие глупые мысли у тебя?
Ты состарился, у ворот сидишь,
Долгое время своему падишаху служишь ты!
Глупец, ну и наловчился ты болтать!
Не называй меня лазутчиком, старик, не то умрешь,
Увидишь потом «лазутчика» дела!

93. Услыхав это, старик подумал: «Оказывается, он большой храбрец! Под ним лихой конь, на боку у него острый меч. Если я снова буду с ним так говорить, он выхватит из ножен меч и опустит его на мою голову. Каждый боится за себя, а до меня никому и дела нет! Если я

¹ Букв.: «Целится на звезду».

умру, то никто и не узнает о моей смерти. Я старый человек. Кто приказал мне биться с ним как равному с равным? Разве Хисровшах предписал мне: „Разузнай, кто из приходящих в город людей друг, а кто враг?“ Этот человек разговаривает со мной, как сановник. Повстречался я с опасным человеком. Разве мне разрешено разговаривать так, как я разговаривал с ним? Скажу ему всю правду и провожу его». Подумал так старик и сказал несколько слов:

94. Ты храбрый джигит, дитя мое, послушай меня!
Эй, джигит! Ты о моем народе спросил,
Поведаю тебе обо всем, что пережил.
Выслушай, дитя мое, все, что у меня на душе.
Однажды с горы Бабатаг * явился дракон,
Семь лет пытались люди биться с ним,
Много погибло людей за семь лет.
Вот как силу свою показал дракон!
Потом дракон захватил наш край,
Поговорили тогда [люди] и договорились с ним.
Дань — в день по одной девушке — назначил он.
Много погибло девушек в пасти дракона,
Теперь подошел черед Офтобой.
Дочь нашего падишаха связали тогда,
Дракон проглотил ее, погибла Офтобой.
Падишах так народу повелел:
Торговлю, все разговоры прекратить,
Все люди носят траур по Офтобой.
Смотрю на твое лицо — раскрывшийся цветок,
[Ты] — соловей, выпорхнувший из цветника.
Пришел и о моей стране спрашиваешь ты.
Вот какова судьба ¹ моей древней страны.
Ладно, если хочешь, въезжай в эту страну!

95. Услышав это от старика, Рустам сказал: «Старик, разве ты не мог ответить так раньше вместо того, чтобы болтать, думая такое и мучая себя?» Сказал так Рустам и въехал в крепость.

Наступил вечер. Рустам пришел в караван-сарай под названием Аксарай * и заночевал там. Теперь Рустам все понял. Если хочешь купить что-нибудь, то вытаскиваешь из кармана деньги, а продавец молчит. Тогда указываешь рукой и дают [товар] по деньгам. Ведь по приказу падишаха купля-продажа и всякие разговоры были прекращены. Все знали, что повсюду снуют лазутчики и осведомители. Осведомители

¹ Букв.: «смысл».

давали знать падишаху, если узнавали, что в таком-то городе кто-то с кем-то вел куплю-продажу, разговаривал, заключал сделку. Падишах повелел хватать таких людей и вешать на виселице. Опасаясь за свою жизнь, никто и не разговаривал. Рустам остановился в Аксараяе. Он размышлял: «Ведь моя мать с борзыми давно ждет меня и думает: „Он сегодня не вернулся“, а торговля начнется только на второй день в полдень».

Рустам провел ночь в Аксараяе. Наступило утро. Мать Офтобой, поднявшись со своего ложа, направилась прямо к трону. Она предстала перед падишахом Хисровом. Обращаясь к Хисровшаху, его жена сказала такие слова:

96. Я спала. На рассвете сон увидала,
Во сне странные вещи я увидала,
Видела, что возрадовалось мое бедное сердце,
Видела, что дракон будто бы умер,
Будто моя дочь Офтобой жива осталась,
Будто бы сокол прилетел из какой-то страны,
Будто сокол вонзил когти в дракона,
Будто в когтях сокола дракон умер.
Вот что привиделось мне во сне!
Будто все страны возликовали,
И каждый спокойно своим делом занялся.
Будто этот враг — дракон уничтожен.
Обрадовалась я сну, терпение потеряла,
Шесть месяцев дракон заправлял в твоём государстве,
Много мы видели зла, натерпелись страха от дракона,
На твоей голове — венец властелина,
А дочь моя Офтобой — твоё единственное дитя.
Узнай, что с Офтобой случилось?
Послушай, что я во сне увидала!
О дочери своей разузнай непременно.
Неспроста я этот сон увидала.
Не теряй времени, разузнай о своей единственной!
Пусть она в одиночестве не плачет,
Пусть не печалится, не горюет.
О своей дочери Офтобой разузнай, хан мой!
Пусть нас не упрекает, что осталась одинокой!

97. Хисровшах, услышав это, собрал своих приближенных и стал говорить такие слова:

«Среди вас есть ли такой удалец, [который]
Набрался бы смелости и на майдан * вышел!

Сослужил бы службу, мои дары получил бы!
Кто бы весть о драконе принес [мне]:
Жив ли там дракон или умер?
Кто пошел бы и на дракона взглянул?
Ну-ка, сановники, разузнайте,
Кто окажется храбрецом, сами узнайте,
Пойдите к народу, в город, [всех] известите,
И все пусть услышат. Глашатая пошлите.
Не вызовется ли храбрец из народа?
Кто бы ни был тот храбрец, его приведите».

Так сказал падишах сановникам.
Сколько воинов коней оседлали!
Они взывали, но никто не издал ни звука —
Никто не сказал: «Я пойду на дракона!»
По призыву шаха народ собрался,
Тогда Хисровхан стал всех опрашивать.
Когда о драконе заговорил он,
Все отшатнулись от своего падишаха.
Много здесь собралось народу,
Внизу у трона люди толпились,
Друг с другом они совет держали:
«Падишах посылает нас на смерть —
Обещает дары, уговорить старается.
Тот, кто поедет, от дракона погибнет,
Тот, кто поедет туда, живым не вернется.
Зачем дары ему после смерти?»
Все дивятся тому, что падишах замыслил,
Тому, что сказал: «Жив или мертв дракон — разузнайте!»
Кто же поедет, чтобы разузнать о драконе?

98. Люди выслушали слова падишаха и подумали: «Разве подойдешь близко к дракону, чтобы узнать, жив он или мертв? Что он — приятель, что ли, твой в городе, с которым ты ведешь дружеские беседы? Он — огромный змей. Как только увидит несчастного, втянет его в свою пасть. Человека, который подойдет к нему, он втянет в свое нутро вместе с конем. Он заглатывает все». Так никто и не издал ни звука, не сказал: «Я поеду!»

Падишах стоял на своем: «А известили ли вы также тех людей, которые очень нуждаются в деньгах? Тех, кто влачит свои дни в нищете, или игроков в азартные игры, или любителей перепелиных боев, живущих только своим занятием? Нет ли среди них таких людей, кому

жизнь надоела и кто не будет раздумывать, умрет ли он или же останется в живых, если пойдет [к дракону]?»

Придворные ответили: «Все известные нам такие люди тоже слышали, но никто из них не вызвался. Не было человека, кто бы оседлал коня и сказал: „Я храбрец!“ Что можно ждать от таких людей, которые ни разу в жизни не надевали хорошей одежды, на чьих плечах никогда не было нового халата и кто не только на коня, но даже и на ишака не садился?»

Один человек, занимавший самую низкую должность у падишаха, сказал [придворным]: «Уж очень вы бойко отвечали на все вопросы. Если вам лень, я извещу их! Говорят: от трубача исходит один пустой звук». И сказав это, он сел на коня и поехал, чтобы [всех] оповестить.

99. В те времена был такой обычай: одного человека назначали главным среди бедняков и называли его «староста нищих». Если и грешил какой-нибудь бедняк, он получал у него отпущение. Если появлялся человек, странствующий из края в край и неизвестный падишаху, то, когда никто другой не давал ему пристанища, он разыскивал старосту, а если не найдет, староста нищих сам приглашал его и говорил: «Этот — из наших».

Жил тогда один человек по имени Тогай. Бедняки провозгласили Тогаю своим старостой. Он стал главным над нищими.

Тогай был такой человек: варил свеклу в бане на золе, ел ее вместе с друзьями, развлекая их своими разговорами. А если кто-то найдет пять тенги, он говорил: «Это — наше общее богатство» — и делил эти деньги между всеми. Никто из сытых людей к ним не хаживал. И бедняки тоже, несмотря на такое свое положение, богатых людей, имеющих халат и коня, за людей не считали, не удостаивали своим вниманием.

Тогай делал всякую работу. Иногда разжигал в бане огонь и на это жил. Не зарился на чужое добро, никому не причинял вреда, дружил с теми, кто был бедным, угождал им. Он не сворачивал с пути праведного, кривым путем не шел, воровства не знал и в жизни не помышлял о преступлении. Не носил он нового халата, кроме старого — с сорока заплатами, другого не надевал, не только на коне, но даже и на ишаке не сидел, всю свою жизнь пешком проходил — вот какой был человек.

100. Тогай лежал на боку и говорил своим нищим приятелям:

— Падишах приказал всех собрать и известить. Он, говорят, спросил, нет ли среди нас отважного как лев, кто рискнул бы пойти на дракона? Он, видите ли, не посмотрел на то, что мы нищие. А все наши бедняки сидят [дома] и понятия не имеют, чего хочет падишах.

Ему ответили его приятели:

— Ну, если он и оповестит, как же нам быть? Весь народ уже

собрался. А ведь и вы и все мы без халатов, а верховых лошадей мы и в глаза не видели. Какие же дела у него могут быть с нами?

Тогай сказал:

— Тот нечестивец, что приказывает идти к дракону, оказывается, сам дает коня и халат! Если бы меня известили и дали одежду и обувь, доброго коня и хорошее оружие, я поехал бы к дракону, сослужил бы эту службу падишаху. Если сдох [дракон], принес бы известие о его гибели, а если жив, то, набравшись мужества, отсек бы ему голову от туловища. Но если дракон жив, а тот, кто пойдет на него, не сможет принести ответа, то это нечистое отродье, этот ядовитый кусок поднимется на весь город, и тогда снова для нас всех начнутся черные дни. А чего бояться падишаху? Так или иначе, он спасется. Еще говорят, что падишах сказал: «Тому, кто убьет дракона, отдам свою дочь». Если я поеду, сражусь¹ и убью дракона, то будет не удивительно, что я получу в жены дочь нашего падишаха и стану его зятем.

Тут приятели Тогай сказали:

— Если так будет и вы заделаетесь большим человеком, наверное, и не станете разговаривать с нами и здороваться?

Тогай ответил:

— Напрасны ваши опасения! Когда падишах отдаст мне государственную власть и все блага, какие только бывают в жизни, и свою дочь, такую, как Офтобой, я ни минуты не буду жалеть о том, что сидел тут и вел с вами разные беседы. Когда убью дракона и возьму в жены дочь падишаха, она будет всем нам готовить чай. Она будет с нами всю свою жизнь. Я не пойду в покой Хисровшаха, хоть и женюсь на его дочери. Я не смогу быть с ним приятелем. Он никогда не будет с нами заодно. И хотя он не знает других слов, [кроме] «Разве есть разум у нищих? Если бы они были умные, разве не выдвинулись бы и не стали богатыми?»,— но это он не решится сказать. Ведь эти слова мне не по душе. С такими людьми мы никогда не споемся. Это — знатные люди, они разбогатели и в жизни своей не знали нищеты. Такие люди говорят все, что им угодно. А мы живем в нищете, в лишениях, в бедности. Если даже все сбудется, я не забуду своей нищеты и лишений. Ни с кем не буду разговаривать высокомерно.

Его приятели сказали: «Тогай-ака*, что ж — увидим, когда вы станете большим человеком!» В это время прибыли глашатаи — слуги падишаха. Они стояли, слушали и думали: «Пусть он кончит говорить. Потом мы поговорим!»

101. Не зная иного обращения с людьми, [слуги] подошли и схватили Тогай за локти. Бедняки узнали, что это слуги падишаха, и сказали про себя:

¹ Букв.: «столкнусь».

— Плохи дела! Тогай сочли преступником. Вот тебе на! Эти нечестивцы, оказывается, подошли и подслушивали. А мы столько всего наговорили! Пропади пропадом и шахская дочь! Теперь Тогай стал преступником ни за что ни про что.

Тогай сказал слугам:

— Ну, вы подошли и схватили меня за руки, а в чем я виноват?

Слуги ответили:

— Никакой вины за тобой нет! Ведь ты же говорил, что поедешь к дракону!

— Так что же, я виновен потому, что вызвался пойти на дракона?

Слуги ответили:

— Ни в одном из городов во всем государстве Хисровшаха мы не нашли человека, который бы сказал: «Я пойду на дракона». Своими ушами мы услышали, как ты сказал, что пойдешь к дракону. Пришли сюда и вот схватили тебя — шахская служба! Слов нет — страшен дракон. Не каждый решится пойти на него. Не легко согласиться на такое дело. Мы думали, сидя верхом на конях: «Как бы не испугался он и не убежал! Потом еще откажется от того, что наобещал». Поэтому вошли и схватили тебя за руки. Не бойся, твои давешние слова мы не передадим падишаху.

Тогай сказал:

— У вас говорят: «Какое может быть доверие к нищему — сбежит». Так вы разумеете. Но еще говорят и так: «Настоящий джигит от своего слова, как и тигр от следа добычи, не отступает». Я сам вызвался. Никто меня не принуждал¹. Бедняк как раз и не отказывается от своего слова».

Сказал так Тогай и поднялся с места. Слуги не поверили ему, сели на своих коней и, окружив Тогай, погнали его ко дворцу шаха.

Люди, видя, как гонят Тогай, стали говорить: «Видно, этот староста нищих провинился. Вот его окружили и гонят!»

Придворные спросили: «За что же его гонят? В чем он провинился?»

Слуги ответили: «Он говорит, что пойдет на дракона».

Эта весть дошла до падишаха. Падишах сказал: «Пусть его приведут сюда!» Слуги схватили Тогай и подвели к трону. Лицом к лицу предстал он перед падишахом. Вот что стал говорить падишах, обращаясь к Тогаю:

102. «Пусть пройдет горе твое и печаль!
Да будет домом твоим просторный дворец!
Поедешь ли к дракону, храбрец Тогай?»

¹ Букв.: «Никто на мою шею тяготу не положил».

Не печалься. Будь повеселей —
Дары падишаха получишь ты,
Готов ли свою службу сослужить —
Поехать и о драконе разузнать?
Стало мне известно, что ты говорил,
Будто ты сам пришел, готовый [мне] услужить.
Вижу, много усердия у тебя.
Если подобную службу сослужишь мне,
То будь моим сыном до самого судного дня!
Прикажу оседлать для тебя моего выхолненного коня,
Опясаю тебя моим острым мечом.
Опечалившись, я горевал.
К стольким людям я зывал!
Ни один удалец не вышел, отваги не проявил.
Вот я и обрадовался этим твоим речам.
Никто из тех, кто в моем государстве служил,
Кто получал от меня подарки и похвалу, —
А в моем государстве были могучие богатыри —
Никто из них такую отвагу не проявил,
Не знали раньше мы об отваге твоей,
Придворные ни во что не ставили тебя.
Сколько мужей из народа пришло!
А ты раньше не был оповещен.
Потом я сам решил [всех] оповестить,
Не устыжусь того, что я сделать решил,
Ты пришел сюда и дал хороший ответ,
Мне сразу пришлись по душе речи твои.
Скажи мне о решении своем.
Поедешь ли к дракону, храбрый Тогай?
Ну-ка, Тогай, свое мужество покажи!
Убей врага, отвагу прояви,
Обрадуй шаха, развесели.
Что бы ни случилось, свое мужество покажи!»

Эти слова говорит Хисровшах.
То, что сказал он, выслушал [Тогай].
Выслушав падишаха слова,
Тогай поведал обо всем, на что решил он:
«Прикажи, мой падишах, и отправлюсь я!
Если будет битва, выстою, не отступлю,
Узнаешь службу мою!
И если мне смерть грозит, а ты приказал
И не посмотрел, что нищий я,

Выполню [все], сердце не дрогнет мое.
Поехать решил я сам,
Выйти на дракона я готов!
Шах мой, если меня снарядишь, дашь оружие и коня,
Не буду раздумывать, в дороге не утрашусь.
К дракону направлюсь я,
Выйду на дракона, сделаю все, что смогу».
Выслушал такие слова Хисровшах,
Сильно обрадовался Хисровшах,
Он сказал: «Благоустрою я этот край!»
Вот так он подбадривал Тогаю-храбреца.

В тот же миг встал падишах и своими руками
На Тогаю хорошую одежду надел.
Тогай себя в новом облике бека увидал,
Надел со скрипом синие сапоги,
Тогай вот так осмотрел себя со всех сторон,
На голову шерстяную чалму повязал.
Все как положено сделал Тогай,
Талию свою опоясал златотканым кушаком.
Вот как этого старосту разодели!
Серого, как верблюд, коня, на котором скакал падишах,
Слуги оседлали и подвели к нему,
На пояс свой он повесил острый меч.

Поехал на битву с драконом Тогай.
Увидали в таком виде храбреца Тогаю,
Над Тогаем насмехаться стали:
«Удивительным глупцом стал наш падишах,
Нищему коня и одежду он дал.
Не отнял ли разум у падишаха бог?
Разве это дело, что на дракона он пойдет?
Околачивается в этом городе. Что здесь делает он?
Сделал ли что-нибудь [путное] твой староста Тогай?
В какие края [теперь] отправится он?
Продаст коня и вещи по высокой базарной цене,
В другом месте опять себе пристанище найдет,
Вместе с нищими вдоволь насытится он.
Конь нашего падишаха ни за что пропадет».

103. Дворцовая челядь увидела, что Тогай отправился в путь в таком снаряжении и стала шептаться: «Хисровшах, оказывается, потерял рассудок, он [совсем] помешался. Ведь этот нищий и одного дня

просуществовать не сможет. Ему ли тягаться с драконом? Падишах поверил в него, приказал посадить верхом на своего выхоленного коня и дал такую одежду! А тот как был старостой нищих, так им и остался. У него в этом городе даже пристанища нет. Дом построить — большое дело. Но этот человек даже не соорудил очага, чтобы вскипятить чай. Вот, оказывается, как нищие обеспечивают себя хлебом насущным! [Тогай] ни с того ни с сего стал обладателем богатства, словно оно свалилось с неба. В какую бы страну он ни поехал и если бы продал там эти вещи и хотя бы всю жизнь потом лежал, все равно не было бы конца [деньгам]», — так говорили некоторые.

Но Тогаю не было дела до их пересудов.

А другие люди говорили между собой: «Мы и не видывали раньше таких вещей, что на него надели, не видывали и такого коня, на которого его посадили. Мы не видели всего этого даже и у тех, кто побывал на самых оживленных торговых путях. Если Тогай станет продавать свои вещи, разве он знает цену им? Ведь любой понимающий человек даст ему немного денег и получит все обманом».

104. Едет Тогай, занятый своими думами. Те же [его приятели], что жили в доме для бедняков, стали говорить: «Наш староста поехал, чтобы показать свою храбрость. С чем же он вернется?» Смотрят: появился Тогай в халате, на коне, вооруженный и очень грозный.

Тут самые близкие его приятели, преклонявшиеся перед ним, подошли к Тогаю и стали говорить:

Не к добру вы сели верхом на коня падишаха,
Рискуете жизнью, странно вы поступили.
Мы слышали, что дракон очень страшен,
В растерянности мы преклоняемся перед вами,
Совсем голову потеряли, всю свою болтовню позабыли,
У нас есть еще надежда, что не уедете.
На прекрасного коня верхом вы сели,
Сослужить службу падишаху решили.
Для собравшихся здесь нищих
Вы предводитель. Если погибнете, судный день настанет!
Вас не будем сбивать с пути, [лишь] поплачемся богу,
Поднеся ладони к лицу, помолимся богу.
Поезжайте и от дракона невредимым вернитесь,
Глядя на дорогу, с нетерпением ожидать вас будем.
Пусть дракон вам судный день не устроит!
Вы едете, сами себе цель наметили.
Староста наш, Тогай, целым и невредимым возвращайтесь!

105. Выслушал эти слова Тогай и, **обращаясь к своим приятелям** сказал:

«Еду я. Знайте, служба важная у меня.
Обязательно помолитесь здесь за меня.
Если уж суждено, на дракона выйду я.
Если он мертв, весть о его смерти принесу,
Если дракон жив на той горе,
Я пойду, сражусь, не отступлю.
Если голову дракону снесу,
Увидит падишах, на что способен **храбрец Тогай**,
О моей службе узнает и он,
Как бы то ни было, а [в награду] крепость мне даст.
Послушайте, что говорит Тогай:
Если только достанется крепость нам,
Я миршабами * назначу некоторых из вас,
Сановниками сделаю некоторых из вас,
Пусть свое место найдет каждый из нас.
Крепости такое название дам:
„Крепость нищих“ ее назову.
Всех бедняков в ней соберу,
Дары падишаха между всеми поделю.
Если целым-невредимым сюда вернусь,
Мы все как один крепость будем просить,
И все как один соберемся в ней,
Богатство наше между всеми поделю.
Если от дракона целым-невредимым вернусь,
Порадуются моим делам друзья,
А враги сгинут, словно сгорев в огне!»

Услыхав это, [нищие] молиться стали,
Тогай с ними простился, отправился к дракону,
На регистане * у чарсу * гарцевать коня заставив,
В тот же миг Тогай уехал.
Предводителя нищих все знают,
Смеются тому, как **храбрец Тогай** едет.
Опьяненный ¹ **храбрец Тогай** в путь отправляется,
Едет он, так говорит сам себе во славу:
«В том городе Буджил и я стал человеком.
Еду верхом на тулпаре падишаха».

¹ Т. е. возбужденный. В эпосе — обычный эпитет богатыря, **выезжающего на битву**

На поясе у Тогай — острый меч. Смотрите!
Едет он, цель его — добраться до дракона.
Слушайте речи храбреца Тогай!
«С драконом столкнусь», — говорит он.
«А потом вернусь к дочери падишаха,
Если он жив, покажу ему, чего он и не видывал!
Ударю мечом и убью дракона.
Если связанная осталась цела-невредима,
Посажу на коня и привезу дочь шаха.
Заставлю согласиться со всем, что скажу [падишаху]».

Едет Тогай и такие слова говорит он,
Едет храбрец Тогай, и вот
На перепутье он очутился.

106. Тогай сказал:

«Я позабыл, что дорога в этом месте расходится, а дома-то у себя не расспросил о ней. Если я не разузнаю, как ехать, и отправлюсь по этой дороге, приведет ли она меня куда-нибудь или нет — я не знаю. Прошло уже четыре-пять дней. Что если я поеду, не зная пути, а падишах будет ждать меня и, не получив известия, скажет: „Он не вернулся!“ С зажиточного человека спросу не будет, а в бедняка каждый норовит бросить камень, наговорить зря, оклеветать. Если я замешкаюсь, а падишах, сидя со знатными людьми, проронит: „Нет известия от человека, который уехал к дракону“, — то найдется много людей, которые станут говорить падишаху: „Вы все еще думаете, что он приедет? Что, у него здесь загородная усадьба с садом, [ради которой] он приедет? Вы отправили его, подарив такое драгоценное оружие! Разве он вернется, если даже и остался жив?“ И смутят падишаха».

107. В это время Тогай заметил какое-то темное пятно. Он натянул поводья и остановил коня. К нему приблизился какой-то человек. Обратившись к нему, Тогай стал спрашивать о пути, ведущем в сторону дракона:

Выслушай речи храбреца!
Преисполненный отваги, из страны Буджил выехал я,
Сбил с пути, остановился здесь,
Если разгневаюсь, все могу сделать я!
Дал падишах мне [коня], подо мною гарцует тулпар.
У [народа] Буджила отнял смелость дракон.
Еду, добраться до дракона — моя цель.
В какой стороне он? Укажи дорогу мне.
Обрадовать бы мне страну Буджил!

Хисровшаху службу я сослужу.
Чтоб сослужить ему, выехал я верхом на его коне.
Пусть невзгоды минуют меня!
На какой горе обитает дракон?
Еду, о драконе спрашиваю я,
Конь, что подо мной,— настоящий тулпар.

108. Выслушав эти слова, человек сказал, обращаясь к Тогаю:

Думаешь, что эта служба — пустяк?
На поясе твоём богатырский меч,
Напрасно к дракону стремишься ты.
Разве не знаешь, что [там] лежит дракон?
Сколько пустых слов о драконе говорят!
Сам подумай, в уме ли ты?
Горы исчезают, когда он фыркает, втягивает [их].
Оседланных лихих коней он давит, словно комаров.
Зачем ты сам вызвался поехать к нему?

Слово «дракон» совсем не произноси!
Вернись назад, нечестивец, твой смертный час настал!
Не направляй в ту сторону своего коня,
Даже падишаху эти дела не по плечу.

Спрашиваешь о драконе, что хочешь сделать с ним?
Не безумец ли ты, что уехал из своей страны?
Что ж ты делаешь, погоняя кнутом своего коня?
У Хисровшаха сколько пушек и орудий есть —
Знаешь, снаряжение падишаха какво!
А сколько лет с драконом сражался он!
С тем окаянным в силе сравниться не смог.
Жилье, к которому подберется, с землёю сравниет [дракон],
За один вечер город заглатывает он,
Всякий так тебе ответит, кого бы ты ни повстречал.
По тому пути не ходи, счеты с тобой он сведет,
Кто с драконом столкнется, того дни сочтены.
Если перевалишь один горный хребет, дойдешь до него.
Когда перейдешь границу [владений] дракона,
Умрешь, ты сам навстречу смерти идешь.

109. Услыхал это Тогай и понял, что он на пути к дракону. Тогай подумал: «Спросил я его, а этот тупица, ублюдок говорит мне всякие

небылицы, говорит: „Вернись“. Должно быть, это человек, ничего не видавший, ничего не испытывавший».

Тогай сказал: «Ступай-ка, не сворачивай со своего пути, да и меня с пути не сбивай!» Тогай направил своего коня по дороге, ведущей к склону горы.

Тогда тот человек покосился на него и пошел дальше, бормоча про себя: «Что это за человек? Не сановник ли падишаха? Люди поговаривают, что будто бы дракон вот так заманивает из города одного-двух [людей] и хватает их. А если это как раз тот, чье имя узнал дракон, и заманил его при помощи заклинания? Он погибнет. Говорят: „Человеку, которого заманил дракон, сколько ни говори — вернись! — он не вернется, словно ему привиделась девушка“. Должно быть, этого человека тоже заманил дракон».

Тогай продолжал свой путь. Он поднялся на холм и осмотрелся. В том месте, где начинался спуск с горы, вблизи озера Чархин лежало что-то, поблескивая, будто бы горное ущелье свернули в скатку. Тогай сказал: «Теперь помолюсь-ка я, уповая на бога. Это, оказывается, лежит дракон. Пушу коня, ударю его разок-другой! Оказывается, дракон лежит себе преспокойно. Пока он меня не почуял, налечу на него, завою, как ветер. Как только подскачу, опушу меч на его голову. Если настал мой смертный час, умру. Будь, что будет!»

110. Своей скотинушке он мучение причинил,
Сорок один раз кнутом ударил по ляжкам коня,
Вместе с конем так и взвился в небо [Тогай].
Скачет, радуется Тогай,
Как отблеск невидимой молнии, изогнулся он,
За переднюю луку седла ухватился рукой.
Удивил его этот конь-тулпар.
К дракону подъехал [Тогай].
От его величины растерялся Тогай,
Ударил дракона мечом по голове.
Не вступил с ним в битву дракон,
И дракона не испугался он.
Через некоторое время натянул поводья коня,
Вплотную к дракону подъехал храбрый Тогай.
Как подъехал к дракону, увидел он:
Цели своей не достигнув, погиб громадный дракон.
Попробовал подсчитать [Тогай]:
Был изрублен дракон на сорок одну часть.
По заслугам дракон получил.
Не вынимая меча, Тогай к мертвому подскакал,
На старосту Тогая посмотрите теперь!

В тот же миг он слез с коня, потом снова сел.
Послушайте, что думает храбрец Тогай,
Направляясь к дочери падишаха своего:

111. «Оказывается, дракон погиб еще раньше. А разве может знать связанная [девушка], жив ли дракон или мертв? Обману-ка ее! Что она мне ответит? Если она согласится, развяжу ей руки, посажу на коня и увезу. Посмотрю, что она скажет. Что бы она ни сказала, так я и передам падишаху». Задумав такую хитрость, он погнал коня. Тогай подъехал к Офтобой. Обманывая ее, он стал так говорить:

Я — силач из страны Буджил,
Я стал слугой хана — твоего отца.
Показал дракону то, что и не видывал он!
Дракон цели своей не достиг, я убил его.
Теперь верну к жизни твою страну Буджил.
Сойду с коня, руки тебе развяжу,
Вместе со мною поедешь в Буджил,
Повидаешь свою мать и отца и оставшийся там народ.
Из-за дракона много мук ты перенесла,
Нет никого, кто бы справился о тебе.
О службе, что я сослужил, теперь узнай.
Руки твои развяжу, сядем на коня. Живи себе!
Сейчас и ты поедешь вместе со мной.
Сколько времени ты в унижении провела!
Ты в горести здесь сколько дней провела!
Одна-одинешенька, страдая, жила.
Дочь шаха, поедем со мною теперь.

112. Выслушала это Офтобой и, обращаясь к Тогаю, сказала несколько слов:

«Явился один сокол из какой-то страны,
Налетел сокол, когти в дракона вонзил.
Слава отваге его!
В когтях сокола дракон погиб!
Сам знаешь, что ты лжешь,
Меня обманываешь ты.
Подло никогда не поступай.
Ты знаешь все, ну и хорошо!
Если ты храбр, время попусту не трать —
Немедленно отправляйся отсюда в путь,
Дай знать моему отцу, что я жива,

Поезжай, поторапливай тулпара, на котором прискакал.
Какая польза от лживых слов?
Падишаху — отцу моему — дашь знать
О том, что я жива, народ известишь.
Сколько подарков получишь за радостную весть!
Станешь властителем какой-нибудь страны».

Офтобой сказала Тогаю эти слова.
Согласился с ней храбрец Тогай, повернул назад.
Он знал, что дракон погиб еще до него.
Итак, Тогай отправился в путь.
Очертания Буджила увидел храбрец Тогай,
Тогда к городу приблизился он.
Видят [люди] — от дракона вернулся Тогай.
«Вернулся этот Тогай, откуда и возврата нет!
Осмелился ли к дракону приблизиться он,
Чтобы [хотя бы] увидеть дракона тень?
Разве мог такое сделать Тогай —
Сослужить и дары падишаха получить?
Служба эта нищему не по плечу:
Чтобы себя показать и вернуться назад».
В городе изрядно поговаривали так.
Тогай дворца падишаха достиг,
Слуги выбежали, придержали его коня,
Тогаю к трону подвели.

113. Тут Тогай подошел к трону и предстал лицом к лицу перед падишахом. Встретились они, расспросили друг-друга о житье-бытье. Увидав, что Тогай вернулся целым-невредимым, падишах вспомнил, что говорил: «Будь моим сыном до самого судного дня», когда отправлял его. И он сказал Тогаю: «Ну-ка, Тогай, расскажи, о том, что ты повидал и узнал!»

Тогай, обращаясь к падишаху, стал говорить:

В тот день я оседлал коня, службу вам сослужил,
Много было толков и клеветы за моей спиной.
Был готов к смерти староста [бедняков].
По пустыням, возвышенностям и низинам скакал,
Отважно на дракона выехал я.
Верхом на коне подъехал к нему,
Недруга ударил мечом по голове.
Сначала я выхватил меч, а потом узнал,
Потом увидел, что дракон мертв,

Не перед живым, а перед мертвым очутился я,
Шах мой, поехал я и твою дочь Офтобой увидал.
Цела-невредима, но связана она.
О матери и о прислужницах своих
Связанная вспоминала, спрашивала о них.
Вот такой одинокой, беспомощной осталась в пустыне она.
Чем зря сидеть и пустые разговоры вести,
Пусть поедут прислужницы и развяжут ее.
Многое рассказал вам Тогай!
Бескорыстно службу вам сослужил и вернулся назад.

114. После того как Тогай сказал: «Я сослужил службу бескорыстно», падишах ответил: «За свою бескорыстную службу попроси у меня все, что только пожелаешь».

Тут Тогай сказал:

— Зачем мне у вас просить? Если бы за свою службу я хотел что-то получить от вас, тогда, конечно, я просил бы. Не говорите мне: «Проси!» Если вы мне что-то дадите, то ведь тоже дадите бескорыстно.

Падишах сказал: «Оказывается, ты стал старостой нищих из-за своего большого ума».

Не дав Тогаю особенно выбирать, он назначил его за [хорошую] службу беком одного укрепленного поселения.

И Тогай стал беком крепости. Он простился с падишахом и отошел от его трона уже как бек крепости. Тогай отправился к своим нищим. Обрадованный падишах сообщил своей жене обо всем, что услышал от Тогая. Падишах посадил на две арбы * мать Офтобой вместе с ее прислужницами. Он дал им много слуг и отправил их к Офтобой. В тот же день они на арбах поехали к девушке. Едучи по дороге, мать Офтобой стала говорить:

115. «От горя и печали избавлюсь я!

Радость моего дома, мое единственное дитя
Пока не увижу, не будет мне покоя в пути.
Снова в этот мир вернулась красавица моя.
Сколько дней оставалась одинокой, связанной она!
Здесь Офтоб — и во всем царском блеске я,
А были темницей дворец и покои для меня.
Сколько слов в пути сказала она!
Все достигли юрты, где лежала связанная Офтобой.
Мать увидела ее с арбы, бросилась к ней.
Воскликая: «Дитя мое!», обняла единственную свою дочь.
Прислужницы Офтобой подошли, развязали руки ей,
Поплакали все вместе, душу друг другу излив.

Тут о здоровье друг друга справились они,
Мать стала одевать Офтобой
И тут же с прислужницами увезла ее.
Вернулась она невредимой в город Буджил,
Целой-невредимой встретил свою дочь [падишах].
Вернулась она в свою обитель — в гарем,
От притеснений дракона [все еще] прийти в себя не могла.
Вернулась, своего отца и всех родных увидела она.

116. В этот вечер все встретились, поговорили друг с другом и наконец улеглись. Наступил рассвет. Именем падишаха так оповестили: «Пусть люди снимут траур и развеселятся. Пусть занимаются своими делами, идут на базар, начинают куплю-продажу!»

Услыхав эту весть, люди, стосковавшись по базару, собрались там еще до рассвета. Базар открылся, город Буджил заполнился народом. Взошло солнце. Оно достигло зенита.

Офтобой не могла забыть Рустама. Она помнила, что сказала ему: «Я сама разыщу тебя». Офтобой подумала: «Поищу-ка я Рустама на базаре, наверняка он ходит там, найду его»,— и когда взошло солнце, она, взяв с собой своих прислужниц, отправилась гулять по базару. Пристально разглядывая [всех], разыскивая Рустама, она говорила:

«Больше всего дум по вечерам!
Никому не известно, что с тобой.
В торговых рядах подмастерья сидят,
Все торговые ряды обошла
Вместе со своими прислужницами госпожа».

Совершенство Офтобой,
Красота ее затмевает луну.
На ее голове трепещет на ветру
Повязанный дорогой платок.
Во все стороны подолгу смотрит она,
Не видит хана Рустама она.
Ищет, не теряет надежду она.
Сколько прислужниц с ней! Просят, чтобы закрыла свое
лицо!

Радуются некоторые из них,
Играя-смеясь, распустили локоны свои.
Красота ее уподобилась полной луне,
Брови ее изогнуты, словно лук,
Моя Офтобой и прислужницы ее
[Расшумелись], словно расплескавшаяся в озере вода.

Как драгоценный жемчуг, зубы ее.
Ходит, осматривает город Буджил,
Словно равная со своими девушками она.
Пошли они к чарсу на регистан,
Обошли, обыскали весь город они,
Искали до часа вечерней молитвы они,
Но о Рустаме не узнали ничего.

Опечалилась госпожа:
«Я не узнала, не увидала его,
Осмотрела все и не получила вести о нем,
Не увидала, не расспросила о здоровье его,
Не встретила на том базаре его,
Не поговорила с ним, не расспросила его».

Сказала так и вернулась домой,
Легла вечером спать. Снова наступил рассвет.
Рано поутру приказала [Офтобой]
Созвать всех до единого мужчин.
Собрался [тут] весь народ,
Рядами все перед нею прошли.
Смотрит [красавица] с завитками у висков:
Сокола Рустама здесь нет.
Прошли перед нею все до одного
Мужчины, которые пришли [сюда].

117. Тогда падишах спросил:

— Остался ли где-нибудь еще хоть один мужчина?

Кто-то сказал ему: «Есть один такой в Аксараяе. Когда его спросили: „Чем ты занимаешься?“ Он ответил: „Я перекупщик лошадей”. Но он не похож на человека, который занимается торговлей лошадьми и перегоняет табуны».

Падишах приказал: «Приведите того человека!» Слуга пошел и привел его. Офтобой все еще стяла в ожидании с яблоком в руках. Когда Рустам проходил мимо нее, Офтобой бросила в него яблоко. Падишах подозвал Рустама. Все узнали, что это, оказывается, тот джигит, который убил дракона, обрадовались, воздали хвалу Рустаму.

Тут, обращаясь к Рустаму, Хисровшах стал говорить. Он сказал:

118. «Из какой страны, из какого края ты?

В какой стране, какого шаха ты сын?

Скажи, из каких краев ты идешь?

Моего шахского богатства достоин ты,

Согласись взять мою дочь Офтобой.

Ты проявил отвагу, и погиб дракон.
Сколько людей возрадовались теперь!
Шахского величия ты достоин теперь.
Показал, на какие дела способен ты.
Что ни попросишь, я все сделаю, чтобы обрадовать тебя». Много еще слов он беку Рустаму сказал,
Слова шаха пришлись Рустаму по душе.
Как бы там ни было, а он сумел Рустамбека уговорить.
[Шах] тут же собрал народ,
Так вот и отдал за Рустама свою дочь,
Он устроил народу той на много дней.
Сделал [Рустама] падишахом, посадил на свой трон,
С трудом уговорил его принять ханскую власть.

119. Рустам взял в жены Офтобой и сделался падишахом. Он передал Тогаю крепость, которую даровал ему падишах, сказав: «Управляй своим народом, не причиняя ему гнета и насилия». Сам же он стал известным в стране Буджил.

Тогай за свою службу сделался владельцем крепости, получил от Рустамбека в свое управление крепость и собрал туда всех бедняков. Тогай управлял крепостью, которую ему даровали. Одного из своих нищих приятелей он сделал миршабом, других — чиновниками, многих сделал придворными. И так вот он правил, назначив всех должностных лиц из своих же бедняков. Тут некоторые сановники падишаха стали посмеиваться над делами Тогая и сказали:

— Тогай, лучше бы ты назначил своих чиновников из знатных и богатых, кто разбирается в таких делах. А ты назначил чиновниками всяких игроков в азартные игры, разных курильщиков гашиша и горлопанов — всех, кто не нашел своего места [в жизни]. Бог весть какие голодранцы — скверные люди теперь возвысились. Что они понимают в больших делах?

Выслушав это, Тогай ответил: «Нам не нужны такие, кто истязает народ, кичась своим величием. Если падишах наложит подать, то и мои чиновники сумеют получить ее с народа и сосчитать. А они, побывав нищими, умеют считать даже лучше вас! Зато никого не станут мучить и устрашать. Они говорят: „Все мы — свои люди, друзья-приятели“ — и понимают друг друга. Так вот, я и назначил своих должностных лиц из своих же приятелей. И прежде я был их старостой, и теперь остаюсь их старостой. А вы, если называете меня беком крепости, так и называйте себе! Я же и сейчас буду делать то, что делал, когда был старостой, потому что владею теми навыками, которым обучился, и занимаюсь ремеслом, которым занимался. Что касается шахского налога, мы все отдадим сполна». И Тогай стал вершить дела в таком духе.

120. Рустам процарствовал в Буджиле три дня. [Как-то] ночью, лежа рядом с Офтобой, он вздохнул. Офтобой спросила:

— Почему ты вздохнул? Разве у тебя кроме меня есть где-то другая возлюбленная?

Рустам ответил:

— Нет, у меня нет другой возлюбленной. Как подумаю — ведь я ехал в этот город за солью и мылом. А приехал сюда и стал падишахом. На горе Бахра в замке Акрабат осталась моя мать с двумя борзыми. Я сказал ей, что уезжаю днем и днем вернусь. Сейчас я потерял сон, как только прикинул, что с тех пор как приехал [сюда], прошло уже три с половиной месяца. Я не знаю, что случилось с моей матерью!

Офтобой сказала:

— Если так, то завтра же садись на коня, поезжай и заведи свою мать и борзых.

«Хорошо», — ответил Рустам и лег спать. Наступил рассвет. Рустам собрался в путь, сел верхом на лихого коня. Он подумал: «Я же не по своей воле стал падишахом. Я ехал сюда не для того, чтобы стать падишахом. Правда, мой отец тоже падишах, но я сам испытал на себе его жестокость. Где падишахи, там и клевета. Не стать бы и мне жертвой клеветы. Сама управляй своим царством». И подумав так, но ничего не сказав Офтобой, Рустам простился с ней. Он передал ей царство, которым правил три дня, и отправился в путь.

121. В Акташе две старшие жены хана, враждебные Хураим, приходили ежедневно к пещере злой старухи. Они кричали на нее:

— Ты говорила, что убила Хураим и Рустама. Оказывается, это ложь. Мы слышали молву, что они живут в какой-то стране, ставшей для них родиной. Вернутся они однажды и свалится на нас беда — ложь раскроется. Либо в самом деле убей их, либо верни наши деньги.

Так как они не успокаивались, то старуха бросила [перед собой] сорок одно зерно гороха и принялась гадать. По ее гаданию вышло так: Рустам пребывает в городе Буджил, Хураим — на горе Бахра, в Акрабате.

Старуха сделала из дерева коня, из бумаги — крылья, из стали — винт, покрутила уши коня и взлетела в небо. Она достигла горы Бахра. Покрутила левое ухо коня и опустилась на землю. Отпустив коня на излучину реки, она открыла ворота Акрабата и вошла. Там сидела Хураим, держа возле себя двух своих борзых, и пристально смотрела на дорогу.

Хураим поздоровалась и стала расспрашивать старуху, которую видела раньше у себя на родине. [Старуха сказала:]

— Дитя мое, на все божья воля. Пришлось вам разлучиться с родной страной. Вы живете в таких опасных местах! Где же твой Рустам?

Хураим ответила:

— Рустам уехал за солью и мылом. Уехал он днем, сказал, что и вернется днем. А прошло три с половиной месяца, и до сих пор нет от него вестей. Я не знаю, что случилось с моим сыном.

Тут старуха сказала: «Ну, мне пора назад. Ты же сама знаешь нрав нашего повелителя».

Хураим стосковалась, сидя в одиночестве. Ей не хотелось расставаться со старухой. Ничего не подозревая, она сказала: «Рустам вот-вот подъедет. Повидайтесь с ним, тогда и уезжайте».

Старуха, задумав недоброе, стала очень любезной с Хураим. Она повела ее за собой, будто бы хотела показать ей жилище дивов в подземелье. Приведа Хураим к подземелью, старуха втокнула ее туда. Она надела ей на шею и на ноги колодки и сорвала с нее платье, надела на Хураим свою одежду, заперла все сорок комнат на ключ и ушла. Она прочла заклинание и тут же стала точь-в-точь как мать Рустама — Хураим. Двух борзых старуха посадила на цепь в разных местах. Она села и стала смотреть на дорогу, по которой должен был приехать Рустам.

122. Тем временем Рустам уже приближался. Он перевалил через гору и спускался с нее. Он увидел свою мать: привязав двух борзых в разных местах, она сидела и пристально смотрела на дорогу.

Рустам подумал: «Моя мать, бедняжка, оказывается, жива-здорова. Плохо я поступил, что уехал. Оказывается, она ждет меня с нетерпением». Рустам приблизился, он не узнал хитрой старухи, решил, что это его мать. А старуха, принявшая облик его матери, стала говорить такие слова:

Захотела б тебя отругать, да ты единственный [у меня],
Но как же тебя не ругать,— ты ведь зловредным стал.
Уходи, чтоб тебе молодым умереть! Не видать бы мне
твоего лица!

Сожалею, что вскормила тебя своим белым млоком,
Хоть я твоя мать, но не буду на поводу у тебя!
Меч страданий пронзил душу мне,
Кинжал разлуки рассек мою грудь.
С тех пор как ушел ты, три с половиной месяца прошло.
Хоть ты и сын мой, но я не стану верить твоим словам.
Рядом с казием помощник в ночных переездах бывает,
Джигита искалеченный конь подводит.
Владелец Акрабата ночью вернулся,
Уходи. Не видать бы мне твоего лица!
Бросил меня одну, заставил горевать,
Знай — прокляла свое белое молоко, вскормившее тебя,
Теперь не околачивайся здесь. Сейчас же отсюда уходи!

Хотя ты и дитя мое, не видать бы мне твоего лица!
Не называй матерью меня, ко мне не подходи,
Свою сыновнюю любовь ко мне не проявляй.
Поистине — ты бродяга всем своим существом.
Я оставалась одна, иссякло терпение мое.
Не нужен мне такой твой дворец!

123. Сказав так, старуха отвернулась. Рустам подумал: «Плохо я сделал, что уехал. Моей матери было тяжело [без меня]. Как бы там ни было, я забуду все». И он сказал:

Мой бог, раба божьего невредимым храни!
Дорогая матушка, что делать? Стал странником я.
Если сегодня и обижена, завтра будешь смеяться ты,
Какая ни есть у меня вина, любимая, прости!
Послушай, что говорит твой сын:
Не ведая ни о чем, я отправился в дальний путь,
Долго ехал, и приехал в страну Буджил.
В той стране я дракона убил,
Дочь Хисровшаха в жены взял,
Став падишахом, в Буджиле пробыл три дня.
Какая ни есть у меня вина, дорогая мать, прости!
Я сам сожалею, что уезжал.
Сильно печалился из-за того, что оставил тебя,
Как видишь, сегодня приехал и тебя я нашел.
Мир бранный. О том, что он бранный, подумала ты,
Думая о судном дне, мучаешь дорогую душу свою.
Вечером владелец Акрабата вернулся.
Почему ты привязала борзых?
Мать, обе борзые были преданы мне,
Если враг приходил, они были вместе со мной.
Мать, зачем привязала этих борзых?
Когда привязываешь борзых, разрывается сердце мое.
Что бы ни сделала, все во власти твоей!
Не ругай меня, бедняжка, смягчись.
Ты снова будешь вместе со мной.
Мать, горе, страдания покинули тебя,
[А] ты ходишь здесь, будто и не видишь меня!

124. Выслушала это его «мать» и снова стала говорить:

«В одиночестве истерзалась моя душа,
Днем и ночью лились слезы из глаз моих,

Не говори о борзых, совсем расстроилась я.
Что если б не было осени и в саду не вяли цветы!
Что если б бог ум и рассудок не отнял у тебя!
Ведь в этих местах и пищи не было {борзым}!
Мало-помалу становились все злее они,
Не говори о борзых, совсем расстроилась я.
Была бы я грешной, сожрали бы они меня!
Днем и ночью, добром уговаривая [их], обдумывала я,
Обманом борзых привязала я.
Когда говоришь о борзых, застилают слезы мои глаза.
Дорогое дитя мое, чтоб сгинуть этим борзым!
Уходи. Чтоб тебе молодым умереть! Не видать бы мне
твоего лица!
Теперь для тебя прежней не буду я».
Сказала так старуха, повернулась и пошла прочь.

125. Рустам подумал: «О, оказывается, мать сильно разгневалась! Что бы я ни говорил ей, она не прощает меня». Спешившись и привязав коня, он подошел к своей матери и стал нежно, вкрадчиво рассказывать обо всем, решив смягчить ее сердце.

Его мать сказала:

— Сын мой, ты говоришь: «Я убил дракона на озере Чархин, я царствовал в городе Буджил три дня». Ты говоришь: «Я взял в жены дочь Хисровшаха». Ты три с половиной месяца бродил и вот принес мне только эту ложь? Ты думаешь меня так обмануть? Если хочешь меня обмануть, разве не мог выдумать что-нибудь другое? Твоего отца звали Султанхан. В те времена, когда я еще была несовершеннолетней девушкой, меня сделали его невестой. Была [у меня] одна шелковая веревка. Я тогда могла крепко-накрепко связать твоего отца по рукам и ногам, а он — напрячься и порвать веревку. Сын мой, еще и теперь ты не стал подобен своему отцу. Ты не сможешь этого сделать.

Рустам сказал:

— Мать, если твоя веревка здесь, тогда попробуй связать меня. Если я разорву ее, значит я уже стал таким, как отец, а если же не смогу разорвать, то потом ты развяжешь и освободишь меня.

Старуха ответила:

— Сын мой, да разве я не развяжу тебя и стану мучить понапрасну?

Хитрая старуха припасла все, что было нужно. Она связала Рустама крепко-накрепко по рукам и ногам шелковой веревкой. Рустам напрягся и натянул ее. Веревка туго обвила его тело и врезалась до костей. Когда же он сказал своей матери: «Развяжи», она не стала слу-

шать его и отвернулась. Тут, лежа связанным, Рустам сказал матери такие слова:

126. «Пылает моя душа и тело горит огнем,
Обвила мое тело [веревка], врезалась до костей.
Я раскаялся, мать, руки мне развяжи!
Смотришь, пока не умрет твой единственный сын?
Разве ты не пожалеешь свое единственное дитя?
Если ты поступаешь так, хочешь смерти единственному
сыну своему?»

Синие одежды ты уже надела на себя,
Кроме матери, у ребенка другого наставника нет.
Ты совсем не пожалела собственное дитя,
Ты безжалостна, мать, руки мне развяжи!
Что ни прикажешь, я все сделаю для тебя,
День и ночь служить тебе буду я.
Мать, прости мою вину, развяжи меня!»
Сказал эти слова Рустам. Смотрит,
А мать его уходит.
«Я подумал, что это моя мать и отдал сердце врагу,
Оказывается, это старуха-мастан, я попал в большую беду.
Меня она хитростью взяла.
Хитрая злодейка теперь отсечет голову мне.
Если бы это была моя мать, она бы пожалела меня.
Послушался я и дал ей мои руки связать,
Связанный, теперь я приму смерть.
Если вонзалась колючка в ногу мне,
Моя мать, бывало, сотню стонов издаст.
Теперь я узнал — эта старуха недругом мне была».
Ей хватило лишь одного слова, чтобы руки Рустамхану связать.
О том, что поддался ей, сам сожалеет он.
Связан, желания не исполнятся его,
Взывает о помощи, но разве это выход для него?
Теперь недруг покажет то, чего и не видывал он!
Его грудь кровью зальет, [даже] не ударив мечом.
«Связан, что я смогу сделать теперь?
Отсечет голову мне, и я, не достигнув цели, буду убит.
Хитростью она разум мой отняла,
И вот таков мой последний час!»

127. Хитрая старуха умела превращаться в кого захочет. В том дворце находился в подземелье один див по имени Красный див. Старуха стала прохаживаться около подземелья, где сидел Красный див.

Смотрит Красный див, а наверху, возле подземелья, показалась видная молодка с шеей, как молодая лоза, с маленьким, как фисташка, ротиком, с изогнутым станом, с пышными бедрами.

Посмотрел на нее див и сказал: «Стану-ка я тебе любимым дружкой — вытащи меня!» Она его не вытащила. Он сказал:

— Стану-ка я тебе старшим братом — вытащи меня!

И этим его словам не вняла старуха.

— Если так, стану я тебе мужем, вытащи меня! — сказал он.

Старуха взяла веревку и вытащила Красного дива из подземелья. Она обратилась к нему:

— Вот что я скажу теперь! У меня есть сын. Я его как следует связала. Если ты его не убьешь, он не даст нам миловаться-забавляться и не позволит в этом мире долго наслаждаться.

Див сказал:

— Покажи мне то место, где он оставлен связанный! Я не только убью его, а разнесу на мелкие куски!

Старуха показала место, где лежал связанный Рустам.

Див взял в руки свою секиру, надставил ее палицей весом в девяносто батманов, что была у него, и направился к Рустаму.

Вдали показалась какая-то тень, и Рустам увидел, что приближается див. Широко открыв глаза, он уставился твердым взглядом на дива. Див вернулся обратно к старухе. Старуха сказала:

— Почему ты сбежал?

Див ответил:

— Ох, чтоб пропал твой сын! Не похож он на человека, которого можно утратить силой и грозным видом. Он только один раз взглянул — оказывается, у него очень острый взгляд. У меня чуть сердце не выскочило!

Старуха сказала: «Ты оказался трусом, а люди говорили, что дивы наводят на людей страх. Пойду-ка я впереди, а если ты боишься, то иди позади меня». Сказала так старуха и пошла.

Снова показалась какая-то тень. Рустам посмотрел: идет мать, а позади нее — див. Рустам подумал: «Видно, я тогда говорил, не зная ни о чем. Это, оказывается, моя мать. Оставшись одна, она связалась с дивом, а сейчас, должно быть, хочет поугаждать меня его видом. Теперь-то уж она меня развяжет!» Старуха взяла горсть земли и, подув на нее, бросила в глаза Рустаму. Рустам сразу же ослеп и больше ничего не видел.

Старуха сказала диву:

— Так говорят: «У кого нет глаз, у того нет и лица». Не бойсь теперь, бей его!

Тут див, приготовившись было ударить, поднял свою чугунную палицу. Но увидев ладную фигуру Рустама, он подумал: «Этот джигит

не сын старухи! Если бы он был ее сыном, разве у нее поднялась бы рука, чтобы убить такого сына? Кто ее знает! Уж если она такого сына не признает, то какова будет ее преданность мне?» И воскликнув: «Да не ослабнет рука!», он уложил старуху ударом чугунной палки весом в девяносто батманов.

Старуха рассыпалась, словно просо.

Див развязал Рустаму руки, отвязал и отпустил его борзых. Потом он привел коня Рустама. Конь его стал пастись на лугу.

Но Рустам ничего не видел. Борзые подошли и сели возле него. Тут див, обращаясь к Рустаму, сказал такие слова:

128. «До конца моих дней верую в того, кто создал нас!
Из-за моего нрава стал я ниже травы.
Друг мой, ставший беспомощным, я тебя богу препоручил,
Бог тому свидетель — тебе другом я стал.
Словам Красного дива внемли!
Не достигнув заветной цели, ты в руки хитрой старухи попал.
Положению беспомощного посочувствует каждый.
[А] я отправлюсь в страну Ирамбаг*.
Друг мой, ставший беспомощным, выслушай меня!
Если даст тебе мой всемогущий бог ясные глаза,
Приезжай ко мне в страну Ирамбаг, разыщи меня!
В Ирамбаге семь братьев-дивов есть,
И все семеро беспредельно сильны.
Посадили меня в подземелье, сделали пленником меня,
У этих дивов идола моего отними¹.
Выбрался я из подземелья и тотчас уйду.
Если даже пойду [в Ирамбаг], какой в этом прок?
Там не справиться мне [одному],
Буду с нетерпением тебя ожидать!
Друг мой, ставший беспомощным, я богу тебя препоручил!
Я отсюда уйду, с нетерпением буду тебя ждать.
Рядом с великанами-дивами не было места мне.
Друг мой, хоть это и трудно, но меня разыщи,
Ста тысячам дивов не сравняться с тобой —
Столько в тебе отзаги, оказывается! Почувствовал это я.
Если дивов повстречаешь, они испугаются и убегут.
Измучил я душу свою, что в теле моем,
Когда осень приходит, вороны опускаются на цветник,

¹ Очевидно, речь идет о красавице, похищенной дивами у Красного дива. Борьба между дивами за возлюбленную (обычно красавицу пери) — мотив, характерный для узбекских романических дастанов.

Если ты не приедешь, не достигнув цели своей, умру,
Уничтожил бы в Ирамбаге моих врагов!»
Теперь сказал эти слова Красный див,
В небо взвился он и улетел.

129. Когда див улетел, Рустам почувствовал, что его борзые собаки сидят рядом с ним. Обращаясь к борзым, он сказал:

«Преданные, послушайте, что скажу теперь!
Приблизьтесь ко мне, поодаль не стойте теперь,
Ну, собачонки, ведите меня по дороге теперь.
Когда скачет конь, грохочут ущелья гор.
Стал скитальцем знатный господин страны Акташ.
Что поделывать! Страдаю я здесь,
В горести поблекло мое румяное лицо.
Да не останется здесь непогребенным мертвое тело мое!
Борзые, возьмите немощного и отсюда уйдем!»
Рустам стал беспомощным, растерян он.
Теперь две его борзые побежали впереди.
Смотрите — за борзыми следует Рустам.
Вышли они из укрепленного замка и отправились в путь.
«Преданные, вы не знаете иных мест —
Доведите скитальца до города Акташ!»
Рустам вместе с борзыми по пустынной степи идет,
В дороге плачет, к богу взывает он.
Столько всяких бед выпало одному ему!
Борзые вели его за собой, служили ему.
Долгое время шли они в пустынной степи.
Кладбища, что находилось там, достигли они.
Рустам понял, что борзые к могиле подошли,
Бек Рустам понял, что на кладбище они.

130. Рустам знал, что в пустыне с давних времен есть заброшенное кладбище. Он подошел к выкопанной могиле. Борзые не отходили от края могилы. Рустам сказал: «О, милые, эй, собаченьки, куда же вы привели меня, беспомощного? Но как бы там ни было, вы сослужили мне службу, не оставили в степи. Здесь лежат те, кто были людьми, как и я. Вы привели меня к лежащим здесь и к таким же одиноким, как я».

Обращаясь к борзым, Рустам сказал еще несколько слов:

«Собаченьки, не будьте бесприютными, подобно мне,
Поищите себе еду, не погибните здесь!

В открытую могилу войду и лягу там,
Отныне вместе с умершими буду я.
Бегите отсюда в город Буджил,
Живите себе, добывайте сами еду!
Не умрите с голода, оставаясь здесь.
К людям вы меня привели,
Помощь мне оказали в такие дни.
Бегите, борзые, буду доволен я,
Если разыщете город Буджил».

Говорит беспомощный Рустам,
Борзые смотрят Рустаму в лицо.
Не умеют борзые говорить,
Около Рустама кружат они,
Из глаз борзых льются слезы, как горный поток,
Поняли они, что сказал Рустам.
Послушались и отправились в Буджил.
Бек Рустам надеялся только на борзых.
Рустам остался среди мертвых один,
Долго смотрел он вслед борзым,
Борзые в Буджил бегут.
Вот так, сердечные, держат путь,
Порою обе прыгают на бегу,
Добрались они до страны Буджил.
Борзые вбежали в город Буджил,
Но бедным животным некуда было идти,
Нет у них хозяина, не знали, что делать им,
Глядя уныло, стояли они,
Бездомные, без хозяина бродили они.

131. Борзым негде было приткнуться. Повсюду люди видели понуро сидящих собак и думали: «Видно, это бездомные собаки, которые прибежали откуда-то». И люди давали им хлеб. Когда хлеба набиралось много, борзые брали его, убегали из города Буджил и приносили Рустаму на кладбище. Один раз на дню они наведывались к Рустаму.

Тут в народе пошла молва: «В город Буджил прибежали две бездомные борзые. Оказывается, это ученые собаки. Они берут пищу, которую подают им люди, и убегают, а потом снова без всего возвращаются в город».

132. Эту людскую молву прослышала Офтобой. Каждый день смотрела она на дорогу и думала: «Мой повелитель что-то задерживается, не возвращается он». Когда до нее дошел слух о борзых собаках, Оф-

тобой подумала: «Мой господин уехал и задержался. Все сроки прошли, когда он должен был вернуться. Не знаю, быть может, уехав отсюда, он повстречался с кем-нибудь, кто сильнее его. Может, скитался по заброшенным кладбищам, а потом умер, а его борзые стали бродить повсюду. Не моего ли господина эти борзые, о которых рассказывают люди? Что, если я разок взгляну на борзых?»,— так думая, Офтобой сидела во дворце.

Однажды собаки пробежали мимо ее дворца. Смотрит Офтобой, бегут две борзые. Она подумала: «Не те ли это борзые, о которых рассказывали люди? Чьи бы они ни были, попытаюсь-ка я с ними заговорить! По словам людей, это обученные собаки. [Если это борзые Рустама, то хотя они и не умеют говорить, но сразу обернутся]. Если же это другие борзые, я поговорю с ними. С тем и останусь. А они побегут себе дальше». Офтобой обратилась к борзым и, спрашивая у них о Рустаме, сказала:

133. «Верные, послушайте меня!

Его имя было Рустам, сам он силач,
Уехал он, без вестей осталась я здесь.
Борзые, если знаете, где он, дайте знать!
Я, госпожа, душу в жертву ему отдала,
Его имя было Рустам, он Акташа хан,
Рустамбек в моем дворце, в моем айване * пребывал.
Борзые, если знаете, где он, дайте знать!
Посочувствуйте горестям моим!
Я не ведаю, добрался ли он до страны Акташ?
Я Рустамбека жена,
В нетерпении смотрю на дорогу я,
Если знаете, где он, дайте знать возлюбленной его!»

Две борзые повернули к дворцу,
Из глаз борзых полились слезы, как горный поток,
Услышали они слова Офтобой,
Поняли собаки, что есть у них хозяйка здесь,
[Только] сказать этого не могли.
Смотрит Офтобой на этих борзых,
Борзые остановились, обогнув дворец.
Когда они услышали, что бека зовут Рустам,
Слезы, словно ливень, из их глаз полились.
Она сказала: «Это борзые моего господина,
Вслед за борзыми приедет он,
Преданные, до любимого моего доведите меня!
Ведь в мой смертный час он к жизни меня вернул.

Если он жив, то пойду и узнаю о состоянии его,
Если он умер, умру и я вместе с ним.
На что мне этот бранный мир?
Ведите меня, к моему повелителю-хану пойду!
Из-за господина моего в растерянности головушка моя,
Пусть не услышат вестей обо мне родичи-сородичи мои,—
Не было со мной сердечного друга моего.
Беспредельны страдания мои.
Ведите меня, пешком я пойду».

Борзые повели ее по дороге, по которой сами пришли.
Последовала за борзыми Офтобой,
Вместе с борзыми [шла] госпожа,
Без сожаления оставила дом, где беззаботно росла,
Теперь вышла из этого города Офтобой,
В пустынную степь вместе с борзыми ушла.
По пустыне идет она пешком,
От пешего пути мозолями покрылись ноги ее.
От любви к Рустаму плачет, стонет она.
Вместе с борзыми разыскивать своего бека ушла.
Сколько времени по пустыне она шла!
К часу вечерней молитвы к кладбищу подошла.

134. Борзые добежали до кладбища. Вся трепеща, Офтобой подумала: «Видно, судьба насмехается надо мной. Я, оказывается, последовала за собаками, которые рыщут по могилам». Офтобой остановилась у кладбища. Она стояла и смотрела на борзых, а собаки прыгнули в одну вырытую могилу. После того как собаки скрылись в ней, ей показалось, что оттуда как будто донесся чей-то голос и стон. Офтобой подумала: «Похоже, что это голос живого человека. Ну-ка, пойду и я, узнаю, кто там есть. Ведь лежащие здесь были такими же людьми, как и мы. Они же не схватят меня за шиворот и не скажут: „Что ты здесь делаешь?“»

Офтобой подошла к могиле, в которую прыгнули борзые. Смотрит, а там Рустам. Увидела его Офтобой, и глаза ее наполнились слезами. Она бросилась прямо в могилу. Она не сводила глаз с Рустама, голову его положила себе на колени и стала расспрашивать о его состоянии:

135. Лицо твое, подобное розе, поблекло,
Оба глаза твои слепыми стали.
Разыскала тебя красавица — стройный кипарис.
Две твои борзые меня привели,
Козни миновали тебя.

Пусть дойдут до бога стенания твои!
Дом твой пустыней стал.
Об этом кладбище узнала я,
Из страны Буджил твоя любимая пришла.
Хан мой, что же случилось с тобой?
Ты отправился разыскивать матушку свою.
Потускнели оба глаза твои,
Ты оставил свой цветущий край,
Открытая могила прибежищем стала твоим,
Ты встретился с тем, кто смог тебя победить,
С коварной [старухой] столкнулся ты.
Ты отправился разыскивать матушку свою.
Теперь в горестях, в печали ты,
Твои ясные очи отнял господь.
Сын хана, что же случилось с тобой?

136. Рустам, услышав эти слова, узнал Офтобой по голосу и стал говорить:

Уходи, красавица, не возлагай надежд на меня,
Здесь, в могиле, не спрашивай меня,
Уходи, госпожа, не сворачивай со своего пути!
Острые страданий сегодня душу [мне] пронзит,
Эти страдания посланы мне судьбой.
Снова меня жгут огнем стенания твои,
Все, что ни делает бог, обращается на божьего раба,
Уходи, моя розоликая, я счастлив, что ты пришла!
Ты пришла сюда, но напрасно свою молодую жизнь не губи,
Ты — караван, так не растеряй вьюки свои,
Иди, моя госпожа, в свой город Буджил.
Если придешь туда, какому-нибудь соколу сердце отдай.
От меня толку не будет, позабудь меня,
Живи себе и радуйся, в удовольствиях время проводи.
Уходи, моя красавица, я счастлив, что ты пришла!

137. Слушая это, Офтобой сидела у изголовья Рустама. Ночь прошла, и когда забрезжил рассвет, она вышла из могилы в степь. Она жаловалась богу, стала просить у бога о том, что больше всего желала. Офтобой сидела и все молилась до тех пор, пока совсем не рассвело.

Потом она вошла в могилу и провела рукой по глазам Рустама. Глаза его стали ясными и открылись. Он увидел свою возлюбленную и почувствовал, будто снова вернулся в мир. Оба в сопровождении двух борзых пошли по направлению города Буджил. Офтобой шла и говорила такие слова:

138. «Скитальцем ты был,
Хан мой, с кем повстречался ты?
Обоих глаз лишился ты,
Дорогу, что раньше видел, видеть не стал,
В могиле дни свои проводил.
Хан мой, кто был с тобою так жесток?
Мой бог снова дал тебе глаза,
Стали ясными твои тусклые глаза,
Снова в мир вернулся ты.
Какой же злосчастный тебя ослепил?»

Рустам выслушал эти слова,
Постепенно ей рассказал:
«Я поехал разыскивать свою мать,
Мать обошлась жестоко со мной,
Из-за жестокости матери моей
Стал слепым, на кладбище остался я.
Сгорело в огне мое тело, подобное цветку,
Красавица, мне услугу оказала ты,
А ослепила меня моя мать».

Услыхав это, воскликнула Офтобой:
«Не клевети на свою мать!
Такого не сделает твоя мать.
Для чего ей было ослеплять тебя?
Нет у тебя другой наставницы такой, как мать.
Облик матери твоей приняла
И к тебе старуха-мастан пришла.
А где находится твоя мать,
Догадываюсь я. Осталась бесприютной она».

139. Так они поговорили между собой. Рустам воскликнул:
— О глупая! Ослеп-то я позднее. А до этого разве я был слепым,
чтобы не узнать своей матери?
Они поговорили о случившемся и вернулись в город Буджил. В ту
ночь переночевали в покоях Офтобой. Рустам поведал ей о своих го-
рестях и печалаях, о том, как поступила с ним его мать. Рано поутру
он поднялся, предстал перед Хисровшахом и сказал ему так:

«Отец, внимли моим словам!
Я не буду жить в твоей стране Буджил,
Теперь я уезжаю в мою страну Акташ,
В мой родной край, где я был рожден.

С добрым словом отправил бы отсюда меня!
Проводил бы вместе со мной и свою дочь Офтобой.
Через несколько дней я достиг бы родины своей.
Не останусь я здесь, сейчас же уйду!»

Выслушал это от Рустама Хисров,
Коня ему снарядил, оружие и доспехи [дал],
И со многими девушками-прислужницами
На разукрашенных повозках Офтобой проводил.
Сколько сановников сопровождало Рустама!
Тут же и девушки были вместе с Офтобой.
Распрощался [Рустам] с каждым и отправился в путь,
А поехали они в город Акташ.
Вот едет Рустам по дороге так,
С ним две его борзые с обеих сторон,
Едет на разукрашенной повозке Офтобой.
Солнце достигло полудня в тот миг,
Когда они приблизились к горе Бахра.
Сверкающую крепость видят они.
«Чье это жилище?» — спросила Офтобой.
О крепости у бека Рустама спросила она.
Рустам так ответил ей:

«Разыскивая мою мать, я приезжала сюда,
Приехал сюда и стал слепым —
Здесь моя мать нанесла рану мне.
Красавица, обо всем этом я поведал тебе».

От Рустамбека услышала это Офтобой,
Сказала: «Хорошая крепость. Что если мы заночуем здесь?
Оказывается, то, что сверкало — это просторный дворец!
Если люди остановятся [здесь], словно на праздник по-
падут»..

140. [Офтобой сказала так]: «Если мы проедем мимо этого дворца, то до самого Акташа не будет места, где можно было бы переночевать. Заночуем-ка здесь сегодня, а рано поутру, пока еще прохладно, отправимся в путь».

Рустамбек сказал: «Хорошо». Опередив всех, он сошел с коня на берегу большого бассейна. Они привели себя в порядок. Одни осматривали [дворец], а другие расположились на отдых. Тем временем прибежали две борзые и стали царапать какую-то дверь. «Это ученые борзые, здесь кроется какая-то тайна. Почему они царапают дверь, мечутся?» — сказала Офтобой и подвела к борзым Рустама. Открыв.

142. Услышав это, оба стали расспрашивать Хураим, как она себя чувствует, рассказали о себе. Рустам познакомил свою мать с Офтобой. Рустамбек и Офтобой осторожно взяли под руки Хураим и, поддерживая ее, вывели в степь. Тут на ветру да в прохладе она пришла в себя. Узнав, что Хураим — мать Рустама, все, кто приехал сюда, собрались возле нее, стали расспрашивать о ее здоровье, о состоянии. Вечером они расположились на ночлег.

Рано поутру Рустам сказал всем приехавшим с ним: «Мы не поедем в Акташ. Как подумаю — ведь в Акташе мой отец — наш враг. Он не пощадит никого из нас. [Однажды] явилась сюда какая-то старуха, ослепила меня, а мою мать довела вот до такого состояния, причинила ей столько бед! Теперь мы будем жить здесь, заботясь друг о друге. Но у нас нет ни шахского величия, ни богатства, чтобы держать при себе столько людей».

И он отослал обратно на родину мужчин и женщин, которые приехали с ним. Все трое — мать и ее дети — стали жить в Акрабате. Рустам каждый день уходил в горы, охотился и приносил пищу. Женщины готовили еду. Так проводили они свои дни. Жили они в Акрабате в свое удовольствие.

143. В Акташе Султанхан узнал от оставшихся в живых палачей о том, что произошло. Не ведая, куда скрылась Хураим вместе с сыном и что с ними случилось, он не знал, что и делать. В народе все больше поговаривали о том, что Хураим и Рустам будто бы живы, что им пришлось из-за клеветы покинуть свой родной край и будто они не вернутся в Акташ.

Этот слух дошел до Султанхана. Он подумал: «Людская молва похожа на правду». Султанхан сам раскаялся в том, что сделал. И, отказавшись от шахской власти, он надел одежду странника-каландара и ночью ушел из Акташа навсегда. Он подумал: «Если они живы, я непременно их разыщу, покаюсь в свершенном мною грехе. А если не найду их, на что тогда мне Акташ? Я тоже умру в скитаниях». Он шел из города в город и в одном городе встретил сорок каландаров. Стало их вместе с ним сорок один. В один из дней они пришли в Акрабат и стали просить милостыню.

В тот день Рустам был дома. Он поленился и не пошел на охоту. Каландары, подойдя к воротам Акрабата, воскликнули: «Шайдилла!»*. Один из каландаров — их предводитель — взял милостыню и стал читать, словно молитву:

144. Отказался от трона и от своего счастья я,
Каландаром стал, по дорогам бреду.
Надевший кулах* — каландар я,
С любимой, с ребенком своим

Разлучившийся [с ними] — каландар я.
Своего царства лишился я,
В нищего скитальца превратился я,
Со всеми разлучился,
Покинувший всех — каландар я.
Всю вселенную обошел.
Кому откровенно все опишу?
Сам себя не помнил, когда тот грех совершил.
Разлучившийся [с близкими] — каландар я.
Отказался от всего, всего лишился я,
Всю вселенную обыскал,
Где мой ребенок и возлюбленная моя?
Ставший нищим — каландар я.
Разбита жизнь моя,
Опустел мой трон, [без властелина] корона моя,
Придет ли время, когда увижу [родных]?
Покинувший всех — каландар я.
Из глаз моих слезы лились,
Предводителем сорока каландаров я стал,
Другом их и единомышленником стал,
Своим положением доволен я,
Здесь напал я на след [родных],
Лишившийся всего — каландар я.
Всюду я побывал,
В народе порицают меня.
В своем проступке раскаиваюсь я,
Ставший нищим — каландар я.
Восклицаю: «Дитя мое!» — и душа разрывается моя,
Плакал, словно верблюд, ревел.
Сколько городов обыскал!
Лишившийся всего — каландар я!
Тоскуя, смыкаю веки свои,
Нищенское одеяние я надел,
Покинувший всех — каландар я!
Пришел, разыскал эти места,
Сколько обителей я обошел!
Разузнал об этих краях,
Нищим пришел — каландар я.
Дошло бы до бога стенание мое!
Нет желаний у меня,
Чести не осталось у меня.
Моя любимая вместе с сыном ушла.
Разлучившийся с ними — каландар я.

Теперь на душе моей стало легко:
Известно мне, что они здесь,
Большое горе я перенес,
Долго искавший — каландар я,
Расспрашивающий — каландар я.

145. «Оказывается, это читающий молитву каландар»,— подумал Рустам. И, думая так, сидел, слушая. Рустам не понял, что означают эти слова. А Хураим увидела, что с каландарами пришел Султанхан. Она вспомнила, как жили они вместе в шахском величии и богатстве и как проводили дни в свое удовольствие. Огорчилась она, душа ее разрывалась. Обращаясь к Рустамхану, Хураим стала говорить:

Был падишахом, а столько лишений принял он!
Из-за любви к нам он стал каландаром и надел кулах.
В жертву тебе жизнь отдала твоя мать!
Сын мой, тот каландар — Акташа хан,
Ты сыном каландара стал.
И его тоже недруг по миру пустил.
Без властителя осталось государство его.
Вот какова его участь на старости лет!
Мой сын — этого нищего дитя,
Пришел он сюда, разыскал и нас повстречал,
Вот в каком виде пришел и увидел нас.
Смотрю на него, а он в ожидании смотрит на нас.
Он был падишахом, а [теперь] в унижении живет.
Увидев его в таком положении, огорчилась я,
Смотрю на него, и душа разрывается моя,
Проведать нас двоих пришел Султанхан.
Дитя мое, ты не узнаешь. А тот, кто пришел,— твой отец.
Дитя мое, разыскивая сына, он пришел.

146. Услыхав слова матери, Рустам подумал: «Мать попутал черт. Она сама испытала столько страданий от этого человека, как и от злой старухи-мастан, но принимает его за своего друга и милосердна к нему. Она говорит: „Это твой отец“, и заставляет меня приблизиться к нему. [Каландары] прочитали много молитв. С пустыми руками я их не отпущу. Их сорок один человек. Дам им немного милостыни и выпровожу. Пусть не приходят снова и не думают: „Оказывается, он дает деньги“. Если и я с ними буду мягок, не принесли бы они беду, как та старуха!» Рустам подумал так, дал каландарам немного милостыни и сказал:

147. «Каландары, внемлите моим словам!
Чтоб и следа вашего больше не было в этих местах!
Если снова придете, я вас убью.
Разве каландары не ходят по городам?
Разве не читают проповеди в торговых рядах?
Что же вам нужно в этих уединенных местах?
Эй, каландар, чтоб тебе помереть, так и не сняв свой колпак!

Не голоси свое: „Шайдилла!“
Если снова придете, голову вам отсеку!
Раз уж милостыню получили, уходите отсюда прочь!
Что вам нужно в этих опасных местах?
Если явитесь снова, введете меня в грех.
Ты получил свою милостыню, каландар, и уходи!»

Эти слова промолвил Рустамбек.
Они услышали от Рустама грубые слова,
Сказали: «Пусть пропадут деньги, которые дал этот юнец!»
И, опозоренные, ушли из этих мест.
Некоторые из них сказали Султанхану:
«Ты — наш предводитель, с нами по свету бродил,
Пришел и разыскал это уединенное жилье.
Пусть пропадет милостыня, которую он нам дал!
Сильно опозорены из-за тебя!»

Они сказали так и отправились в путь.
Все каландары опьяненные бредут¹,
Сколько людных перекрестков миновали они!
А цель у каландаров была одна:
Идти, чтобы Каабу разыскать.
Там, где можно было выгодать, попрошайничали они,
А где приходилось трудиться, быстро проходили те места.
Они хотели хадж * совершить.
Каландары выкрикивали: «Шайдилла!» — и дальше брели.
Сорок один каландар в поисках Каабы шли.
Не знали о горе Султанхана они,
Целью их была Кааба, шли, не сворачивали с пути,
Сколько городов вот так повидали они!
Всюду останавливались у тех, кто был дружелюбен к ним.
Тут Султанхан рассказал им о горе своем:

¹ Каландары впадали в религиозный экстаз, приближаясь к святым местам. Слово «опьяненный» употреблено в значении: «опьяненный любовью к богу» (ср. Бартольд, Ислам, стр. 58).

«Словно листок, сердце каландара дрожит.
Знайτε, я — каландар и я Акташа хан.
Не обижайтесь понапрасну, из-за того что я опозорил вас,
Он — единственный сын такого нищего, как я!
Из-за любви к нему унижение принял я,
Каландары, я пришел [сюда], получив весть о нем.
Друзья мои, до Каабы мне дела нет,
Я считаю, что Кааба уготована мне здесь!
Знали бы вы, сколько ошибок я совершил!
Может быть, вас задела его слова?
Но не принимайте близко к сердцу их.
Все, что он говорил, это было сказано для меня.
Имя его Рустам, сам он могучий кучкар *,
Из-за любви к нему каландаром сделался я.
Если вы идете в Каабу, идите себе, друзья,
А я, если вернусь [к нему], свою Каабу найду!
Сколько дней мы были вместе в пути!
Друзьями закадычными стали мы.
Я снова отправлюсь в обратный путь.
Если вы идете в Каабу, так идите, родные [мои]».

Сказав это, со всеми простился [Султанхан].
Сорок каландаров в сторону Каабы пошли.
Шел Султанхан и к одному городу подошел.
Одинокий он тот город увидал,
Султанхан пошел на базар, где продавали ишаков.
Ему не хотелось в одиночестве [пешком] идти.
В городе он купил большого серого ишака,
Тут он, сидя верхом, под колено кукурузный початок положил,
В свою переметную суму тыквянку * положил:
«Итак, поеду назад. О сердце мое!», — сказал.
«В цветнике поющий мой соловей», — сказал.
«Если убьет, пусть убьет меня единственный мой сын», —
сказал,

Снова повернул и направился к горе Бахра,
К беку Рустаму опять возвращается он,
[Чтобы] снова взглянуть Рустаму в лицо.
Едет он, погоняет своего ишака.

148. Вот едет Султанхан по дороге долго ли, коротко ли. Надев свою шапку [каландара], в один из дней он опять подъехал к Акрабату. А Рустамбек был на охоте. Султанхан, привязав своего ишака, спустился к берегу большого бассейна. Он повесил на деревья тыквянку

и кукурузный початок, выбил [из тыквянки] гашиш * и наслаждался им. К бассейну за водой пришла Офтобой. Она увидела каландара. Он был опоясан широким золотоканым кушаком. Всею своею внешностью, осанкой и фигурой он походил на Рустама. Тут Офтобой, обращаясь к каландару, стала говорить:

149. Лицо, подобное розе, в горестях желтеет.
Сколько людей ничего не знают [о нас]!
Каландар, остановившийся на отдых в этих местах,
Скажи, ради кого ты пришел сюда?
[Тебе] идет золотоканый кушак, что на талии твоей,
Много неверного в том, что ты рассказал,—
За отца, хана нашего, себя не выдавай!
Каландар, скажи, откуда пришел ты?
Черные локоны мои в косички заплетены,
Каландар, послушай, что тебе скажу!
Если придет сюда недруг, будет повержен он,
Предводитель каландаров, откуда пришел ты?
Днем и ночью от горя приходилось ли тебе стенать?
Пусть бог смиренного раба божьим рабом назовет!
Эти земли стали прибежищем для нас.
Каландар, скажи, откуда пришел ты?

150. Услыхал это Султанхан, приподнял голову и, обращаясь к Офтобой, стал говорить:

Горе большое у меня. Кто знает о моих делах?
Цепкую ловчую птицу свою я упустил,
Много земель исходил, не настигла меня безвременная смерть,
К какому из цветников полетел мой соловей?
На этот путь наставил меня всемогущий аллах.
В заупустении моя обитель, мой дом,
Кружась, взмыл в воздух серый сокол мой,
Спрошу-ка, опустился ли он на этот цветник.
Я ушел, в заупустении оставил те места, где жил.
Птицу, что упустил, я не отыскал,
Всюду исходил, расспрашивая о ней,
Сколько городов, сколько стран повидал!
Моего сокола днем и ночью искал.
Говорят, в этих краях опустился он в цветник.
Сколько времени странствовал я и его отыскал!
Скажи, здесь ли мое дитя?

151. Услыхав это, Офтобой поняла, что это — отец Рустама и сказала ему:

Когда битва идет, лихих богатырских коней вскачь пускают,
Если скачут, бархатной попоной их покрывают,
Я поняла — потерял кого-то и [сюда] пришел ты.
Не горюй, дорогой бек, найдется пропажа твоя.
Пусть из твоего сердца горе, тревога уйдут!
Сокола своего, которого ищешь, увидишь ты, —
Вновь возродится твой край!
Не горюй, дорогой бек, найдется пропажа твоя,
Тебя увидала и взволновалась моя душа.
Сколько времени вдали друг от друга жили мы!
Теперь ты пришел сюда, разыскивая нас.
Сколько дорог ты исходил! Даже не пересчитать.
Не печалься, найдется тот, кого ищешь ты.

152. Сказав это, Офтобой наполнила [водой] большой кувшин и вернулась домой. Она пришла к Хураим. Офтобой подумала: «Хураим в обиде на Султанхана. Если я сообщу ей о приходе шаха, никогда она не скажет: „Приведи его сюда!“ Если сейчас вернется Рустамхан с охоты, он изрубит его, не слушая никаких моих уговоров. Но если он увидит [Султанхана] рядом со своей матерью, то, почитая мать, не причинит ему вреда». Офтобой подмела в доме, сгребла мусор и стала раскладывать на полу палас.

Хураим сказала:

— Похоже, что мой сын приведет гостя. Что-то уж ты больно суегишься!

Офтобой ответила:

— Пусть это вас не тревожит, — и вышла.

Хураим подумала: «Почему это она так засуегилась?» Вдруг видит: [Офтобой] ведет Султанхана.

Хураим сидела не дыша и думала про себя: «Тот, кто идет вместе с ней, был моим любимым. Он причинил нам много страданий. Наконец, раскаявшись, он пришел с повинной головой, пришел с покаянием к Рустаму. Рустам тогда прогнал его. С тех пор прошло некоторое время. Судя по тому, что Офтобой быстро идет с ним, должно быть, Рустам уже виделся с отцом где-нибудь на охоте или в горах. И теперь, когда Султанхан вернулся вновь, он его не прогнал и, наверное, сказал ему: „Поживи здесь, послужи“. Иначе, если бы Рустам не знал о нем, она не поступила бы так».

Султанхан приветствовал Хураим и стоял, опустив голову. Офтобой провела его на женскую половину дома и усадила на одеяла.

Хураим вошла и тоже села. Оба расспросили о здоровье друг друга, поговорили о тех невзгодах, которые пережили, попеняли друг другу. Хураим пристыдила Султанхана. Офтобой прислуживала им. Неожиданно вернулся с охоты Рустамхан. Рустам оставил около супы убитых им архара и лань и вошел в переднюю комнату дома.

Офтобой проворно вышла ему навстречу. А Рустам, ища Офтобой, заглянул в комнаты женской половины. Рядом с его матерью сидит могучий каландар, которого он видел на днях одетым в кулах.

Рустам рассвирепел и, не помня себя, схватился за меч. Он вбежал на женскую половину дома:

153. Увидев каландара, он весь вскипел,
Из ножен выхватил свой меч,
Растерялась [от страха] Офтобой.
«Ты, каландар, теперь выслушай меня!
Ударом меча голову тебе отсеку.
Грешный, попался в руки мне,
Не пощажу, непременно тебя убью!
Что тебе нужно в этих местах? Ну-ка, скажи!
На днях я тебе говорил, а ты не понял [меня],
Подумал, что ничего не стою я.
Знаешь, что умрешь, но не избегаешь меня,
Зная, что тебя ждет, иного пути не избрал».
[Султанхану] слушать Рустама было невмочь.
Приблизился к каландару Рустам,
На его голову он готов был меч опустить.

В тот же миг Хураим с места поднялась,
Сына своего Рустама удержала, воскликнув: «Дитя мое!
Он раскаялся, сам разыскал тебя.
Дитя мое, что случилось с тобой? [Хочешь] зарубить его?
Мой ягненок, что бы там ни было, заносчивым не будь!
Скажут: „Рустам своего отца зарубил“.
Мой ягненок, пусть плохая молва о тебе не идет.
Когда наступает осень, в саду увядают цветы,
На увядшую розу прилетел и сел соловей!
Рустам-джан, таким жестоким не будь!
Вернулся отец твой, что в страну Курудым уходил.
Какой же сын пронзает своего отца мечом?
Повинную голову меч не сечет!»

Мать Рустама добрый совет ему дает.
И тогда Рустам почувствовал слабость в руках,

Как и просила его мать, бек Рустам
На землю бросил свой меч.
Будто темная мгла рассеялась перед ним.
Рустамхан смущенный стоял,
В тот же миг, издав тихий стон, с места поднялся
Султанхан. Воскликнул: «Сын мой!» — и прижал его к
своей груди.

Сына своего целым-невредимым он увидал,
Сколько печалей и неисполненных желаний покинули его!
Разлученные, они снова друг друга нашли.
Много дней и ночей с тех пор прошло,
Султанхан сказал Рустаму такие слова:

«Внемли речам хана — твоего отца,
Мой ягненок, отправимся в страну Акташ!
Не оставайся в этих заброшенных краях,
Мой ягненок, не оставайся в этих пустынных местах.
Поезжай и свою страну Акташ повидай,
Тот край, где родился и беззаботно рос».
Сколько слов тут сказал Султанхан!
Снова и снова много заверений давал,
Раскаялся в своем поступке Султанхан.

Рустамхан согласился поехать в страну Акташ.
Собирается он, чтобы ехать в Акташ,
Оседлал и сел верхом на своего коня,
Нужное ему оружие с собою взял.
Все выехали в направлении страны Акташ.
Вот так из Акрабата выехали они,
Теперь во главе всех едет Рустамхан.
Спустившись с горы Бахра, по дороге поехали они,
По бескрайним пустынным степям долго ехали они.
Сколько дней и ночей проехали они!
Немало безводных пустынь миновали они,
По пути проехали несколько плещущих озер,
К виселице Мансура приблизились они.

154. Когда они приблизились к Шатуту, Хураим вспомнила о всех страданиях, перенесенных у виселицы Мансура, о жестокости палачей и стала так говорить:

Лишилась я чести перед людьми.
Вот блеснула вдали виселица, на которой вешали меня,
Она установлена для невинных. Что сделала я — несчастная?

Твои палачи из Акташа пешком гнали меня.
Когда шла по дороге, мучилась я.
Мой единственный ребенок прибыл в мой смертный час,
Он от горя и страданий избавил меня.
Всюду за собою вел меня, мое дитя.
На Рустам-джана много надежд возлагала я.

Тут Султанхан сказал:

«Не вспоминай все это, бедняжка ты!
Всякий ошибки совершает по неведению своему.
Ожил я, вместе с мой ягненком еду я.
Бедняжка, снова не убивай меня!
Воспоминания о минувшем пусть оставят нас!
За ягненка-Рустама жертвую своей жизнью я.
По неведению много ошибок совершил,
Раскаялся, всего лишился я,
О том, что сделал, я сожалел.
Красавица, снова не убивай меня!
Ищу свой край, по дороге еду я.
Снова ты говоришь [о былом], огорчаешь меня,
От того, что сделал, сам исстрадался я,
Душу свою вверх в пылающий огонь.
Едем мы в Акташ и однажды доберемся до него,
Будет казаться тебе, будто впервые видишь его.
Не говори [так], розолика, раскаялся я,
Каждое слово твое заживо убивает меня!»

Едут они, говорят такие слова,
Вот приближаются к Акташу они.
До Акташа дошла весть о том, что едут они.
«Вместе с сыном вернулся Султанхан», — говоря так,
Сколько сановников вышло навстречу им!
Сколько ликующего народу пришло!
Рустама в город ввели.
Вот так он вернулся в свой город Акташ.
В покоях шаха остановился он.
Смотрите — вместе с Рустамом теперь и его мать!
Вышел победителем из всех козней он.
Вместе с прислужницами оставалась там Химча-аим,
Все время плакала из-за того, что сделали палачи.
Сидя во дворце, услышала она,
Будто вместе с сыном вернулась Хураим.

Пришла, чтобы повидать Рустама и Хураим.
 Сколько народу здесь собралось!
 О житье-бытье друг друга расспросили они.
 Рустам и не знал обо всем, что здесь произошло.
 Хураим окинула всех взглядом, посмотрела она:
 Все пришли, две жены-соперницы не пришли.
 Султанхан так подумал об этих двух:
 «Кроме них, других врагов [я] не знал».
 С сановниками посоветовался он,
 «Узнайте всю тайну»,— сказал,
 Тогда пришли к нему несколько друзей,
 Они подозревали двух его жен.
 Расспрашивая всех, однажды он всю правду узнал,
 Казначей ответили на его вопрос:
 «Мы дали двум женам золота четыре мешка,
 Обе жены, взяв их, отдали все это старухе-мастан,
 Со старухой вместе сделали это [злое] дело они».

155. Казначей, служанки, находившиеся во дворце, люди, видевшие, как ходили две жены хана к старухе-мастан, рассказали обо всем, что знали и видели. Тут всем стало ясно, что недругами [Хураим] были две жены хана. Теперь Султанхан призвал обеих своих жен. Он подумал: «Из-за их дел нарушился порядок в стране. Сколько зла они причинили!» Султанхан прогнал обеих жен, а тюремщикам приказал так:

«Обе они виновны, руки им свяжите!
 Пусть не остаются здесь, тотчас же их из города изгоните!
 Кто делает зло, пусть возмездие узнает!
 Да не останется ни одна в живых, пусть умрут обе!»
 Падишах приказал, и палачи поднялись,
 Приказа Султанхана послушались они,
 Теперь к женам-соперницам они подошли.
 В тот же миг палачи погнали их,
 Из города вывели их.
 Раскаялись жены, которые были враждебны к [Хураим].
 То, что сделали с Хураим, обернулось против них.
 Выйдя в степь, палачи придумали так:
 К хвосту нежеребых кобыл привязали их,
 Наказали двух старших жен они —
 Погнали [лошадей] в заросли колючего кустарника, [так]
 убили их.
 Бросив тела, вернулись палачи,
 Дали весть падишаху, что обе умерли они.

Теперь Султанхан собрал свой народ.
«Рустам прибыл в страну целым-невредимым»,— сказал,
«Сын мой стал властителем моей страны»,— сказал.

Он приказал собрать и известить весь свой народ,
Приказал резать столько откормленного скота, столько овец!
Во многих местах разжечь очаги приказал.
В стране Акташ возрадовался Султанхан,
В честь сына для народа устроил праздничный той.
«Пусть будет властителем страны мой сын Рустам»,— сказал.
«Пусть Рустам примет свой черед на шахскую власть»,— сказал,
«Пусть Рустам управляет теперь страной»,— сказал.
Вот такую весть всему народу сообщить приказал.
Не согласился стать падишахом Рустам,
Уговорам, просьбам он не внял.
«Я много езжу, охотясь в степях, — он сказал, —
А что для меня величие и шахская власть?
Хватит с меня и походов моих!
Быть падишахом — это не по мне!
Мой отец жив, пусть он и управляет своей страной,
Буду [охотиться] на озерах, ездить по степям.
Походы мои дороже царства [мне].
Если падишахом сделаюсь я в этой стране,
Толку не будет. На эти дела я не гожусь.
Пусть не принуждает меня отец, когда поймет, что у меня
на душе,

А когда мой отец умрет, оставит напутствие мне.
Вершить дела падишаха — это тяжкий груз,
Пусть отпустит меня, ведь он сам правит страной!
Буду я разъезжать пять дней там, десять дней тут.
Мне по сердцу совершать богатырские дела.
Если я зло отыщу, то покараю [зло]».

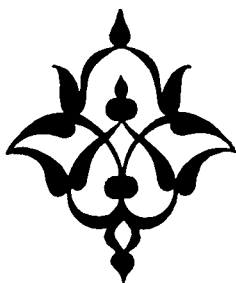
Много слов Рустам [еще] сказал!
Падишах от Рустама это услышал,
[Подумал]: «Целым-невредимым вернулся он и город
свой увидал».

Теперь Султанхан всему народу разойтись повелел.

156. Сколько ни уговаривал Султанхан Рустама, а Рустам отвечал:
«Я не буду падишахом». Султанхан остался падишахом в своей
стране.

Рустам со своей возлюбленной Офтобой стали жить хорошо и весело. Обоих благословила Хураим. Рустамбек сказал: «Я богатырь», и стал [на деле] испытывать свою удаль и храбрость.

Итак, Хураим и Рустамхан достигли своих целей и желаний.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОПИСАНИЕ ВАРИАНТОВ ДАСТАНА

Запись широко распространенной в Узбекистане народной эпической поэмы «Рустамхан» начинается в послереволюционное время, особенно в 30-е годы, когда узбекские фольклористы развернули активную работу по выявлению народных сказителей — хранителей богатого эпического наследия.

Полные записи поэмы хранятся в рукописном фонде сектора фольклора Института языка и литературы им. А. С. Пушкина Академии наук Узбекской ССР.

Рукопись инв. № 112

Fazil Çoldaş oğlu, Rustam han, autor aqzidan jazib aluci N. Zarifov, 1937.

Запись произведена Хади Тилляевичем Зарифовым от известного сказителя Фазыла Юлдаш-оглы (1875—1955) в районном центре Булунгур Самаркандской области в 1937 г. Рукопись состоит из шести тетрадей (пять из них — форматом 20×28 см, одна — 17×22 см) и содержит 2903 стихотворные строки и 2060 прозаических строк; латинская графика.

Данная запись легла в основу всех изданий дастана, вышедших на узбекском языке в разное время.

Рукопись инв. № 594

«Rustamhan» dastani, Kasansaj rajon, Kasan posolkasida turuci Mallavaj Naşimov baxşi aqzidan jazib alındı, jazib aluci Bujuk Karim, 1935.

Запись произведена Буюком Каримовым от сказителя Маллабая Хашимова в поселке Касан Наманганской области в 1935 г. Рукопись на 135 страницах, состоит из трех тетрадей форматом 13×20 см; содержит 392 стихотворные и 608 прозаических строк; латинская графика.

Рукопись инв. № 802

Uluq šair Mejlaş Ermatov ajtuci jazuci Şerbotajov Beyqul, «Rustam» dastan, 1940.

Запись произведена Бейкулом Шербатаевым от сказителя Мелаша Эрматова (1890—1945) в колхозе «Социализм» с/совет Аччи Заминского района Самаркандской области в 1940 г. Рукопись на 38 страницах, состоит из одной тетради форматом 27×36 см; содержит 483 стихотворные и 1026 прозаических строк; латинская графика.

Рукопись инв. № 1552

«Rustamxon» dostoni, aytuvchi Alim Xakkulov, 1962.

Рукопись представляет собой расшифровку магнитофонной записи, которая произведена от сказителя Алима Хаккулова, во время фольклорно-этнографической экспедиции сектора фольклора ИЯЛ им. А. С. Пушкина АН Узб. ССР, в поселке Митан

Иштиханского района Самаркандской области в 1962 г. Рукопись (расшифровка Туры Мирзаева) на 112 страницах, состоит из одной тетради форматом 18×22 см; содержит около 1200 стихотворных и прозаических строк.

Самый полный — вариант Фазыла Юлдаш-оглы (рукопись № 112). Варианты других сказителей значительно меньше по объему. В варианте Фазыла много широко развитых стихотворных монологов и диалогов героев, в других вариантах преобладает проза.

Сопоставление всех вариантов дастана позволяет выявить общность их сюжетной основы, идеи и образов. Различия наблюдаются в трактовке отдельных эпизодов. Это выражается в изменении деталей при изображении событий и образов, а также в различии художественных приемов, присущих индивидуальной манере каждого сказителя. Чтобы показать характер этих различий, мы даем подробное описание рукописей (по основным эпизодам), не вошедших в издание.

Во всех имеющихся записях поэма названа именем главного героя Рустамхана, сына правителя эпической страны Акташ, Султанхана. Правитель имеет трех жен, однако долгие годы остается бездетным. Он дает обет отправиться в долгое странствование в случае рождения ребенка. Будущий наследник рождается от младшей жены Хураим. Две другие жены Султанхана всюду выступают противницами Хураим¹. Их роль в развитии действия незначительна.

РОЖДЕНИЕ БОГАТЫРЯ

Во всех записях повествование данного эпизода строится из двух частей: пролога, т. е. предыстории рождения, и рассказа о рождении Рустама.

Пролог

В прологе сохраняется ситуация, традиционная для героического эпоса и сказок среднеазиатских народов: герой рождается от престарелого бездетного отца, обычно правителя страны, который возносит молитвы о рождении ребенка. Древность этого мотива отмечена исследователями, высказавшими мнение, что в эпосе и сказке среднеазиатских народов он получил позднее обычное мусульманское оформление².

Однако мусульманская окраска этого мотива непостоянна в эпических и сказочных зачинах. У узбеков, как и у других тюрко-монгольских народов, существуют сказания и сказки, где рождению богатыря не предшествует молитва родителей или вымаливание ими ребенка на могиле святого. Рождение героя часто происходит неожиданно для родителей от вкушения матерью плодов либо молока дикого животного. Очевидно, в таком изображении появления на свет богатыря отразились древние магические представления, которые в дальнейшем не подверглись религиозной трактовке. Но какую бы окраску ни носил этот мотив, он определяет необычность событий, предшествующих рождению богатыря, которые как бы обуславливают его будущую незаурядность.

Рук. № 594

Султанхану пятьдесят лет, у него три жены, но он бездетен. Во сне Султанхану является «некто». Он предсказывает Султанхану рождение ребенка, если он будет

¹ Их имена упоминаются только в записи, произведенной от Алима Хаккулова. Самую старшую зовут Гульайм, среднюю — Бульайм.

² См.: В. М. Жирмунский, Х. Т. Зарифов, Узбекский народный героический эпос, М., 1947, стр. 79; В. М. Жирмунский, Народный героический эпос. Сравнительно-исторические очерки, М.—Л., 1962, стр. 13.

странствовать в течение четырнадцати лет, Духовник — ишан Султанхана — дает ему благословение. Он советует на это время передать богатство и власть Хураим. Султанхан удивлен: «Мне пятьдесят лет, но я еще не слыхал, чтобы женщина была на троне». Ишан поясняет: «Хураим беременна и родит сына, которого я нарекаю Рустамханом. Поэтому она имеет право царствовать».

Покидая Акташ на четырнадцать лет, Султанхан наставляет Хураим, чтобы, правя страной, она не обижала обездоленных. Описание пышного царского отъезда, сцены прощания, описание встречи в пути с подвластными ханами, как в варианте Фазыла Юлдаш-оглы (рук. № 112), отсутствуют.

Рук. № 802

Султанхану семьдесят лет, у него три жены, но он бездетен. Падишах решает оставить трон младшей жене Хурум-пери.

Проехав шесть дней и шесть ночей, Султанхан со своей свитой разбивает в степи лагерь. Потом царствует шесть месяцев в стране Иранистан. По решению народа Хурум-пери становится правительницей Акташа. «Некто», увиденный ею во сне, предсказывает рождение сына и повелевает назвать его Рустамом.

Рук. № 1552

У Султанхана три жены: старшая Гуляим, средняя Буляим и младшая Хураим. Он бездетен. Явившийся во сне Султанхану странник-каландар говорит, что он должен уехать в страну Курудым на семь лет. Обе его старшие жены отказываются принять престол, но младшая — Хураим — соглашается править страной во время его отсутствия. Она сообщает Султанхану, что ждет ребенка. Султанхан, прощаясь, наставляет Хураим: «Веди себя хорошо, не обижай народ». На просьбу Хураим дать имя будущему ребенку Султанхан отвечает: «Если родишь сына, назови Рустамом, если дочь — то назови как знаешь».

Рассказ о рождении богатыря

Во всех записях повествование о рождении богатыря сохраняет элементы общетюркской эпической традиции: герой рождается в один день со своим конем.

Рук. № 594

О самом рождении богатыря повествуется кратко. Рассказ выдержан в традиционной повествовательной форме, характерной и для эпоса, и для сказки многих среднеазиатских народов: «Месяц за месяцем прошел, день за днем прошел, девять месяцев, девять дней, девять часов истекли и родился Рустамхан».

Рук. № 802

Рассказ о рождении богатыря близок к рассказу в рук. 594. Он начинается с традиционной сказочной формулы: «Месяц за месяцем, день за днем прошли, девять месяцев, девять дней, девять часов, девять минут истекло». Затем кратко сообщается, что, когда подошел день родов, Хурум-пери вызвала к себе прислужницу Кимча-гуль и во дворце родила сына. Они посоветовались между собой и назвали мальчика Рустамом.

Рук. № 1552

О рождении богатыря повествуется предельно кратко: «Пришло время. Хураим родила сына, назвала его Рустамом».

БОГАТЫРСКОЕ ДЕТСТВО

Как и в варианте Фазыла Юлдаш-оглы, где рассказывается, что трехлетнего Рустама мать отдаёт на обучение к мулле, поместив их в специальной подземной келье, всюду кратко повествуется о раннем обучении героя.

Рук. № 594

Когда Рустаму исполнилось три года, ему сделали обрезание и мать отдала его в школу (мектеб) к мулле, сказав: «Дитя мое, пока твой отец Султанхан вернется, станешь просвещенным».

Рук. № 802

Рустама отдали в школу, где он учился до четырнадцати лет.

Рук. № 1552

Рустаму исполнилось два года. Его отдали в школу. Там он учился до семи лет.

ПЕРВЫЙ БОГАТЫРСКИЙ ПОДВИГ

Во всех имеющихся записях дастана первый богатырский подвиг Рустам совершает, спасая от палачей свою мать, без вины приговоренную к казни Султанханом. Данный эпизод представляет собой законченный отрывок с завязкой, развитием действия, кульминацией и развязкой.

Завязка

Рук. № 594

Одна из старших жен Султанхана, увидев однажды Рустама, узнает, что он сын Хураим. Она предлагает второй жене известить царицу с наследником.

Старшие жены Султанхана тайком берут ключи от казны у Хураим, грузят золото на коней и отвозят его злой старухе в ее пещеру. Они просят старуху помочь им избавиться от Хураим.

Злая старуха дает тарелку золота семи казиям и четырнадцати муфтиям Акташа, которые по ее просьбе пишут письмо Султанхану с клеветой на Хураим. Они же подделывают подписи и скрепляют письмо печатью. С этим письмом старуха едет к Султанхану. (В описании поездки старухи к Султанхану отсутствует сказочный мотив, как в рук. № 112. Она отправляется в путь не на сказочном деревянном коне, а на ишаке.)

Рук. № 802

Завязка начинается с диалога двух старших жен Султанхана. Они договариваются погубить Хурум-пери, так как приближается срок возвращения Султанхана. Жены прибегают к помощи злой старухи. Старуха подкупает муллу, которого привели к ней жены падишаха. Мулла пишет жалобу Султанхану на беспутное поведение Хурум-пери и подделывает подписи чиновников Акташа. Старуха приезжает в Иранистан к Султанхану. Она, представ перед падишахом, притворно плачет (пустив в глаза сок перца) и вручает ему письмо.

Султанхан верит написанному. По его приказу в Акташ отправляются триста шестьдесят палачей, чтобы отвести на казнь Хурум-пери.

Рук. № 1552

Клевете на царицу предшествует диалог старших жен Султанхана Гульаим и Бульаим. Они принимают решение известить царицу, так как наавтра ожидается воз-

вращение Султанхана. Жены обращаются за помощью к злой старухе Сурхайил³. Она отыскивает одного известного муллу, подделывает подписи под его письмом и, сев на белого осла, едет к Султанхану.

Появлению старухи у Султанхана предшествует разговор падишаха с придворными. Они гадают, кто же родился у Хураим — сын или дочь. Старуху встречает военачальник Тулак с вопросом: «Кого родила жена Султанхана?». Старуха молча проезжает мимо него. Представ перед падишахом, она сообщает ему, что Хураим родила двух щенков⁴, и в подтверждение отдает письмо. Прочитав письмо, скрепленное подписями жителей Акташа, Султанхан отправляет в Акташ палачей вместе с Тулаком, чтобы казнить Хураим.

Развитие действия

Рук. № 594

Хураим видит сон о том, что ее повесили палачи. Она предчувствует, что сон ее сбудется. Наутро Хураим отпускает девушек-прислужниц, опасаясь как бы они не пострадали из-за нее. Но все, собравшись у ее золотого трона, решают лучше умереть, чем покинуть царицу в беде.

Палачей встречают с оружием в руках сорок прислужниц Хураим. В бою многие девушки гибнут, а самая смелая и умная из них — Химча, несмотря на свои семь ран, добирается до Рустама и рассказывает ему о том, что палачи увели с собой его мать.

В изображении отъезда Рустама за матерью и встречи его с отцом ряд деталей изменен (по сравнению с рук. № 112).

Семилетний Рустам приходит вместе с Химчей во дворец. Он видит поле битвы, убитых девушек и долго плачет. Химча стыдит Рустама, она говорит: «Плакать — это женское дело, [лучше] садись на коня и догоняй мать. Если она жива, то отнимешь ее у палачей, если убита — хоть увидишь ее». Химча приводит коня, произносит похвалу коню. Рустам облачается в доспехи, берет ружье и палицу (булаву). Затем он молится богу, просит у сорока святых-покровителей помощи⁵. Химча произносит похвалу Рустаму, благославляет его и тоже обращается за помощью к святым. После этого Рустам отправляется в путь. Он скачет следом за борзыми, которые ведут его по верному пути.

По дороге Рустам встречает Султанхана с войском. Султанхан не узнает его и спрашивает, кто он. Рустам отвечает ему без всякой проницательности: «Мне самому тошно, а еще ты пристаешь ко мне, старый дурень! Если ты не знаешь, старый дурень, кто я такой, я скажу тебе: я сын Хураим, которую увели палачи». Пораженный Султанхан соскочил с коня и воскликнул: «Я поверил словам врагов и убил Хураим!» Рустам, не слушая сетования отца, быстро скачет за борзыми.

Рук. № 802

Развитие действия начинается непосредственно с появления палачей в Акташе. Палачам не приходится прибегать к хитрости, чтобы проникнуть в крепость, так как им сразу открывает ворота Кимча-гуль, решив, что прибыл Султанхан со свитой.

Сборы Рустама на подвиг, седлание коня, похвала коню выдержаны в традициях эпической героики. Рустам просит Кимча-гуль принести оружие. Она приводит богатыря и коня, обращается к коню с похвалой. Ее короткий поэтический монолог

³ Такое же имя носит злая старуха в узбекском героическом эпосе «Алпамыш», в алтайском эпосе.

⁴ Контаминация со сказочным мотивом, широко известным в сказках народов Ближнего и Среднего Востока.

⁵ У Рустама, как у богатырей героического эпоса — Алпамыша, Манаса и других, — есть незримые покровители — пйры.

заканчивается словами: «У десяти ростовщиков нет столько денег, сколько мог бы получить один человек, продав тебя».

Рустам отыскивает дорогу при помощи двух борзых. Сцена встречи в пути с отцом отсутствует.

Рук. № 1552

Хураим видит вещий сон накануне прихода палачей. Она рассказывает сон своей младшей сестре Гульхимче. Гульхимча закрывает накрепко ворота крепости. Наутро прибывают сорок джигитов. Они стучат в ворота, крича, что приехал Султанхан. Их впускает в крепость какая-то женщина.

Палачи стаскивают Хураим с трона, мучают ее, связывают за спиной обе ее руки. На вопрос Хураим, в чем ее вина, палачи отвечают: «Ты жена хана, а родила щенков. Мы исполняем приказ Султанхана, поэтому и связали тебя».

Гульхимча по просьбе Хураим оповещает Рустама о случившейся беде. Она уговаривает муллу, дав ему одну тарелку золота, отпустить Рустама на сорок дней.

Рассказ о сборах Рустама в дорогу краток: по просьбе Рустама Гульхимча приводит его коня по имени Джийран-Куш. Вооружившись саблей, Рустам выезжает в сопровождении двух борзых.

Сцена встречи отца и сына близка к этой сцене в рук. № 112.

Султанхан издали наблюдает, как палачи гонят Хураим. Он видит, что вслед за ней едет какой-то всадник. Старый придворный Яртыбай, заподозрив старуху в обмане, советует Султанхану вызвать и расспросить старуху подробнее. Султанхан спрашивает старуху: «Этот парень не сын ли мой? Если ты обманула меня, я тебя убью». Она отвечает, что это не его сын, а любовник Хураим. Султанхан вновь верит старухе, так как решает про себя, что его семилетний сын не может быть таким большим и сильным. Сомнения Султанхана совсем рассеиваются, когда он вспоминает о письме, скрепленном подписями пятисот человек. Султанхан не отменяет приказа о казни Хураим.

Когда подъезжает Рустам, Яртыбай преграждает ему путь и обращается к нему с вопросом: «Откуда ты? Чей ты сын?» Рустам отвечает лишь после настойчивых расспросов: «Я Рустам Дастан из Акташа. Моя мать не должна умереть! Я хочу спасти бедную мать, отпусти меня!» Вслед за борзыми Рустам спешно скачет дальше. Он плачет, стонет.

Кульминация

Рук. № 594

В сцене казни Хураим введен ее разговор (в виде поэтического диалога) с покровителями-святыми. Хураим, обращаясь к святым, с укором вопрошает их:

Меня палачи пригнали сюда,
Где же вы раньше были?
Они избили меня.
Где же вы были?

В ответ она слышит голос святого:

Вместе с Али был я у виселицы,
Вместе с Юсуфом был я в яме,
Вместе с Хизром был в дороге,
С Бахаведдином был я в степи.
Только теперь пришел к тебе.
Случись и сорокалетняя война,
Сохранится даже муха, если ей суждено.

Сказал так, и стал невидимым.

В этом диалоге святого и Хураим своеобразно отражено народное переосмысление религиозных представлений. Святые воспринимаются героиней как реальные люди.

В рассказе о казни Хураим пустынная местность Чортут и виселица Мансура не упоминаются. Хураим должны повесить на золотой виселице.

Иной характер (чем в рук. № 112) носит изображение битвы Рустама с палачами. Богатырский поединок не выдержан в плане эпической героини: битва Рустама изображается лаконично, без традиционных описаний в виде развернутых поэтических клише. Рустам издали видит мать, стоящую под виселицей с веревкой на шее, и кричит своему коню:

Скачи скорей, иначе ударю камчой
[Так, что] рубец останется у тебя
Даже на том свете, до [самого] судного дня!

Подскавав к виселице, Рустам изрубил многих палачей, а многих пощадил. Он внял просьбе матери, которая подозвала его и сказала: «Ты уже убил многих. Не надо больше убивать, хоть они и палачи. Не быть бы тебе в ответе перед богом».

Рук. № 802

Палачи приводят Хурум-пери к виселице Мансура. Героиня обращается к виселице: «На тебе умирают виновные и невинные. Поднимись выше, не дай мне умереть».

Описание богатырского поединка аналогично описанию в рук. № 594. Опередив Рустама, к виселице вначале подбегают борзые; Хурум-пери обращается к ним с песней, которая содержит общий для всех вариантов поэтический рефрен:

Борзые пришли, Рустам, мой ягненок, не пришел,
Собаки пришли, Рустамбек не пришел,
Неужели не известила его Химча?
Или Рустам мне не предан, как эти борзые?

Когда Рустам увидел мать под виселицей, он стал убивать палачей и за один час уничтожил сто двадцать человек.

Рук. № 1552

Кульминация отличается рядом самостоятельных деталей. Хураим пригоняют к дереву Шотут (царский тутовник, в другом значении — красный, кислый тутовник⁶) — туда, где казнили людей «без вины виновных». По просьбе Хураим палачи разрешают ей совершить предсмертную молитву. Она просит подождать с казнью, так как надеется перед смертью повидаться с сыном. Некоторые палачи, опасаясь Рустама, говорят: «Казним ее сейчас», другие решают подождать, рассуждая: «Что сможет сделать семилетний мальчик, если придет сюда?». Неожиданно подбегают борзые, и, когда палачи видят вдали Рустама, они с криком «Вешай! Вешай!» вешают Хураим.

Богатырский поединок с палачами начинается после того, как Рустам успевает перерезать саблей петлю, натянутую на шее Хураим. Он вынимает мать из петли и приводит ее в чувство. Затем убивает почти всех палачей, но мать его просит пощадить тех, кто еще остался в живых.

⁶ Ср. в узбекском дастане «Мурадхан» — виселица расположена за городом, около тутовых деревьев (Фозил Йулдош-ўғлы, Муродхон, Тошкент, 1957).

Развязка

Рук. № 594

Рустам просит мать, чтобы она простила отца и вернулась в Акташ. Хураим отказывается. Рустам пытается поймать коня одного из убитых палачей для матери, но Хураим отказывается сесть на него. Оба садятся на коня Рустама и отправляются в путь на поиски пристанища.

Рук. № 802

Сцена встречи Рустама с матерью окрашена лирическими тонами, здесь используются эмоционально-напряженные поэтические диалоги Рустама и Хурум-пери. Рустам, приподняв мать с земли, кладет ее голову к себе на колени; Хурум-пери приходит в чувство от слез Рустама, капающих на ее лицо. Она просит сына вернуться в Акташ, но он отказывается. Посадив мать на коня, Рустам выезжает в степь на поиски пристанища.

Рук. № 1552

Сцена встречи Рустама с матерью описана лаконично. Поэтический диалог героев отсутствует. Хураим в ответ на предложение сына вернуться в Акташ обвиняет Султанхана в жестокости и не соглашается ехать на родину. Мать и сын садятся на коней и едут в направлении горы Палапан.

ВТОРОЙ БОГАТЫРСКИЙ ПОДВИГ

Во всех записях дастана основу сюжета данного эпизода составляет рассказ о битве Рустама с драконом и его женитьбе на спасенной царевне.

Эпизод второго богатырского подвига представляет собой, как и предшествующий эпизод битвы с палачами, самостоятельный отрывок с завязкой, развитием действия, кульминацией и развязкой. Во всех вариантах сохраняется общая сюжетная линия. Изменения наблюдаются лишь в трактовке отдельных мотивов, а также в обрисовке образов главных героев. Всюду завязкой служит рассказ о том, как Рустам вместе с матерью находят пристанище, поселившись в пустынном замке вдали от людей.

Завязка

Рук. № 594

Наряду с мотивами, имеющимися в рук. № 112, имеются и дополнительные моменты.

Сохранен мотив о солнце, восходящем одновременно с двух сторон. Рустам, подбегая к горе Бахра, видит два солнца, одновременно восходящие с востока и с запада. Удивленный, он обращается к матери: «У нас в Акташе одно солнце, а здесь почему-то два!» Хураим поясняет: «Одно солнце божье, а второе сделали дивы. И этот замок, который мы видим, тоже сделали дивы».

Различие наблюдается в рассказе о чудесном саде, окружающем замок, расположенный на горе Бахра. Внесены некоторые подробности, отсутствующие в рук. № 112. Так, Хураим боится войти в сад, думая, что их съедят дивы. Рустам уверяет мать, что сад пуст, а если появятся дивы, он их всех перебьет. Когда Рустам и Хураим решаются войти в сад, они находят там приготовленный плов и чай. Утолив голод и жажду, мать и сын располагаются на отдых в саду у бассейна под деревьями, на которых полно спелых плодов. Во время полуденной молитвы (пешин) Рустам вместо призыва на молитву издает другой клич. Мать упрекает его: «Ты учился в школе четыре года. Неужели не знаешь, как призывать на молитву?»

Рустам отвечает, что знает, как призывают на молитву, но сейчас он вызывал дивов⁷. Когда они вместе с матерью молятся, к ним подходят дивы. Увидев сидящих у бассейна Рустама с матерью и приняв их за хозяев замка, дивы убегают в свою страну Куйкоф.

Рук. № 802

В завязку введены сказочные сюжеты, которые часто встречаются и в узбекском романическом эпосе.

Проехав три дня и три ночи в поисках пристанища, Рустам и Хурум-пери видят в степи белый дворец Ак-Курган. Рустам просит у матери разрешения подъехать ко дворцу. Она благословляет его, и он скачет на коне в сторону дворца. Рустам входит через ворота в сад и видит там чудесные деревья, поющих соловьев, бассейн, а на глиняном возвышении — супе, покрытой коврами, различные яства. Он хочет сорвать один абрикос, но абрикос вырывается из его рук, поднявшись вместе с веткой. То же происходит и с яблоком. Рустам идет дальше, видит котел с готовым пловом, хочет зачерпнуть его половником, но половник тоже вырывается из его рук и убегает⁸. Рустам, выйдя из ворот, видит, что приближается полчище дивов («Авангард дивов в Андижане, а конец — в Кашгаре»)⁹. Рустам начинает битву с дивами, он убивает всех дивов до единого. Затем едет за матерью и привозит ее во дворец.

Рук. № 1552

Завязка по основным своим мотивам близка к рук. № 594 и № 802; имеются лишь незначительные изменения в деталях.

Рустам вместе с матерью в поисках пристанища едет в страну, где находится гора Палапан. Поднявшись на гору, Рустам видит два солнца, восходящие одновременно с востока и с запада. Мать объясняет, что солнце на востоке настоящее, божье, но не знает, что за солнце, которое восходит на западе. Она предлагает поехать посмотреть. По дороге они находят большой постоялый двор (равот) с высоким глиняным забором⁹. Рустам стучит плеткой в ворота, но никто не выходит. От его стука ворота падают. Тут перед ними раскрывается чудесный сказочный мир. За оградой огромный сад с бассейном, всюду расстелены ковры, кипят самовары, в красных чайниках налит свежесваренный чай. На деревьях висят спелые гранаты, инжир. В саду поют птицы, летают голуби и воробьи.

Рустам решает поселиться в этом месте, несмотря на опасение матери, что все это устроили дивы и что может явиться хозяин и они станут его пленниками. Рустам успокаивает мать. Он говорит: «Ничего бояться дивов, раз я здесь». Затем он узнает у одного из явившихся к нему дивов, что это жилье Кайси-дива. Рустам убивает дива. Второй див обращается к Рустаму с просьбой, чтобы тот боролся с ним без оружия. Но Рустам не может победить дива только силой и убивает его ударом сабли.

Далее вводится ситуация, традиционная для узбекских волшебных сказок: убив дива (или великана), герой освобождает и его пленников. Так, Рустам находит темницу (хандак), где дивы держали много людей и приготавлили из них шашлык. Он освобождает всех пленников, и они уходят, благодаря его за спасение и молясь за него.

⁷ Почему Рустам вызывал дивов, далее нигде не поясняется.

⁸ Аналогичную разработку сказочного мотива см.: в романическом дастане «Малика Аяр» (Ф о ф и л Й у л д о ш - ў г л и, Малика Айёр, Ташкент, 1955).

⁹ Здесь любопытна реплика сказителя: «Это была колхозная постройка». Это, как и последующее упоминание бинокля, — отражение современных понятий в традиционном дастане, записанном в наши дни.

Развитие действия

Рук. № 594

Прожив в замке три дня, Рустам просит мать отпустить его на охоту. По пути Рустам в восточной стороне видит шатер. Рустам возвращается к матери и просит разрешения поехать к шатру. Она отвечает: «Из-за меня ты оставил свой Акташ, свой народ, своего отца и золотой трон. Ладно, поезжай, если хочешь».

Встреча Рустама с царевной изображается иначе, чем в рук. № 112.

Рустам находит в шатре связанную девушку, а около шатра — овцу. Он узнает от девушки, что дракоң съедает ежедневно одну овцу и одну девушку. Рустам называет себя и говорит, что ему семь лет. Девушка тоже называет свое имя и говорит, что ей четырнадцать лет.

Диалог героев построен не в плане эпического стихотворного диалога (как в рук. № 112), а целиком сохраняет традиционную сказочную формулу-условие. Рустам трижды спрашивает девушку: «Если убью дракона, кем вы мне тогда станете?» Сначала она отвечает: «Если убьете дракона, до самой смерти буду варить вам, убирать и ухаживать за конем». Затем обещает: «Буду вам младшей сестрой». Рустам принимает только ее третий ответ: «Тогда буду вашей женой». После этого Рустам, помолвившись богу, собирается к дракону. Царевна плачет и молит бога, чтобы он помог Рустаму.

Рук. № 802

Развитие действия аналогично рук. № 594, лишь с некоторыми изменениями в деталях.

Поводом для отъезда Рустама из замка служит удивительное явление, привлекающее его внимание.

Прожив в замке три дня, Рустам однажды забирается на крышу дворца. Он смотрит в бинокль и далеко в степи видит завихряющийся столб пыли¹⁰. Рустам идет к матери и просит разрешения поехать, чтобы выяснить, что это такое. Мать уговаривает его остаться, но после настойчивых просьб отпускает, взяв с него обещание вернуться завтра в полдень. Получив благословение матери, Рустам уезжает.

Проведя в пути два дня и две ночи, Рустам миновал разрушенный безлюдный город, где бродят волки и шакалы. В степи он замечает юрту. Подъехав к юрте, Рустам заглядывает внутрь и видит красавицу, связанную цепью, с колодкой на шее. С правой стороны юрты привязана овца. Рустам обращается к девушке с вопросами: «Кто ты такая? Чья ты дочь? Почему ты здесь?» Девушка отвечает: «Отца моего зовут Маметхан. Он был падишахом этой страны. Однажды появился дракон, он съедал в день по одному человеку, которого отдавал ему отец. Уже съедены все люди. Зовут меня Хуршидай. Теперь настала моя очередь». На вопрос девушки, кто же он такой, Рустам называет себя. Он заходит в юрту и перерубает цепь своим мечом. Освобожденная девушка убегает в степь.

Рук. № 1552

Отъезд Рустама из замка изображается близко к рук. № 112. Поводом для отъезда служит реальный характер запросов героев: мать просит Рустама разыскать рынок, чтобы сделать покупки. Она отпускает его на три дня и дает напутствие: «Никогда не бросай оружие».

Описание встречи с девушкой, как и все последующее развитие действия, сохраняется в своей основе мотивы, близкие и к рук. № 112 и к рук. № 594. Изменения наблюдаются только в деталях.

¹⁰ Подобная мотивировка отъезда героя из дома характерна для узбекских сказок. Герой хочет выяснить причину необычного явления (увиденный издали столб пыли или зарево), но мать отговаривает его, предвидя опасность.

Рустам, взобравшись на вершину горы, осмотрел окрестности. Он не видит ни поселения, ни базара, а замечает вдали лишь белый тутовник. Подъехав к дереву, Рустам находит под ним белый шатер, а внутри шатра — связанную девушку. Рядом с юртой привязана овца. На вопрос богатыря: «Кто связал тебя и зачем? Покажи мне этого человека», девушка отвечает: «Я дочь Хисровшаха, зовут меня Офтобой». Она рассказывает, что напавший на их страну дракон наложил на шаха дань по одной девушке и по одной овце в день и что сегодня настала ее очередь.

Девушка уговаривает Рустама уехать, чтобы спастись от дракона. Рустам не соглашается и просит ее показать, с какой стороны появится дракон. Девушка отвечает: «Эй ты, узбек! Оказывается, ты не боишься смерти. Иди этой дорогой и войди под мост. В это время по мосту проползет дракон. Если взглянешь на него спереди, он убьет тебя, а если сзади — то ты его убьешь».

Кульминация

Рук. № 594

В основе кульминации — богатырский бой с драконом.

Героичность сюжета о богатыре-змееборце (по сравнению с рук. № 112) значительно снижена за счет введения сказочной фантастики. В изображении богатырского поединка с драконом использованы мотивы, близкие к волшебной сказке. Рустам идет навстречу дракону. Дракон, увидев богатыря, втягивает в себя воздух и проглатывает его вместе с мечом. Однако, выйдя невредимым из чрева чудовища, Рустам убивает его¹¹.

В данном эпизоде сохраняется деталь, характерная для героического эпоса и богатырской сказки: в доказательство своего подвига Рустам вырезает ремень из кожи убитого дракона.

Рук. № 802

Изображение богатырского боя лишено эпической героики за счет введения сказочных мотивов, придающих повествованию занимательность. После того как девушка убежала, Рустам плачет, оставшись один в юрте. Коня он отпускает, предварительно вырвав из его хвоста пучок волос¹².

Ночью дракон видит во сне, что какой-то человек убил его. Когда настает утро, дракон замечает юрту и, потянув в себя воздух, заглывает ее. Рустам удерживается на земляном полу юрты. Он берет горсть земли и бросает в глаза дракону. Дракон слепнет. Ударом по голове Рустам убивает его и вырезает из кожи убитого дракона узкую полоску.

Рук. № 1552

Кульминация значительно отличается от рук. № 594 и № 802, хотя изображение богатырского боя, как и в этих рукописях, имеет сказочный характер. Сохраняется традиционная эпическая деталь: вырезанный из кожи дракона ремень служит доказательством подвига героя.

¹¹ См. разбор сказочного сюжета в кн.: В. Я. Пропп, Исторические корни волшебной сказки, Л., 1946, стр. 205—223. О снижении героики свидетельствует и то, что богатырь убивает дракона без участия своего коня.

¹² Деталь, характерная для мотива волшебных сказок многих народов мира, в том числе и народов Ближнего и Среднего Востока: конь, отпущенный героем, вновь является к нему, как только он сжигает волос, вырванный накануне из его хвоста. См. также в узбекских сказках: «Сорок женихов», «Пять девушек», «Эркенджа», «Завещание отца» («Узбекские народные сказки», Ташкент, 1963, т. I, стр. 263, 326, 387; т. II, стр. 26).

Рустам идет в сторону, указанную Офтобой. Он видит мост и прячется под ним. В это время по мосту проползает дракон, на лбу которого написано: «Если из Акташа придет Рустам, он убьет меня». Тогда Рустам с криком: «Вот я прибыл из Акташа!» — бросается на дракона. Рустам кричит: «Подними голову. Пришел я — твой погубитель!» (следует развернутый стихотворный монолог). Затем Рустам, приблизившись к дракону, ударяет его мечом с правой стороны. Убив дракона, он вырезает из его кожи ремень.

Развязка

Рук. № 594

Рустам возвращается к девушке с полоской, срезанной с кожи убитого дракона. Потом Рустам уезжает от Офтобой со словами: «Если бог повелит, я женюсь на тебе».

Далее вводится ряд дополнительных деталей, отличных от рук. № 112. Так, вводится сказочный мотив: усыновление героя бедной старухой. После долгого пути Рустам подъезжает к городу. У городских ворот он встречает плачущую старуху. Рустам приветствует ее и спрашивает: «Почему плачешь, старушка?» Старуха говорит, что ее единственную дочь вчера проглотил дракон, а теперь настала очередь Офтобой — дочери падишаха. «Не знаю, что случилось с ней, поэтому и плачу». Рустам сообщает, что убил дракона и просит старуху взять его в сыновья на место умершей дочери. Они идут к ней в дом¹³.

Финалу развязки (женильба героя на спасенной царевне), так же как и в рук. № 112, предшествует рассказ о приключениях богатыря в стране падишаха Бувраха — отца царевны Офтобой, и о событиях, связанных с появлением соперника богатыря, выдающего себя за победителя.

Рассказ о мнимом победителе имеет самостоятельную трактовку. В роли соперника богатыря выступает не «староста нищих» Тогай, а игрок в азартные игры Артык-Палван. Он изображается таким же бедняком, как и Тогай, однако лишен благородных черт: мудрости, справедливости, честности. Артык-Палван не только не отказывается от присвоения чужой победы, а напротив, доказывает, что убил дракона, и пытается завладеть троном и жениться на царевне.

Рассказ о мнимом победителе построен в краткой повествовательной форме. Буврахан вызывает Артык-Палвана и просит поехать к дракону, убить его и спасти дочь. Тот соглашается, седлает коня и уезжает. Буврахан поднимается на вершину холма, чтобы издали увидеть битву. Приблизившись к дракону, Артык-Палван видит, что дракон мертв.

Далее ситуация во многом близкая к рук. № 112. Артык-Палван скачет на коне к шатру, где осталась связанная Офтобой, и рассказывает ей о своей победе. Девушка уличает его во лжи. Она говорит: «Разве ты смог бы убить дракона? Дракона убил другой человек, а ты не имеешь права видеть мое лицо¹⁴. Уходи, а то я тебя убью!»

Буврахан с горы видит, что Артык-Палван подъезжает к шатру, и едет к дочери. Офтобой говорит отцу: «Дайте всем подарки за то, что я осталась жива». Она рассказывает о настоящем победителе дракона. Буврахан не верит ей. Он устраивает большой той в честь избавления дочери от дракона и решает отдать ее за Артык-Палвана, поскольку считает его победителем дракона.

¹³ Аналогично в узбекских сказках «Орзиджан и Камбарджан», «Воспирохун», «Эрназар и Кимоназар», «Мулла Панкуш» (см.: «Узбекские народные сказки», т. I, стр. 135, 183; т. II, стр. 71); в романическом дастане «Равшан» (см.: Эргаш Жуманбул-угли, Равшан, Достон, Ташкент, 1954).

¹⁴ По существовавшему обычаю видеть лицо женщины открытым мог только близкий мужчина — родственник или муж.

В рассказе о возвращении богатыря к спасенной девушке отсутствует повествование о полоске, вырезанной из кожи убитого дракона. Финалу развязки предшествует цепь приключений героя, для раскрытия которых широко привлекаются мотивы, характерные для эпоса, и отдельные самостоятельные сказочные сюжеты.

В основу рассказа о первом приключении Рустама лег эпический мотив, близкий по своей разработке к аналогичному мотиву героического эпоса «Алпамыш». Рустам, проехав на коне три дня, неожиданно встречается в степи с пастухом, стерегущим стада Маметхана. Он просит пастуха накормить его. Пастух режет двенадцать баранов, чтобы утолить голод богатыря. В благодарность за это Рустам отдает пастуху свою одежду, коня и обещает сделать его падишахом по прошествии трех месяцев.

Далее введен сказочный мотив: Рустам ложится на землю и, трижды перевернувшись через голову, превращается в нищего калы (плешивца). Идя пешком по степи, он встречает старуху и, назвавшись ее сыном, живет у нее в течение трех месяцев, зарабатывая на пропитание ежедневной продажей дров.

В роли мнимого победителя выступает сам богатырь. Превратившись в нищего плешивца-калы и никем не узнанный, он как бы оспаривает у самого себя право женитьбы на спасенной царевне. Рассказ о приключениях Рустама, принявшего облик популярного героя народной сказки — остроумного и находчивого плешивца, целиком сохраняет отдельные сказочные мотивы и сюжеты. Об этом свидетельствуют все подробности рассказа о приключениях никем не узнанного героя.

Чтобы найти богатыря — победителя дракона, отец спасенной царевны Маметхан созывает всех джигитов своей страны и объявляет: «Завтра приходите все к тому месту, где растет чинара. На чинаре я повешу золотой кувшин для омовения. Тому, кто его собьет, отдам в жены свою дочь Хуршидай». Собравшиеся стали стрелять из лука, но никто не попал в кувшин. На вопрос падишаха: «Есть ли еще человек, который не стрелял?», палачи сообщили, что остался еще один плешивец, который живет у бедной старухи.

По приказу падишаха два палача приводят плешивца. Ему дают сломанное ружье и заставляют стрелять в кувшин. Плешивец стреляет и попадает в цель. Но Маметхан не хочет отдать дочь за нищего. Он снова объявляет, чтобы завтра все пришли на состязание по борьбе (кураш), и обещает отдать дочь за победителя.

Вначале на борьбу выходят два богатыря, которые не смогли свалить друг друга. Тогда падишах приказывает палачам снова привести плешивого, чтобы он боролся с богатырями. Увидев его, богатыри сказали: «Если вы не хотите отдать ему дочь, то не отдавайте. Он все равно не сможет (силой) взять ее в жены. Так зачем бороться нам с ним?» Плешивый услышал это, рассердился и начал бороться с богатырями. Одного закинул в небо и тот не вернулся. Другого ударил оземь так, что он вошел вглубь и не вышел оттуда.

Падишах опять не пожелал отдать дочь победителю и объявил на завтра состязание на скачках¹⁵. Все участники состязания далеко ускакали на своих конях, а плешивый сел на облезлого коня задом наперед. Когда люди стали смеяться над ним и спросили: «Что же ты так сидишь?», плешивый сел как следует на коня, стегнул его и мигом обогнал всех. Он первым прибыл в город, но падишах опять не отдал за него дочь.

По приказу падишаха наутро во дворце собрали всех джигитов. Царевна с закрытым лицом стала обходить всех, но никому не кинула яблоко, которое держала в руке. Тогда падишах приказал привести плешивого, думая, что дочь все равно не

¹⁵ Здесь сохранены все компоненты традиционных брачных состязаний (стрельба в цель, борьба, скачки) — широко распространенного мотива героического эпоса и богатырской сказки среднеазиатских, алтайских и монгольских народов (см. об этом подробно в кн.: В. М. Жирмунский, Сказание об Алпамыше и богатырская сказка, М., 1960, стр. 264).

выберет его и он уйдет ни с чем. Девушка сразу бросила в него яблоко. Маметхан в гневе не устроил ни обручения, ни свадьбы, а отвел молодым помещение, где держали ишаков.

Далее вводится ряд сказочных эпизодов, повествующих об удивительных приключениях плешивого.

Спустя три дня после женитьбы, плешивый, выйдя во двор, стал чесаться. Падишах, увидев это, разгневался и схватил меч, намереваясь убить его. В это время вышла Хуршид-ай и пригласила отца к себе в дом к чаю. Она быстро приготовила лепешки с мясом (юпка), а в некоторые из них положила кизяк. Когда падишах, откусив лепешку, обнаружил это, царевна извинилась и объяснила, что так произошло из-за того, что они с мужем живут рядом с ишаками. Тогда Маметхан разрешил им поселиться в шатре.

Через пять дней Хуршид-ай, выполняя просьбу мужа, просит у отца ружья и коня. Маметхан дает сломанное ружье и клячу. Наутро плешивый, помолившись богу, берет ружье и едет на охоту. Выхав из кишлака, он отпускает клячу, сжигает волос, вырванный накануне из хвоста своего коня, конь является к нему, и Рустам скачет на нем в горы. Рустам пригоняет оттуда диких коней, баранов и коз. Потом отпускает своего коня и верхом на кляче возвращается домой. В полдень всем на удивление он въезжает в кишлак с большой добычей¹⁶. Восьмидесятилетний конюх по имени Ислам, увидев плешивого, говорит: «Я боюсь этого плешивца. Он выиграл в состязаниях, и кажется мне, что это сам Рустам Дастан».

Об этом доложили падишаху. Он вызвал семь старух и, дав им по одному ножу, приказал: «Прорежьте в юрте каждая по дырке и всю ночь наблюдайте, что там будет происходить». Смотрят старухи — царевна постелила постель и зовет плешивого, а он стоит у порога и не подходит к жене. Тогда Хуршид-ай подошла к мужу, обняла его и уложила в постель. Она сняла с плешивого маску, и старухи увидели красивого и стройного богатыря. Наутро старухи рассказывают Маметхану обо всем виденном ночью.

Финал развязки также имеет трактовку, отличную от рук. № 112 и № 594. Узнав о том, что под видом плешивого скрывается Рустам, падишах устраивает большой свадебный той и отдает ему трон. Рустам объявляет, что сядет на трон через шесть месяцев. Он вызывает пастуха, который накормил его двенадцатью баранами. Рустам женит пастуха на старухе, которая усыновила его, а затем обучает пастуха в течение шести месяцев, как надо царствовать. При помощи молитв пастух приобретает облик Рустама и садится на трон. Рустам отдает ему полоску, срезанную с кожи дракона, со словами: «Будь падишахом, сиди на троне. Никто не узнает, что ты был пастухом». Так пастух стал падишахом, как ему и обещал Рустам.

Рук. № 1552

Началом развязки служит рассказ о возвращении Рустама к шатру девушки. Рустам рассказывает Офтобой о своем подвиге и показывает ей в доказательство срезанную полоску. Она просит взять ее в жены, но Рустам отвечает: «Я пока не имею право видеть твое лицо. Вначале пусть узнают твои родители, что ты жива, устроят большой той, а ты не выбирай никого своим мужем. Потом возьми яблоко и брось

¹⁶ См. сюжет о женитьбе царевича, принявшего облик плешивого, например, в сказке «Баба-Яга и царевич с золотыми волосами»: падишах поселяет молодых в конюшне; плешивый убивает на охоте много дичи, приводит коней, и все это при помощи духов, которых он вызывает, сжигая их волосы, вырванные накануне; дочь падишаха готовится для отца еду, в которой он обнаруживает кизяк, она объясняет это тем, что живет в конюшне, и падишах разрешает молодым жить во дворце (см.: Н. Остроумов, Сказки сартов в русском изложении, запись сказки в Ташкенте И. Митропольским и ее кокандского варианта В. Васильевым, стр. 3—11).

в меня, а я брошу перед тобой тесьму в знак свершенного подвига. Пусть народ узнает, что я убил дракона. Если твои родители согласятся, я женюсь на тебе».

Финалу развязки предшествует рассказ о мнимом победителе. Его сюжетная линия близка к рук. № 112.

Так, сохранено аналогичное повествование о вещем сне жены Хисровшаха, в котором ей привиделось, что дочь осталась жива; о поисках храбреца, желающего поехать к дракону; о согласии старосты нищих Тогай совершить подвиг, равный богатырскому; о встрече его с убитым драконом; о разоблачении Тогай. В изложении этих повторяющихся мотивов наблюдается расхождение в некоторых деталях.

Отъезду Тогай к дракону предшествует его разговор с придворным падишаха — стариком Яртыбаем. Яртыбай говорит: «Такой богатырь, как ты, должен убить дракона и получить дары падишаха. Если пойдешь на него, дам тебе за это сильного верблюда и ты увезешь весь жемрут, который он поднимет, а также получишь в жены дочь падишаха».

Тогай садится на шахского коня Афлотуна. Он приезжает к Хисровшаху. Хисровшах отправляет его к дракону, но перед отъездом Тогай Хисровшах говорит ему о своем предчувствии, что дракон уже убит одним богатырем.

Иначе мотивируется и присвоение Тогаем богатырского подвига: ударив мертвого дракона по голове, он убежден, что сам убил его, и поэтому претендует на заслуженное вознаграждение.

Ряд отклонений от рук. № 112 содержит финал развязки. Хисровшах устраивает сорокадневный той по случаю возвращения дочери. Офтобой рассказывает о своем освободителе и просит созвать во дворец всех мужчин своей страны. Мимо нее проходят джигиты, в том числе и Тогай, но она ни в кого не бросает яблоко. Тогаю сообщают, что в их стране в одной пещере живет тегушка джигита, убившего дракона, и что он должен пойти и пригласить его. Но Тогай не идет к джигиту. Рустам сам приходит во дворец. Офтобой сразу узнает своего спасителя. Она кидает ему яблоко, а он бросает перед ней полосу, срезанную с кожи дракона. Хисровшах устраивает Офтобой и Рустаму свадьбу, которая длится сорок дней и сорок ночей.

ОСЛЕПЛЕНИЕ ГЕРОЯ

Во всех записях дастана содержится одинаковая мотивировка ослепления героя: старуха делает это с целью обессилить богатыря, а затем убить его. События, предшествующие ослеплению, как и само ослепление, в разных записях изображаются по-разному.

Рук. № 594

Содержание эпизода аналогично эпизоду рук. № 112; незначительные изменения наблюдаются в трактовке отдельных мотивов.

Рустам, не доехав до дворца, где осталась его мать, находит в одном месте одеяло и подушку. Он решает отдохнуть и засыпает. Старуха-мастан, увидев спящего богатыря, хочет убить его ударом камня по голове, но, побоявшись его силы, решает прибегнуть к помощи дива. Превратившись в красавицу-молодицу, она обращается к диву, охотящемуся в горах: «Убей моего сына. Я сама побоялась убить его — он большой. Убей моего сына, и я выйду за тебя замуж». Див, вынув саблю, приближается к Рустаму, но при виде его пугается и бежит прочь.

Старуха спрашивает дива: «Почему ты убежал?» Он отвечает: «Я побоялся его мощи. Если сможешь, ослепи его». Старуха читает молитву, потом берет горсть земли и бросает ее в глаза Рустаму. Он мгновенно слепнет.

Однако див боится даже слепого Рустама. Он просит старуху встать впереди него, чтобы самому убежать, если ему не удастся убить Рустама. Старуха идет впереди, а див — сзади нее. По пути див думает: «Зачем же убивать молодого джигита? Наверное, эта старуха — ведьма». И он одним ударом убивает ее. Подойдя

к Рустаму, див говорит: «Ты стал слепым, а то убил бы меня». Затем див приводит Рустаму коня, а сам возвращается в страну Куйкоф.

В повествовании отсутствует ряд сцен и мотивов, имеющих в рук. № 112: диалог Рустама и старухи, принявшей облик его матери; испытание силы путем связывания героя веревкой; сказочная формула-условие в разговоре старухи с дивом, когда она вытаскивает дива из подземелья лишь после третьего его обещания стать ее мужем; устраниение дива богатырским взглядом.

Здесь, однако, сохранен характерный мотив героического эпоса: богатыря постигает беда во время его сна¹⁷. В огузском героическом эпосе «Китаб-и Коркут» мы находим любопытное объяснение этому: «В тот век, если джигитов-огузов постигала беда, она приходила от сна»¹⁸. В этом мотиве, очевидно, отразилось древнее представление: сон сопоставляли со смертью, что подтверждают и следующие строки памятника: «Беки огузов засыпали на семь дней, вот почему называли их сон переходящей смертью»¹⁹.

Рук. № 802

Эпизод отличается от рук. № 112 и № 594 рядом мотивов и ситуаций, существенно меняющих его сюжетный контур.

Старуха-мастан долго разыскивает Рустама и Хурум-пери. Пройдя по степи семнадцать дней, она находит дворец Ак-Курган. Старуха застаёт там Хурум-пери одну и спрашивает у нее, где Рустам. Хурум-пери отвечает, что ее сын уехал давно и до сих пор не вернулся. Старуха уговаривает Хурум-пери вместе с ней вернуться в Акташ. По дороге она ослепляет ее и бросает в открытую могилу.

Возвращению Рустама к матери предшествует его вещей сон, в котором он видит мать в страданиях и мучениях. Он рассказывает свой сон пастуху, которого вместо себя посадил на трон. Рустам предчувствует беду. Он прощается с пастухом и вместе с женой уезжает в сторону степи Изгыр. Проехав семь дней и семь ночей, они достигают дворца Ак-Курган. Рустам безуспешно разыскивает свою мать в течение трех дней и трех ночей. Однажды он слышит плач и зов из открытой могилы. Рустам идет к могиле и находит в ней свою мать. Он вытаскивает ее оттуда. Проведя рукой по глазам матери, он излечивает ее от слепоты. Потом Рустам приводит мать во дворец Ак-Курган.

Существенно отличается от рук. № 112 и № 594 изображение самого момента ослепления героя, которое происходит здесь без участия дива.

Вернувшись и не найдя Хурум-пери в открытой могиле, старуха вновь пришла ко дворцу и стала выжидать. Она знала, что если Рустам засыпал, то сон его длился сорок дней и сорок ночей.

Прошло двадцать дней. Видя, что Рустам не выезжает на охоту, старуха обернулась красавицей-пери и пришла во дворец. Она сказала Хурум-пери, что прибыла из страны Куйкоф. «Мне судьбой предсказано, что на мне женится Рустам и у нас родится сын, который станет царем всей земли. Я долго искала Рустама и наконец нашла его». Хурум-пери познакомила ее с Хуршид-ай. Женщины обрадовались, что их станет трое и они все вместе будут хозяйничать. Старуха предлагает разжечь большой костер, чтобы приготовить еду. Незаметно раскалив кусок железа, она прижигает глаза Хурум-пери, а потом и спящему Рустаму. Затем старуха, подойдя к яме, зовет Рустама, а когда он приближается на ее голос, она толкает его в яму.

Старуха отвозит Хуршид-ай в Акташ, прячет ее и говорит Султанхану, что привезла ему красавицу-пери. Султанхан подсылает к Хуршид-ай несколько женщин, чтобы узнать, красива ли она. Вернувшись к Султанхану, женщины просят от него

¹⁷ Ср., например, в узбекском героическом эпосе «Алпамыш», где героя пленяют враги во время его богатырского сна.

¹⁸ КОГЭ, Песнь VI, стр. 69.

¹⁹ Там же, стр. 95.

подарок, так как девушка оказалась красавицей. Султанхан устраивает сорокадневную свадьбу. Муллы проводят обряд обручения. В последний день свадьбы Хуршид-ай просит Султанхана подождать и не входить к ней три дня, так как она не чистая. По прошествии трех дней Султанхан вновь приходит к Хуршид-ай. Он говорит: «Стели постель». Тогда Хуршид-ай рассказывает все о Рустаме и признается в том, что она жена Рустама. Услыхав это, Султанхан бросает престол и уезжает в Египет.

Рук. № 1552

Эпизод по своему сюжету близок к рук. № 112 и отличается лишь незначительной вариативностью некоторых мотивов.

Процарствовав сорок дней, Рустам вспомнил о матери и загрустил. Офтобой спрашивает: «Почему грустишь? Неужели у тебя осталась где-то жена?» Рустам просит ее разрешить вернуться к матери. Она отпускает его и говорит: «Если ты мужественный человек, не обманывай меня. Возьми свою мать и возвращайся».

На рассвете следующего дня Рустам уезжает в замок Акрабат.

Злая старуха в Акташе решила про себя: «Если когда-нибудь вернутся Хураим с Рустамом, мне будет плохо. Я должна убить их». Она села на белого осла и направилась в Акрабат. Застав Хураим одну, она ослепила ее и закрыла в сороковой комнате подземелья. Старуха надела платье Хураим, села и стала ждать Рустама.

Вскоре вернулся Рустам. Старуха стала упрекать его в долгом отсутствии. Она делает вид, что не верит его рассказу о победе над драконом. Будто бы желая убедиться в его силе, она предлагает: «Сейчас свяжу тебя сорокасаженной веревкой, которой привязывала твоего коня. Если ты говоришь правду, ты ее разорвешь». Свяжав Рустама, старуха прочитала молитву, а потом взяла горсть земли и бросила ее в глаза Рустаму. Рустам мгновенно ослеп. Старуха освободила из подземелья дива и привела его к Рустаму. Она просит дива убить Рустама, выдавая его за своего сына. Однако див, заподозрив, что это не сын старухи, одним ударом убивает ее. Он развязывает Рустама, а сам убегает.

При всей близости сюжета эпизода к рук. № 112 в нем отсутствует ряд мотивов: сказочная формула-условие в рассказе об освобождении старухой дива; эпический мотив устрашения дива богатырским взглядом; див, освободив Рустама, не просит его приехать в свою страну и убить враждебных ему дивов (упомянуто только, что див был врагом других дивов, заточивших его в подземелье).

ИСЦЕЛЕНИЕ ГЕРОЯ ОТ СЛЕПОТЫ

Эпизод во всех вариантах дастана разработан по-разному. Само исцеление всюду носит чудесный характер и иногда приобретает религиозную окраску.

Рук. № 594

Слепой Рустам долго идет по пустыне. Чтобы не сбиться с пути, он держится за узду своего кня. Обессиленный Рустам вынужден остановиться прямо в пустыне. Он плачет, сетуя на свою горькую судьбу. Его встречают женщины, идущие на свадьбу во дворец. Рустам обращается к женщинам: «Передайте Офтобой, что я теперь стал таким».

Одна женщина на свадьбе Офтобой с Артык-Палваном рассказывает Офтобой о слепце, которого она встретила в пустыне, идя на ее свадьбу. Офтобой тут же покидает свадебный той, в сопровождении сорока прислужниц она находит Рустама в пустыне, приводит его во дворец и сажает на золотой трон отца. Офтобой объявляет всем, что Рустам ее спаситель, и называет его своим мужем. Везиры, узнав о настоящем победителе дракона, останавливают пир в честь Артык-Палвана, а затем начинают свадьбу Офтобой и Рустама.

Рустам, став мужем Офтобой, просит ее отыскать муллу, который излечит его путем молитвы. Мулла во дворце долго читает молитву, и Рустам прозревает.

Рук. № 802

Ослепленный Рустам лежит на дне глубокой ямы сорок дней и сорок ночей. Его излечивает некто «невидимый, посланный свыше».

В финале эпизода введен рассказ, отсутствующий в других записях.

Когда Рустам прозрел, он увидел наверху, у края ямы, своего плачущего коня. Он приказал коню: «Скачи в Египет, куда приезжают купцы и продают шелк. Укради мешок шелка и отдай моей матери. Пусть она сделает веревку в сорок сажений. Обвяжись ею и один конец сбрось мне». Конь Рустама прискакал в Египет, взял на базаре мешок шелка. В Ак-Кургане он разыскал слепую Хурум-пери и отдал ей шелк. Мать Рустама сплела веревку, при помощи которой конь вытащил Рустама из ямы²⁰.

Рук. № 1552

Сюжет эпизода исцеления героя близок к данному эпизоду рук. № 112. Лишь отдельные сцены и мотивы либо отсутствуют, либо получают иную интерпретацию.

Помощь слепому Рустаму оказывают его верные собаки. Борзые приводят Рустама к заброшенному кладбищу. Он поселяется в пустой могиле, и собаки приносят ему еду.

Однажды борзые прибегают в страну Хисровшаха. Увидев их, Офтобой вспоминает, что Рустам рассказывал ей о своих двух борзых. Она бросает им хлеб. Собаки, схватив хлеб, бегут к Рустаму. Офтобой идет за ними. Увидев слепого Рустама в пустой могиле, она обращается к нему с вопросом:

— Разве это твой Акрабат? Кто ослепил тебя?

Рустам отвечает:

— Ослепила меня мать, и я теперь стал наравне с мертвыми.

Офтобой не верит этому. Она говорит:

— Мать не могла ослепить тебя. Это пришла в Акрабат какая-то колдунья. Может быть она убила и твою мать?

Излечение Рустама от слепоты изображается отлично от рук. № 112. Офтобой берет горсть земли, читает молитву, и Рустам прозревает. Вдвоем они едут в Акрабат.

ВТОРИЧНОЕ СПАСЕНИЕ ГЕРОЕМ МАТЕРИ

Во всех имеющихся записях (за исключением рук. № 802) рассказ о вторичном спасении Рустамом своей матери сохраняет сюжетную близость.

Рук. № 594

Рустам счастливо живет с Офтобой в ее стране. Однажды собаки Рустама перестают есть и начинают жалобно скулить, как бы предчувствуя беду. Рустам вспоминает о матери. Он просит Офтобой передать своему отцу Буврахану, что должен вместе с нею вернуться к матери.

Буврахан говорит: «Где муж, там должна быть и его жена». Он отпускает обоих и дает им много богатства и слуг. Однако Рустам отказывается от слуг и уезжает вдвоем с Офтобой.

Приехав во дворец, где оставалась Хураим, они долго ищут ее, но не находят. Наконец, Рустам отыскивает темницу, куда бросила старуха его мать, и выводит ее оттуда. Увидев сына и невестку, она радуется. Все трое остаются жить во дворце.

Рук. № 802

Эпизод по своему сюжету отличается от данного эпизода всех остальных записей.

Рустам возвращается к матери один. Он отыскивает ее в степи, излечивает от

²⁰ Такое изображение спасения героя его конем обычно для героического эпоса среднеазиатских народов.

слепоты, проведя рукой по ее глазам. Мать и сын решают покинуть те места, где дважды пострадали от коварства старухи-колдуньи. Они вдвоем садятся на коня и выезжают в степь.

Рук. № 1552

Рустам вместе с Офтобой приезжает в Акрабат. Они ищут мать. Наконец, открыв одну запертую комнату замка, они находят там бесчувственную Хураим. Ее излечивает от слепоты Офтобой.

Хураим славит бога за то, что ей довелось увидиться с детьми. Она рассказывает им, что стала жертвой старой колдуньи, пришедшей однажды из Акташа. Рустам рассказывает матери о всем пережитом за время их разлуки: о победе над драконом; о женитьбе; о том, что был ослеплен той же старухой и спасен Офтобой. Все остаются жить в замке Акрабат.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГЕРОЯ НА РОДИНУ

Этим эпизодом завершается повествование, сюжет которого в рук. № 802 имеет значительные отклонения от всех других вариантов.

Рук. № 594

Отличается от рук. № 112 начало эпизода.

Отсутствует рассказ о том, что Султанхан узнает о победе Рустама над палачами. Он не бросает престол и не становится каландаром.

В последующем развитии действия нет подробностей странствий Султанхана. Приход его во дворец к жене и сыну также изображается с существенными изменениями. Рассказывается, что однажды Рустам просит у матери разрешения пойти на охоту. Она отпускает его со словами: «Раньше ты мог бросить меня и уйти, а теперь жену не оставишь надолго. Ладно, иди».

Рустам, спускаясь с горы, неожиданно встречает отца. На вопрос Рустама, кто он такой и что здесь делает, Султанхан отвечает: «Я четырнадцать лет не видел сына. Ты похож на моего сына, а конь твой — на коня сына».

Существенные различия наблюдаются и в раскрытии последующего действия.

Рустам узнает отца, бросается к нему, обнимает и целует его. Узнав от Рустама, что Хураим во дворце, Султанхан просит сына отвести его туда. Рустам отвечает: «Что бы вы ни совершили, вы остаетесь мужчиной, а моя мать — женщина. [Поэтом] я приведу ее к вам».

Увидев издали приближающегося Рустама, Хураим подумала: «Раньше он уезжал даже на три месяца, а теперь вернулся на третий день. Наверное, он едет с плохими вестями». Подъехав к матери, Рустам извещает ее о прибытии отца и просит за это радостное известие подарок (суюнчи). Но Хураим отвечает: «Пусть умрет твой отец! Я не пойду к нему». Рустам говорит ей: «Если ты не пойдешь, я откажусь от тебя и от отца. Уйду от вас и отрешусь от мира», — и собрался уйти. Испуганная Хураим бежит за ним со словами: «Что бы ты ни сказал, я все сделаю. Только не уходи!».

Рустам приводит мать и Офтобой к Султанхану. Хураим сначала не хочет простить Султанхана, но все же примирение происходит, и все четверо решают отправиться на родину. Приехав в Акташ, они мирно живут там по-прежнему.

Раскрытие вины двух старших жен Султанхана, оклеветавших Хураим, и их казнь изображаются иначе, чем в рук. № 112.

После возвращения в Акташ Султанхан днем правил страной, а по ночам ходил туда, где видел сборище людей, так как хотел узнать, кто его враги. Однажды ночью он услышал во дворце разговор своих старших жен. Одна из них сказала: «Неужели старуха-мастан так и уйдет от нас, взяв столько богатств? Хураим и Рустам живы-здоровы, а мы опять стали [чуть ли] не последними людьми в его царстве». Султанхан, поймав своих жен на слове, устраивает им очную ставку с судьями-казиями, подпи-

савшими письмо с клеветой на Хураим. Женам не удается оправдаться, так как Султанхан показывает им письмо. Султанхан призывает палачей и приказывает отрубить головы и женам и казиям, но так, чтобы ни одна капля крови не упала на землю²¹. Палачи казнят клеветников. Султанхан передает царство Рустаму и Офтобой, а сам мирно доживает остаток своих дней.

Рук. № 802

Рассказу о возвращении героев на родину предшествует вводное повествование (отсутствующее во всех других записях), составленное из отдельных сказочных сюжетов.

Рустам, выехав вместе со спасенной матерью из дворца, через четыре дня встречается в степи плачущего пастуха. На вопрос Рустама, почему он плачет, пастух рассказывает, что в этом краю живут только дивы и пери, а царя их зовут Аллом. Царь приказал достать со дна глубокой реки бриллиант, который светит ночью, как лампа. Доставшему бриллиант он обещал отдать дочь и назначил срок в сорок дней, иначе всех убьет. «Прошло уже двадцать дней, бриллиант никто не смог достать. Поэтому я и плачу».

Далее следует серия приключений героя в сказочной стране.

Рустам вместе с матерью приезжает в страну дивов и пери. Они останавливаются в пустынной местности и проводят там два дня. На третий день Рустам спрашивает мать, можно ли ему поехать в степь Изгыр. Она дает разрешение, и Рустам уезжает. Поднявшись на холм у того места, где сливаются семь рек, Рустам видит растущую в реке чинару, а на ее верхушке — гнездо. Рустам посмотрел в другую сторону и увидел, что на черной земле лежат два дракона. Он спрыгнул с коня, подошел к драконам и убил их. В это время прилетела птица Симург. Увидев убитых драконов, она обрадовалась и сказала Рустаму: «Хорошее дело ты сделал, убив драконов. Они съедали каждый день одного моего птенца. Скажи, какое мне сделать для тебя доброе дело».

Рустам говорит, что ему нужно достать со дна реки бриллиант. Симург отвечает: «Садись на меня, и я взлечу. Ты смотри на землю. Когда земля станет величиной с котел, скажи мне „Хватит“ и я брошусь камнем в реку, разделю ее на две части, а ты хватай со дна бриллиант». Рустам сделал так и, достав бриллиант, попрощался с Симургом. Он вернулся к матери.

На этом заканчивается один сказочный сюжет, представляющий собой контаминацию широко распространенного на Востоке сюжета о богатыре Рустаме Дастане (сыне Залая) и легендарной птице Симурге. Образ Симурга и его роль в судьбе богатыря — тема и дастанов литературного происхождения, например узбекских «Сейпул-Мелик», «Зебархан», «Приключение царевича Санаубара».

Далее повествуется о других приключениях Рустама тоже сказочно-фантастического характера.

Когда истек срок, назначенный Аллом, Рустам посылает свою мать к царю Алпу сватать его дочь. Мать, боясь царя, вначале не соглашается, но Рустам уговаривает ее. Каждый день она стала приходить ко дворцу и подметать у ворот.

На третий день царя оповестили, что какая-то женщина ежедневно подметает у ворот. По приказу царя ее схватили и привели во дворец. На вопрос царя, что она здесь делает, Хурум-пери объяснила, что пришла просить руки его дочери для своего сына. Царь Алп отвечает: «Я ему отдам дочь, если он достанет бриллиант».

²¹ Здесь, очевидно, есть связь со сказочной традицией. В сказках многих народов мира, в том числе и среднеазиатских народов, часто изображается, как после убийства колдуньи, дракона, ядовитой змеи из каплей их крови, падающих на землю, произрастают вредные растения или из пасти мертвого чудовища вылетают тучи насекомых. Очевидно, этим подчеркивается, что Султанхан считает своих жен чуть ли не ведьмами, от которых можно ждать зла и после их смерти.

Обрадованная Хурум-пери вернулась к Рустаму. Он дал ей бриллиант и одну бриллиантовую туфельку. Когда она принесла это царю, тот подумал, что туфлю потеряла его дочь, и разгневался. Потом он отпустил Хурум-пери, сказав: «Я убил бы тебя, но ты женщина. Уходи». Мать рассказывает Рустаму о том, что случилось с ней во дворце. Он дает ей жемчужную туфлю, она снова приносит ее царю. На этот раз Алп соглашается отдать дочь за Рустама.

У царевны были бриллиантовые серьги без отверстий. Ни жестянщик, ни ювелир не смогли просверлить в серьгах отверстия. Тогда царь приказал везиру: «Пусть это сделает тот, кто приносит подарки». Привели Хурум-пери, и везир передал ей приказ падишаха. Она взяла серьги и принесла сыну. Рустам поставил условие везиру: он просверлит серьги, как просит царевна, в том случае, если она сама будет смотреть на него сверху из своего дворца. Падишах дал согласие на это. Увидев мастерство Рустама, царевна влюбилась в него. Царь Алп устроил свадьбу, которая длилась сорок дней и сорок ночей. Он отдал Рустаму престол. Рустам стал царствовать.

По прошествии шести месяцев в ту страну пришли купцы и рассказали Рустаму о том, что там, где сливаются семь рек, под водой живут семеро братьев. Они молятся солнцу, ловят рыб, жарят их на солнце и едят. Рустам взял с собой 1500 солдат и поехал в сторону горы Бадбахт. Он оставил войско, а сам поднялся на гору. Там он встретил одного из семерых братьев — самого сильного великана Абаша. Великан схватил Рустама и положил его в свой карман. Прошло три дня. Рустам не вернулся к войску. Один везир пошел его искать. Абаш увидел везира, поймал его и спросил, что он здесь делает. Везир ответил: «Я племянник Рустама. Если ты меня не отпустишь, я пожалуюсь своему дяде, и он тебя убьет».

Абаш вынул из своего кармана Рустама и спросил: «Это твой дядя?». Получив утвердительный ответ везира, великан подумал: «Оказывается, как важно быть знаменитым! Несмотря на мою силу, везир не побоялся меня, а грозился пожаловаться дяде», и отпустил обоих. Рустам скрепя сердце вернулся домой вместе со своим войском.

Все эти сказочные сюжеты широко бытуют в фольклоре среднеазиатских народов. В узбекских сказках повествуется о том, как герой останавливается в том месте, где сливаются несколько рек. Там он отыскивает на дне реки желанный предмет²². Характерен для сказок и сюжет о богатыре, убивающем драконов, ежедневно съедавших птенцов Симурга в гнезде на высокой чинаре. В дастане он близок к сюжету узбекских богатырских сказок. Так, например, в сказке «Аикпалван» богатырь находит на высокой горе высокую чинару с гнездом птицы Симург и убивает из лука дракона, обвиняемого вокруг ствола дерева. В благодарность за это Симург относит Аикпалвана к дереву жизни²³. В сказке «Кенджа-батыр» герой, заблудившись в подземном царстве, по совету старика убивает дракона, ежедневно съедавшего на высокой чинаре птенцов Симурга, за что тот возвращает его на землю²⁴.

Аналогичный сюжет в таджикской богатырской сказке «Медведь-богатырь», в которой рассказывается о том, как богатырь по пути в верхний мир видит на берегу пруда чинару с гнездом птицы Симурга и спасает птенцов, убив дракона. В благодарность за это Симург дает богатырю свои перья и переносит его в верхний мир²⁵.

²² См., например, сказку «Воспирохун» («Узбекские народные сказки», т. I, стр. 168).

²³ «Аикпалван», там же, стр. 421.

²⁴ «Кенджа-батыр», там же, т. II, стр. 15.

²⁵ «Медведь-богатырь» (см.: «Таджикские сказки», 1961, стр. 151). В исследовании С. Е. Малова «Лобнорский язык» (Фрунзе, 1956) в разделе «Рассказы и сказки» на стр. 30 приводится сказка «Птица Симург и юноша» с тем же сюжетом: герой ходит до вяза с гнездом Симурга. Будучи проглочен драконом, герой разрезает его изнутри мечом. Затем он садится на Симурга и летит, чтобы достигнуть своей цели. Симург дает ему свой пух и обещает явиться к нему, когда он сожжет пух.

Наиболее вероятно предположить, что сюжет этот в дастане восходит к узбекской сказке «Птица Симург»²⁶, так как в ней наиболее полно сохранены все его звенья.

Сюжет о сватовстве героя к царевне также заимствован из сказки, полностью сохраняя все ее компоненты: сваха (чаще всего мать героя) трижды приходит во дворец падишаха, подметая у ворот. Любопытно, что в самих сказках дается объяснение этой ситуации, очевидно, возникшей из реального народного обычая: «в те времена был такой обычай: сваха должна была прийти в дом невесты на рассвете и подмести двор»²⁷ — или: «по обычаю тех времен тот, кто сватался к какой-либо девушке, три дня подряд подметал двор ее отца»²⁸. Именно так поступает сватающий во многих сказках²⁹. Нередко, узнав, что сватается бедняк, разгневанный падишах приказывает казнить свата. Однако тот трижды воскресает чудесным образом и добивается у него согласия на брак с дочерью. Обычно падишах ставит еще условия жениху и отдает дочь после того, как жених выполняет трудные условия, добывает чудесные предметы³⁰.

Сюжеты о подношении женихом подарков (бриллиантовой и жемчужной туфелек), а также испытание героя мастерством (условие царевны — просверлить дырочки в серьгах) не характерны для сказок народов Средней Азии. Возможно, что они заимствованы из сказок других народов. Также не характерен для сказок среднеазиатских народов и сюжет о великанах — семи братьях, живущих под водой там, где сливаются семь рек. Этот сюжет, очевидно, восходит к древним легендам восточных народов о великанах.

Эпизод завершается повествованием о битве Рустама с войском Султанхана. Изображение битвы переключается с рассказом о богатырском бое отца и сына, характерном для эпического сюжета.

По прошествии трех месяцев Рустам снова уходит в степь Изгыр со своим полуротысичным войском. Через четырнадцать дней и ночей они останавливаются у страны Иран, где царствует Султанхан. Узнав у одного из своих приближенных о появлении вражеского войска, Султанхан выходит навстречу со своим войском. В письме к нему Рустам предлагает битву между сильнейшими богатырями обоих войск, на что Султанхан соглашается. Султанхан высылает двух богатырей и оповещает об этом Рустама. Бой с первым богатырем принимает сам Рустам. Он убивает его и еще одиннадцать богатырей отца. Разгневанный Султанхан, оседлав коня, сам выезжает на бой с сыном. Во время битвы Рустам узнает отца и прекращает поединок. Султанхан возвращается в Иран, а Рустам — в страну дивов и пери.

Рассказ о возвращении героя на родину существенно отличается от содержащегося во всех остальных вариантах (за исключением ситуации о казни клеветников). Его сюжетный контур следующий.

Через сорок дней после возвращения из военного похода Рустам вместе с матерью и женой уезжает в степь Изгыр. Проехав семнадцать дней и ночей, они прибывают в Акташ. Рустам идет во дворец Султанхана, его радостно встречает прислужница Хипчагуль. Наутро Рустам просит ее позвать девятерых палачей,

²⁶ «Семург куш», запись М. Ташпулатовой от сказителя Қ. Эрматова в Ташкенте в 1939 г., описание З. Хусайновой в 1956 г. Рукописный фонд ИЯЛ им. А. С. Пушкина, АН УзбССР, инв. № 143.

²⁷ Сказка «Волшебный светильник»: см.: «Узбекские народные сказки», т. I, стр. 408).

²⁸ См., например: сказку «Водарег» (см.: «Таджикские сказки», стр. 134).

²⁹ «Сорок женихов» («Узбекские народные сказки», т. I, стр. 320); «Эрназар и Кимоназар» (там же, стр. 445); «Волшебный цветок Гулирайхон» (там же, т. II, стр. 5); то же см.: в сказке «Несравненный цветок» (см.: «Таджикские сказки», стр. 178).

³⁰ Например, в сказках «Мулла Панкуш» и «Мне лень!» (см.: «Узбекские народные сказки», т. II, стр. 72, 351).

оставшихся в живых после его сражения с ними, чтобы палачи рассказали о его победе. Увидев Рустама, палачи испугались. Рустам сказал: «Не бойтесь меня, я сын Султанхана. Мое имя Рустам Дастан», и он привел к ним мать. Палачи, увидев ее, обрадовались.

Наутро Рустам приказывает созвать все сорок тысяч жителей Акташа от мала до велика. Жители, услышав звуки карная и сурная, думают, что вернулся Султанхан. По приказу Рустама двух жен Султанхана и злую старуху привязывают за волосы к хвостам лошадей и гонят через степь.

Рустам отправляет к отцу сто человек с извещением о том, что он вернулся на родину. Через пятнадцать дней и ночей гонцы приходят к Султанхану и вручают ему письмо Рустама. Султанхан созывает народ и назначает из народа одного человека царем Ирана. Сам же покидает страну и прибывает через четырнадцать дней в Акташ.

В финале повествуется о радостной встрече отца и сына. В честь возвращения всей семьи в Акташ Султанхан устраивает для народа праздничный той, который длится шесть месяцев. Рустам становится падишахом Акташа и достигает вместе с матерью исполнения своих желаний.

В заключительных строках сказитель прославляет свое время, себя и радостную жизнь в родном ему колхозе.

Рук. № 1552

Содержание эпизода аналогично рук. № 112 с незначительными изменениями в деталях.

Повествование начинается с рассказа о том, что народ укоряет Султанхана: «У тебя был сын Рустам, а жену ты приказал повесить в Шатуте и остался теперь без жены и сына». Султанхан раскаивается и решает покинуть престол и отрешиться от мира. Он уходит странствовать, примкнув к сорока каландарам.

Однажды Султанхан отыскивает замок Акрабат. Он просит милостыню. В своей песне Султанхан рассказывает о страданиях из-за жены и сына. Песню Султанхана слышит Офтобой и сообщает Хураим, что пришел Султанхан. Хураим отвечает ей: «Он причинил мне много зла. Я не хочу его видеть».

Рустам, вернувшись с охоты, застаёт во дворце каландаров. На его вопрос, что это за каландары, Хураим издала указывает на его отца. Офтобой приводит Султанхана к Рустаму. Все радостно встречаются, но Хураим отказывается вернуться в Акташ. Она говорит Султанхану: «Какое зло ты причинил мне! Я не поеду в твою страну».

Рустаму удается уговорить мать, и все вместе отправляются в Акташ. Проезжая мимо тутовника с виселицей, Хураим вновь укоряет мужа за жестокость. Султанхан говорит: «Не вспоминай старое. Я накажу твоих врагов».

В финале рассказывается о том, как все прибыли в Акташ, о сорокадневном тое в честь Рустама, о казни клеветников и о том, что все стали жить в благоденствии до конца своих дней.

СЛОВАРЬ

Адрас адрас (полушелковая узорчатая материя кустарного производства).

Айм 1) женщина (жена) из аристократической, богатой семьи, госпожа; 2) в обиходной речи прибавляется к именам собственным женским при почтительном или ласковом обращении к молодой женщине или девушке.

Ай 1) луна, месяц; 2) прибавляется к имени собственному при почтительном или ласковом обращении к молодой женщине или девушке. В дастане встречается во 2-м значении.

Айван 1) крытая терраса (при доме); 2) царский приемный зал в виде прямоугольного помещения, открытого с одной стороны; 3) чертоги, портик, галерея, загородный дом, дворец. В дастане встречается в 1-м и 3-м значениях.

Ака 1) старший брат; 2) вежливое обращение к старшему мужчине; 3) прибавляется к мужским именам собственным при почтительном обращении. В дастане встречается в 3-м значении.

Акрабат слово состоит из двух частей: ак 'белый, седой' и рабат 1) сторожевые посты в укрепленной стене или самостоятельные укрепления, отстоявшие на определенном расстоянии друг от друга; 2) укрепленные стоянки на торговых путях; 3) караван-сарай, постоялый двор. По сообщению Бартольда, так «первоначально назывались укрепления в пограничной полосе мусульманского мира, где велась война за веру и устраивались своего рода казачьи станицы. Впоследствии, когда война за веру утратила значение — рабаты с жившими в них мурабитами обратились частью в странноприимные дома, частью в обители отшельников» (В. В. Бартольд, Ислам, общий очерк, Пг., 1918, стр. 65). В дастане Акрабат — название дворца, который как бы служит странноприимным домом для Рустама и его матери, лишившихся родины и скитавшихся на чужбине.

Аксарай название постоянного двора.

Акташ название города, расположенного в Самаркандской области (вблизи городов Катта-Кургана и Самарканда). В дастане — название государства (вилаяета), родины богатыря.

Алатэг легендарная гора.

Алиф первая буква арабского алфавита в виде вертикальной черточки. В классической и народной поэзии Востока — метафора, символизирующая стройный стан красавицы.

Апа 1) старшая сестра, тетка; 2) мать. В обиходной речи прибавляется к именам собственным женским при почтительном обращении к женщине (даже, если она моложе говорящего). В дастане встречается в 1-м значении.

Араб хмельной напиток, водка.

Арба 1) телега, повозка, подводка; 2) экипаж, карета; 3) возок. В дастане употреблено во 2-м значении.

Бабатэг легендарная гора.

Байбача́ 1) сын бека (см. бек); 2) сын богача.

Батма́н 1) старинная мера веса; 2) мера тяжелого веса: в Бухаре около 8 пудов, в других местах 4 пуда и меньше, в Ферганской области — до 2 пудов.

Бек 1) титул знатного лица, правителя города или области в феодальных ханствах; 2) князь, вельможа, дворянин, господин. В дастане встречается в 1-м значении.

Вилайёт 1) провинция, область, район; 2) страна, губерния, вотчина, удел. В дастане встречается во 2-м значении.

Виселица Мансу́ра понятие вошло в дастан как отголосок легенды о казни Мансура, отражающей реальное историческое событие. Халладж Мансур (858—922) родился в Иране (дер. Эльтур, обл. Фарс), был учеником знаменитого суфийского ученого Джунайта Багдади. Путешествуя по многим странам Востока, Мансур пропагандировал свое учение, сущность которого выразил в лозунге: «Я есть бог». В 922 г. Мансур за свое еретическое учение (о слиянии с богом путем самоотречения и моления), идущее вразрез с ортодоксальным исламом (бог един), был приговорен к казни. Вначале ему нанесли палочные удары, отсекали руки и ноги и полуживым повесили на виселице, где докололи ножом. В дастане образ Мансура, согласно народному восприятию, олицетворяет мученика и страдальца.

Гашийс одурманивающее наркотическое средство.

Дахса́р название старинной меры веса. В дастане употребляется в значении «очень большой, тяжелый».

Джан 1) дорогой, любимый; 2) употребляется как приставка к именам собственным при обращении к кому-либо для выражения уважения и ласки.

Джигадóр хранитель свадебного украшения на головном уборе царственной особы (государственная должность при хане, эмире и пр.).

Джигит 1) молодец, дружинник; 2) юноша, молодой человек; 3) в фольклоре часто — богатырь. В дастане встречается во 2-м и 3-м значениях.

Дерви́ш 1) бедняк, нищий, бродяга; 2) мусульманский монах, странствующий суфий (см.). Дервизм распространился на Ближнем Востоке в X—XI вв. как своеобразный протест против ортодоксального ислама. Основным девизом дервишей было: отказ от всех мирских благ, очищение души и при помощи этого познание бога, слияние с ним. Странствующие дервиши-каландары (см.) жили подаянием по обету. В суфийской (как и в светской средневековой литературе) часто встречается образ странника — человека, разочаровавшегося в суетном мире, оставившего свой дом и посвятившего себя служению богу.

Див демоническое существо в облике исполина с рогами — персонаж восточных мифов, народных сказок и эпоса.

Дин-Камóн, по-видимому, название сказочной страны.

Дувáл глинобитный забор, стена.

Зякёт ежегодная милостыня или пожертвование в пользу бедных, установленное Кораном, как очищение от греха, и состоящее из 40-й или 20-й части доходов, товара, имущества и пр.

Има́м 1) должностное духовное лицо, руководящее молением в мечети; 2) священнослужитель, главное лицо духовенства; духовный наставник. В дастане употреблено в 1-м значении.

Ирамба́г волшебный сад изумительной красоты. В дастане — далекая сказочная страна, населенная дивами и пери (см.).

Ичка́ри 1) внутренняя, женская половина дворца, гарем; 2) часть дома, где помещались женщины и дети. В дастане употреблено в 1-м значении.

Каа́ба храм в Мекке со священным «Черным камнем», который является главной святыней мусульман и предметом их поклонения. Название храм получил по своей внешней форме в виде куба. «Черный камень» был главной святыней арабов-язычников еще задолго до принятия ими ислама. Существует арабская легенда о том, что камень упал с неба, как бы посланный богом, и поначалу сиял необыкновенным блеском, но

потом сделалась черным. При падении его стал бить из земли ручей, вода которого считалась целебной и поэтому тоже священной. Каждый араб был обязан раз в год посетить Каабу, семь раз поцеловать камень и семь раз испить воды из священного источника Зем-Зем. В дальнейшем паломничество (хадж) в Мекку стало религиозной обязанностью всех мусульман.

Каистан сказочная страна (букв. 'страна абрикосов').

Каландар 1) нищий, странник; 2) странствующий дервиш (см.), отшельник.

Караван-сарай постоялый двор.

Карнай широкая, длинная медная труба с резким звуком, на которой играют в особо торжественных случаях.

Кашмирская плутовка в этом выражении, очевидно, отразились народные представления, связанные с тем историческим фактом, что в прошлом в Среднюю Азию из Индии (Кашмира) проникали знахари, фокусники, колдуны и пр. Отсюда же аналогичное выражение «кашмирский плут».

Кесарь император, властелин, государь. В эпосе тюркских народов — один из постоянных эпитетов богатыря, выражающий его непобедимость, смелость.

Кибла сторона в направлении Каабы (см.), в которую обращаются мусульмане во время молитвы. По Бартольду, Кааба со времени прибытия Мухаммеда в Медину была объявлена киблой всех мусульман, т. е. той стороной, куда они должны обращаться во время молитвы.

Кулах конусообразная шапка дервиша.

Курбаш 1) начальник оружейного склада; 2) начальник местной полиции в до-революционном Туркестане; 3) предводитель. В дастане употребляется в 3-м значении

Курудым древнее название Аральского моря. Согласно народным преданиям, так же именовались и земли, лежащие у Аральского моря.

Кучкар 1) баран-вожак; 2) постоянный эпитет богатыря, передающий его силу.

Майдан 1) *ист.* главная площадь, имевшаяся в каждом крупном средневековом городе, на которой проходили смотры, различные сборища, состязания и т. п. 2) площадь, плац, манеж; 3) поле брани, место битвы, ристалище. В дастане встречается во 2-м и 3-м значениях.

Мастан хитрая коварная старуха; сказочный персонаж типа колдуньи, ведьмы.

Медресэ 1) высшее мусульманское учебное заведение; 2) духовная школа. В дастане употреблено во 2-м значении.

Миршаб 1) *ист.* начальник ночного дозора эмирской полиции; 2) полицейский чиновник. В дастане встречается во 2-м значении.

Мулла 1) мусульманский священник, духовник; 2) грамотный, образованный (человек), учитель.

Най най (музыкальный инструмент типа свирели).

Намаз намаз (совершаемые пять раз в день обязательные молитвы мусульман).

Насвай особо приготовленный табак, который закладывается под язык.

Ой 1) входит как составная часть в имена собственные; 2) прибавляется к имени при почтительном или ласковом обращении к молодой женщине, девушке; см. **ай**.

Офтобой имя собственное, составлено из двух слов: 1) **офтоб** 'солнце' и 2) **ой** (см.).

Пэри 1) красавица, обитающая в раю; 2) добрый дух, ангел, прелестное существо. В дастане встречается в 1-м значении.

Понсар старинная мера веса. В Самаркандской области — 32 кг.

Рабат см. акрабат.

Регистан *ист.* главная площадь средневекового города, на которой происходили смотры, празднества, состязания, казни, массовые сборища. В дастанах богатырь обычно перед походом выезжает на регистан, чтобы показать народу коня и доспехи.

Сарбаз рядовой солдат.

Сель 1) ливень, проливной дождь; 2) сель, бурный горный поток после дождя. В дастане употребляется во 2-м значении.

Симург птица Самрак — сказочная птица вроде древнего феникса, живет на Кафгоре, т. е. на Кавказе, имеет большое тело с человеческой головой и обладает разумом и даром слова (см. Н. П. Остроумов, Сказки сартов в русском изложении, 2-е изд., № 4, Ташкент, 1906, Примечания, стр. 66).

Судный день (день страшного суда) — день конца мира. Понятие вошло в литературу и фольклор народов Ближнего и Среднего Востока из библейской легенды. В день гибели мира (когда все покроется мраком, разрушатся города, сравняются с землею горы, а солнце и луна упадут в море) все люди получат возмездие за свои грехи. В этот день бог будет судить людей. Добродетельные попадут в рай, а грешники — в ад. В восточной литературе слово *киёмат* 'судный день' нередко употреблялось в переосмысленном значении для выражения высшей степени смятения, переполоха, сумятицы и т. п. В дастанах имеет широкое значение: внезапная беда, постигшая человека, несчастье вообще.

Супá 1) глиняное возвышение, устраиваемое в саду или во дворе для сидения или лежания; 2) возвышение, помост, постамент. В дастане употреблено в 1-м значении.

Сурна́й зурна; народный музыкальный инструмент (типа флейты).

Су́фий суфий, последователь суфизма — мистического течения в исламе. Название происходит от арабского слова *суф* 'шерсть' и было дано мусульманским подвижникам по их грубой шерстяной одежде. Суфизм зародился в VIII в., широко распространился в Иране с XI в. и в Средней Азии в XII—XIII вв. В его основе лежит пантеистическое представление о мире как проявлении всеобщей божественной сущности — истины. Суфизм утверждал возможность для каждого человека общения и совершенного слияния с богом, которое достигается полным отречением от своей личности и длительным аскетическим служением богу под руководством наставника (шейха или пйра-старца). В дастане означает: мусульманский подвижник.

Суюнчи́ 1) подарок за сообщение радостной вести — обычай, издавна распространенный у среднеазиатских народов; 2) радостная весть.

Тарла́н 1) канюк-курганник; 2) хищник (животное или птица), отличающийся прожорливостью. В дастане встречается во 2-м значении.

Тельпа́к теплая шапка, большей частью меховая.

Тенга́ обычно подразумевается мелкая серебряная монета, а иногда вообще монета серебряная и золотая.

Теша инструмент типа топорика.

Той 1) пиршество; 2) празднество по случаю свадьбы; 3) *поэт.* праздник. В дастане встречается в 1-м и 2-м значениях.

Тура́ 1) *ист.* господин, человек высокого происхождения; 2) сановник, чиновник; 3) прибавляется к именам собственным мужским при почтительном или ласковом обращении. В дастане встречается в 1-м значении.

Тулпа́р 1) скакун, боевой, породистый конь; 2) *фольк.* крылатый конь.

Тыквянка сухая тыква в форме кувшина с выдолбленной сердцевинкой. Служила каландарам специальным сосудом, в который складывалось подаяние. Маленькая тыквянка обычно употребляется как табакерка.

Ургенч в конце X века столица средневекового Хорезма. Развалины Ургенча расположены у южной окраины Куныя-Ургенча (ныне районный центр Гашаузской области Туркменской ССР). Разрушен монголами в 1221 г., но вновь восстановлен в золотоордынский период, после чего стал крупным торгово-ремесленным центром. В 1388 г. разрушен Тимуром. Значительно позднее рядом с городищем древнего Ургенча возникло селение Куныя-Ургенч.

Фатиха́ 1) первая сура (глава) Корана; 2) краткая молитва, приуроченная к какому-нибудь случаю. По Бартольд: «фатиха имеет для мусульманина такое же значение, как „Отче наш“ для христианина, содержит хвалу богу и обращение к нему: „тебе мы служим и к тебе взываем о помощи“» (В. В. Бартольд, Ислам, стр. 20); 3) благословение, напутствие.

Хадж паломничество мусульман в город Мекку для поклонения священной Каабе (см.).

Химча́ букв. 'тонкая, изящная'. В дастане — имя собственное.

Хур имя собственное, составлено из двух слов: 1) **хур** — гурия (в мусульманской мифологии — райская дева, в переносном значении — красивая, очаровательная женщина или девушка, нимфа, гурия, черноокая красавица) и 2) **аим** (см.)

Чарсу́ купольная постройка на пересечении базарных улиц. Обычно состоит многогранного помещения в центре и расходящихся по направлению улиц коридоров, покрытых сводами. Помещение чарсу являлось собственно небольшой крытой площадью. Вдоль стен внутри чарсу располагались лавки торговцев и ремесленников.

Чориёр букв.: 'четыре друга'. Здесь название местности. Под четырьмя друзьями имеются в виду четыре первых правителя (халифа) мусульманского государства: наместников пророка Мухаммеда: Абу-Бекр (правил 632—634), Омар (634—644), Осман (644—656) и Али (656—661). В толковании Бартольда: «чехар-яр» должно было соответствовать специальному месту, которое, по представлению среднеазиатских мусульман, занимали будущие халифы в дни приемов у пророка Мухаммеда (В. В. Бартольд, Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. — сб. «В честь семидесятилетия Г. Н. Потанина», — «Записки имп. географического общества по отделению этнографии», т. XXXIV, СПб., 1909, стр. 303).

Чортут букв. 'четыре шелковицы'. Здесь название местности, где по преданию растут, сплетаясь корнями, четыре шелковицы, посаженные четырьмя друзьями (см. Чориёр).

Шариат свод мусульманских религиозно-правовых норм, включающий гражданские отношения и обрядовые предписания.

Шайдилла́! бог свидетель! Возглас каландара, просящего милостью. Подавать милостью считалось богоугодным делом. Поэтому этим возгласом как бы призывали аллаха увидеть, что подавший милостью следует его заповеди.

Шатут букв.: 'четыре шелковицы' — название местности. То же, что и Чортут (см.).

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ	7
<i>Н. В. Кидайш-Покровская. О дастане «Рустамхан»</i>	8
ТЕКСТ	83
ПЕРЕВОД	191
ПРИЛОЖЕНИЯ	301
Описание вариантов дастана	303
Словарь	326

РУСТАМХАН

Узбекский героико-романический эпос

*Утверждено к печати
Институтом мировой литературы
им. А. М. Горького
Академии наук СССР*

*

Редакторы *Г. А. Давыдова*
и *Е. А. Поцелуевский*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Л. Т. Михлина*
Корректор *Г. В. Стругова*

*

Сдано в набор 18/V 1972 г.
Подписано к печати 3/XI 1972 г.
Формат 70 × 90¹/₁₆. Бумага № 1
Печ. л. 20,75. Усл. печ. л. 24,28
Уч.-изд. л. 21,08. Тираж 8500 экз.
Изд. № 2506. Зак. № 610.
Цена 1 р. 69 к.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука»
Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4